

ГЕРБЕРТ КРАФТ

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК ЭСЭСОВЦА



«МЕРТВАЯ ГОЛОВА» В БОЮ



**ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Герберт Крафт

**ФРОНТОВОЙ
ДНЕВНИК
ЭСЭСОВЦА
«МЕРТВАЯ ГОЛОВА»
В БОЮ**

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2010

УДК 355/359
ББК 68
К 78



Оформление серии *П. Волкова*
Перевод с немецкого *С. Липатова*

Крафт Г.
К 78 Фронтовой дневник эсэсовца. «Мертвая голова» в бою / Герберт Крафт ; [пер. с нем. С. Липатова] . М. : Яуза-пресс, 2010. — 352 с. — (Вторая Мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте).

ISBN 978-5-9955-0124-4

Он вступил в войска СС в 15 лет, став самым молодым солдатом нового Рейха. Он охранял концлагеря и участвовал в оккупации Чехословакии, в Польском и Французском походах. Но что такое настоящая война, понял только в России, где сражался в составе танковой дивизии СС «Мертвая голова». Битва за Ленинград и Демянский «котел», контрудар под Харьковом и Курская дуга — Герберт Крафт прошел через самые кровавые побоища Восточного фронта, был стрелком, пулеметчиком, водителем, выполняя смертельно опасные задания, доставляя боеприпасы на передовую и вывозя из-под огня раненых, затем снова пулеметчиком, командиром пехотного отделения, разведчиком. Он воочию видел все ужасы войны — кровь, грязь, гной, смерть — и рассказал об увиденном и пережитом в своем фронтовом дневнике, признанном одним из самых страшных и потрясающих документов Второй Мировой.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0124-4

© С. Липатов, 2010
© ООО «Яуза-пресс», 2010

«...так тебе останется только воспоминание. Но воспоминание — не лёгкий хлеб для того, кто носит в жилах тяжёлую кровь».

Пауль Антон Келлер

В 15 ЛЕТ САМЫЙ МОЛОДОЙ СОЛДАТ НОВОГО РЕЙХА

Всё было очень просто. 11 апреля 1938 года в зале одной из гостиниц прошла выездная призывная комиссия для добровольцев. Меня в числе ещё 10 молодых людей из 140 желающих поступить на службу в соединение СС «Мёртвая голова» признали годным. Хотя мы не представляли, что скрывается под наименованием «соединение «Мёртвая голова», но чрезвычайно строгие требования, предъявленные во время отбора, не оставляли никакого сомнения в том, что речь шла об элитных войсках.

Я всё еще никак не мог поверить, что приказ о зачислении лежал у меня в кармане, и был почти уверен в том, что вскоре выяснится ошибка призывной комиссии, потому что принимались добровольцы в возрасте не менее 17 лет. А мне утром в день моего официального призыва на службу исполнялось только 15 лет и три месяца. Но рост мой был метр семьдесят шесть, и я был крепким здоровым парнем. «Хорошо, — думал я, — подождём, пока не окажемся в Берлине». И всё же могло оказаться ещё так, что мою хитрость раскроют ещё на сборном пункте в Линце и, выдав обратный билет, отправят восвояси. Насмешки всей улицы были бы мне тогда обеспечены!

Наша улица — это наша малая родина, под ней я понимаю всех своих знакомых с раннего детства и школь-



ных лет. В углах и подворотнях нашей улицы мы устраивали наши шумные мальчишеские игры. Учились ездить на велосипедах, а потом, тайно — на мотоцикле. По ней мы ходили в школу, на ней же мы стали поглядывать на девочек. Всё это происходило на нашей старой доброй улице, вдоль которой стояли старые ухоженные и бедные обшарпанные дома, придававшие ей особый колорит. Мы были, как эти дома: смешанная компания мальчишек, преимущественно из рабочих семей, однако среди нас были и дети бюргеров, и интеллигенции, и крестьян. Какой была улица, таким был и весь город. Он стал моей родиной и оставался таким, несмотря на то, куда бы ни забрасывала меня жизнь.

Когда я шёл на вокзал, над городом вставала прекрасная заря, которая может быть только весной: не угрожающая, красная, а тонкая нежно-розовая. Мелкий дождик завершал отгремевшую ночью грозу. Мои шаги звонко раздавались в утренней тишине по гранитной мостовой. Их звуки отражались от каждого дома, слышалось, как будто они маршируют вместе со мной, с тем, кто еще вчера был вместе с ними.

Мимо окна моей тайной любви, всё дальше, на другой конец города. Справа из глубины шумит зелёный Иббс, текущий из далёких гор. Теперь проходим через ворота во Вратной башне городской стены, над которыми высечено латинское изречение времен прежнего достатка: «Железо и сталь кормят город». Чуть позже слева мощная городская башня приветствовала словами, напоминавшими об успешной обороне города от турок. Мимо приходской церкви, в которой я испытал смертельный страх во время первого причастия, потому что мой друг и сосед с тяжелым грехом, сохранявшимся за ним до последнего момента, преклонил колени перед алтарем, и, как говорил преподобный пастор, под ним теперь должна была разверзнуться земля, чтобы погло-



тить его. Я тогда ужасно боялся, что пропаду вместе с ним!

Как всегда, некрасивый закопченный вокзал: безутешный грязный конечный пункт моего детства.

Вышедший из ночи наш специальный поезд без остановок идет на север, в столицу Рейха. За окном — зябкая плоская равнина до самого горизонта, много песка и сухой травы, сосны, высаженные по ниточке, никакого подлеска. Даже мышь здесь не затаится: совершенно неромантическое поле деревьев, а не лес.

Все вдруг стало безотрадным, как снаружи, так и внутри, вместе с лежащими или сидящими товарищами в купе. Я сидел у окна и сонно смотрел на ускользавший в даль ландшафт за окном, надеясь на дружеский знак этой чужой мне страны: мелкие хутора, бедные хибарки, в которых, казалось, отсутствует живительное тепло, сквозь просеки мелькали виллы с плоскими крышами, речки со стоячей водой, в которых, казалось, влага не знала, куда ей течь; ни гор, ни камней, ни бурлящих ручьев. Глаза наполнились слезами, я заплакал.

Как мне пришло в голову записаться сюда добровольно? С каждым ударом колес я всё дальше уезжал от родины. Растущее удаление от нее делало меня всё беспомощнее. Если страна тебе чужая, то и ее люди — тоже. Спертый воздух купе, поблекшие лица в сумеречном свете, сухие складки в уголках ртов окружающих меня лиц.

Что-то совершенно новое пришло ко мне тем утром, чувство, неопишемое по своей чуждости.

Когда поезд в завершении пути остановился на Ангальтском вокзале, мы находились уже в центре Берлина. Там мы сели на грузовики, специально оборудованные для перевозки личного состава, которые, гудя, помчали через Берлин в северном направлении. Вскоре мы



прибыли в тот город, который принимал нас отовсюду: Ораниенбург. Улица, мощенная древней, отшлифованной до блеска, брусчаткой, обсаженная старыми соснами, вела мимо замка, а затем уходила в сосновый лес. Справа хорошая пешеходная тропа проходила через пески по холмам. Уютные домики, расположенные в лесу, находились в стороне немного левее. И, наконец, сквозь лес можно уже было видеть огромный строевой плац, засыпанный укатанным шлаком и окруженный новыми деревянными бараками. Наши машины свернули с дороги налево и проехали через широкие ворота, по углам которых развевались имперский флаг и черно-белый флаг охранных отрядов. Таким был вход в это военное учреждение.

Машины остановились на плацу. Широкая колонна проходила мимо нас, чеканя шаг в торжественном марше. Черная форма, сапоги и каски, ранцы с притороченными полевыми накидками на спинах, карабины «на плечо». Казалось, что марширующие объединены единой волей. Шаг сотен сапог был единым шагом, движения рук отличала немыслимая точность, молодые парни держали оружие привычно и искусно: ни одного колебания ствола, ни одного лишнего движения в рядах солдат. Пот стекал из-под стальных шлемов и сбегал маленькими серыми ручейками по лицу и шее.

Когда колонна исчезла в черной шлаковой пыли, я повернулся в другую сторону. Там многие занимались тем, что дробили камни и битый кирпич, которыми укреплялась песчаная поверхность плаца. Их работа тоже проводилась совершенно единообразно. У многих были зеленые брюки и коричневые рубашки, или серые брюки и красные рубашки, или наоборот: у каменщиков была невиданная мною до сих пор рабочая одежда. На головах у них были кепи, которые тоже сильно отличались от обычных. Рабочие были неравномерно распре-



делены по всему плацу. Но они были необычайно прилежны, это можно было сразу заметить. Среди них не было ни одного, кто бы отдыхал.

По команде мы слезли с грузовиков и построились. Идя в ногу, мы отправились к новым деревянным баракам, возле которых построились. Стали зачитывать фамилии, услышав свою, каждый отвечал «Здесь!» и выходил вперед. Затем нас поделили на сотни и отвели в расположение. Теперь я состоял в 6-й роте 2-го батальона 2-го пехотного полка СС. 1-й взвод, 3-е отделение. Командир роты — гауптштурмфюрер Цольхофер, командир взвода — оберштурмфюрер Шёнер, мой командир отделения — унтершарфюрер Иоахим Фетт. Я вошел в спальное помещение с пятьюдесятью кроватями, расположенными, естественно, в два яруса. Я сразу же занял одну из верхних коек. Постель сначала состояла из грубого мешка, туго набитого соломой, и такой же подушки. У стен стояли жестяные шкафы. Каждый шкаф приходился на двух человек. Посреди помещения стояли выровненные столы из тяжелых неструганных досок. Меблировка такого рода не оставляла ни малейшего места для фантазий об уютном обустройстве.

Наше расположение походило на загон для овец. Каждый был притиснут к другому, из-за этого все постоянно испытывали чувство раздражения. В то время я очень быстро понял, что я — самый младший в группе и должен отказаться от малейших притязаний на что-либо. Если бы я все же стал настаивать на признании каких-то моих прав, то был бы сразу подвергнут дополнительному унижению. Задатком для этого всегда были клочки «молодой кузнечик», «салага», «зеленый овощ» и им подобные.

Раздался пронзительный свисток и команда: «Приготовиться к обеду!» Это означало: умыться, причесаться, почистить ногти. Когда я вышел на построение перед



бараком, то увидел, что мои товарищи стоят у одной из групп дробильщиков камней и пытаются завязать с ними разговор. Но те продолжали работать дальше, даже не взглянув на них.

И вдруг раздался ужасный крик! Бегом прибежал дежурный унтерфюрер и начал кричать на моих товарищей, которые с удивлением смотрели на него, не понимая, что произошло. Сначала упрямое поведение копающихся в земле рабочих, а теперь крик выходящего из себя дежурного:

— Я рапорт на вас напишу! Вы все получите строжайшее взыскание! Строжайше запрещено разговаривать с заключёнными! Быстро ваши фамилии!

Мы замерли, словно пораженные молнией. Заключённые? Так это заключенные! Так поэтому у них такая своеобразная одежда, такое усердие в работе и молчание.

Столовая размещалась в самом большом бараке. Он был новым и имел ухоженный вид. Столы блестели чистотой. Но и здесь работали заключённые. После обеда они убирали за ротой посуду и чистили столы. От каждого стола на раздачу направлялось по человеку, они получали по большой фарфоровой супнице, наполненной великолепным айнтопфом (Айнтопфэссен — *(буквально: еда в одном горшке)* — немецкое национальное блюдо, представляющее собой очень густой суп с мясом или копчёностями. — *Прим. пер.*). Всё блестело и сверкало от чистоты. Еду готовили солдаты в поварской одежде, рабочими на кухне и здесь были заключённые в чистых робах.

За столом мы сидели с довольно-таки смешанным чувством. Мы приглушенно, но оживленно обсуждали историю с заключенными. В общем преобладало мнение, что для государства практично и полезно привлекать заключённых к полезным работам. Но нам было не-



ясно, отвозят ли их каждый вечер в тюрьму в Берлин или в Ораниенбург.

Мы видели этих людей с близкого расстояния и заметили определенные различия: у разных заключённых на куртках были значки разных цветов. На груди разноцветных курток были нашиты треугольники красного, зеленого, голубого или коричневого цветов. Только трое заключённых на кухне и в столовой носили известные полосатые костюмы заключённых.

После того как нас снова отвели в казарменное помещение, с нами провели первое занятие на тему: «Поведение на территории военного городка, распорядок дня и поведение по отношению к заключённым». После того, как были проведены первые занятия, мы только узнали то что должны были знать еще до зачисления в добровольцы.

В непосредственной близости от огромного казарменного комплекса находился отделенный от него только дорогой и относившийся больше не к Ораниенбургу, а к соседнему Заксенхаузену концентрационный лагерь. Как уже следовало из его названия, это был пересыльный лагерь. В нем содержались «элементы», которые могли помешать созданию Германского Рейха или могли создавать для него опасность: уголовники, асоциальные элементы и исследователи Библии. Концлагерем управляет комендатура СС, находящаяся на его территории, и осуществляет свою деятельность совершенно независимо от нашей части. Для охраны лагеря и заключённых, работающих вне его, иногда привлекаются расквартированные в наших казармах отряды СС. Непременной обязанностью в отношении заключённых является строгая изоляция и корректность. При выполнении задач по их охране ни в коем случае нельзя относиться к ним по своему усмотрению. Трогать заключённых также строжайше запрещено, и это влечёт за собой



строгое наказание. При нарушении заключённым установленного порядка, о его номере и совершенном проступке представляется доклад в комендатуру лагеря. Она и принимает решение о наказании. Заключённые не имеют права приближаться к охране ближе, чем на пять метров, им также запрещено разговаривать с кем-либо, кроме заключенных в лагере, брать или передавать какие-либо предметы.

Оказывается, нас для этого сюда прислали? И это элитные войска, предназначенные для охраны Рейха? И я променял свою молодость для того, чтобы быть тюремщиком?

После занятия дело дошло до более или менее явных проявлений нежелания здесь оставаться. Нас обманули или, по крайней мере, не сказали о том, что мы будем охранять заключенных в концлагере. Настроение упало до нулевой точки. Мы просили объяснений, пытались на что-то надеяться. Естественно, всё это должно быть временным учреждением, так как для таких задач не нужны части с таким строгим отбором. Это определенно вынужденное решение. Всё находится еще в стадии создания.

Остаток вечера был предоставлен нам. Мы могли осмотреть весь городок и познакомиться с ним. В течение начальной подготовки, а она продолжалась три месяца, мы могли покинуть расположение только в составе подразделения для маршей и спортивных мероприятий.

В распоряжении нашего австрийского батальона находились четыре только что построенных барака. Они были выкрашены в зеленый цвет, а крыши их были покрыты толем. Чистые окна в рамах, выкрашенных в белый цвет, пропускали свет в просто обставленное помещение. Нас разместили в спальном зале лишь временно, позднее мы перешли в помещения, рассчитанные на



12 человек. Много было временным, как все, находящееся в стадии создания. Кроме наших, здесь находилось еще 20 барачков, в которых жили солдаты, уже закончившие начальную подготовку. Они уже были членами отрядов, в то время как мы должны были стать только кандидатами.

По другую сторону учебного плаца строились четыре казармы. Как говорили, позднее в них должен быть размещен наш батальон. За исключением твердого шлакового покрытия плаца, в других местах под ногами у нас везде был песок. Местами он был настолько глубокий, что засыпался в ботинки и достигал до щиколоток.

Во время ознакомительной прогулки мы увидели, что наш лагерь с двух сторон окружен светлым сосновым лесом. А главная линейка обращена к широкой дороге, ведущей из Ораниенбурга мимо главных ворот. По ту сторону дороги — снова лес на светло-серой песчаной почве. И только до него простирался наш взгляд на «свободу». Мы повернули и пошли поперек плаца. Проходя здесь, мы старались не мешать ротам, выполняющим учебные задачи. Миновав зону барачков, мы оказались посреди широкой прочной дороги. Она была плотно укатана, и ее покрытие поблескивало слюдой. По другой стороне дороги стояла стена, высотой почти три метра, из почти белого кирпича. По ее верху была установлена колючая проволока. Через каждые сто метров в стене располагались четырехугольные сторожевые вышки с плоскими крышами, застекленным верхом для кругового обзора и прожекторами. С них внутрь лагеря были направлены пулеметы.

Пораженные, мы замерли. Это и был концентрационный лагерь, о котором нам говорили. Может быть, в своем незнании мы прошли настолько далеко, что уже находимся на его территории? Зигфрид из Имста и Рудольф из Ландека, оба тирольцы, которым было больше



двадцати, моего страха не разделяли: «Назад ты выйдешь так же легко, как и зашел внутрь!» — с уверенностью заявили они. Однако, несмотря на это, мы некоторое время не сходили с места. Проходивший мимо молодой солдат, к которому мы обратились с нашими вопросами, только с непониманием на нас посмотрел. Потом мы пошли по дороге, пока не дошли до широких железных решетчатых ворот. Они были вмонтированы в массивную каменную башню, перекрывавшую их и преграждавшую путь к свободе. Наверху тоже были установлены пулеметы и прожектора. На въезде стояли часовые в касках и с автоматами. С безопасного расстояния мы попытались разглядеть, что происходит в лагере. Мы увидели такие же бараки, что и у нас. Мелкие жизнерадостные островки зелени смягчали строгость барачков. Светлые песчаные дорожки окаймляли декоративные низкие изгороди, искусно сделанные из сосновых веток. Казалось, что в лагере совершенно нет обитателей. Можно было увидеть лишь нескольких заключенных, наводивших порядок и занимавшихся уборкой.

Когда мы уже хотели повернуть назад, то увидели вдалеке идущую к нам по дороге длинную колонну людей. Первый отряд пел песню «Прекрасный Вестервальд». Как мы постепенно поняли, это была колонна заключённых из многих сотен человек, которую слева и справа сопровождали охранники. Они подошли к воротам лагеря и повернули направо. По команде капо: «Шапки долой!» с военной точностью сорвали головные уборы. Для обозрения открылись выбритые до блеска черепа, блестящие от пота. Ворота проглотили заключенных, которые устремились внутрь лагеря и построились там. Стали подходить другие такие же и более крупные отряды, с песнями и без, некоторые относительно бодрые, другие, которых было гораздо больше, со следами измождения на лицах. Это продолжалось около по-



лучаса. Постоянно слышалась команда: «Шапки долой!» Шествие узников замыкала самая большая колонна. Их принуждённое пение было усталым и говорило о мучительном прошедшем дне: «...И спросите вы, и спросите вы, где думы твои, где думы твои? Отвечу тогда я: «На родине милой, на родине милой думы мои!»

В конце строя они тащили товарищей, не способных идти. Каждого два сотоварища скорее внесли, чем, поддерживая, провели в насытившиеся, наконец, ворота. Пораженные увиденным, мы пошли обратно. Молча сели на сосновую скамейку. Каждый был занят своими мыслями, которые, однако, были у всех одинаковые. Что-то необъяснимое и неприятное сразу испортило вечер. Это был не только чуждый ландшафт, который снова вдруг испортил нам настроение. По лицам моих товарищей можно было прочесть, что и они не были готовы к такой неожиданности — но это так и осталось не высказанным. Носы все еще ощущали неприятный запах колонн заключённых, в ушах всё еще слышались их песни, в которых слышался не задор, а отчаяние и покорность. А еще перед глазами был свалившийся от изнеможения старик...

«Чёрт возьми!..» — разразился вдруг парень из Ландека — и это он выругался за всех нас. Мы попытались забыть увиденное, словно нежеланный подарок. Таким был у нас первый день в Рейхе.

Свисток выдергивает нас из сна: «Подъем!» — разносится по спальным помещениям. Пять часов утра. В окне виднеется учебный плац в густом утреннем тумане. В этот час еще холодно. В одних спортивных трусах и тапочках, выданных вечером, выбегаем на улицу. Холодный туман обдает нас словно холодный душ из родных горных источников. Десять минут гимнастики, а потом пробежка до ближайшего леса. Возвращаемся и



бежим в умывальник, чтобы холодной струей воды смыть с тела пот и песок. Я, как самый младший, сразу же удостоен чести быть одним из первых разносчиков кофе. Вооружившись двумя кофейниками, мы отправились на кухню, чтобы получить горячий «негритянский пот» из котлов. На завтрак полагалась еще булочка из пшеницы грубого помола с кусочком сливочного масла. В семь часов — утренняя проверка. Это наше последнее построение в нашей старой доброй гражданской одежде. На вещевом складе нам подбирали «барахло». Младший кладовщик, шарфюрер с манерами чисто гражданского человека, с подбором обмундирования не особо затруднялся. Он сунул каждому из нас в руки белье — белые тиковые кальсоны и рубаху, бросив короткий взгляд вниз, с грохотом пошвырял каждому под ноги по паре огромных сапог, налепил каждому на голову полевою кепку, кинул галстуки, носки, тренировочные костюмы, которые носило не одно поколение. Мы приехали не из нищей страны, и хотя были не слишком притязательны, такого всё же не ожидали. Нам было совершенно ясно, что нас, как рекрутов, не оденут во фраки и цилиндры, но выдавать нам эти обноски формы было сознательным унижением. Тиковые кальсоны доставали мне только до середины икр, куртка свисала почти до колен, кепка падала на глаза, а края голенищ сапог били под коленки. Я осмелился противиться переодеванию в эти смехотворные обноски, но получил взыскание, и мне приказали, держа все вещи в руках, сделать сто приседаний.

Заканчивая свое спортивное задание, я наблюдал, как в одевании участвует помощник кладовщика, тип рыхлого телосложения, только что закончивший рекрутское обучение. Одному зальцбуржцу из Верхнего Пинцгау, недоверчиво осмотревшему свои форменные принадлежности и потребовавшему подходящие сапоги, он



буркнул что-то про «народ идиотов». Слова еще висели в воздухе, а он уже успел получить хороший удар в ухо. Это было настолько неожиданно, что я на некоторое время прекратил свою «гимнастику». Подскочил взбешенный шарфюрер и заорал на зальцбуржца так, что забрызгал слюной ему лицо. Франц Хубер (так звали парня) в ответ на ругань не сказал ничего, спокойно утер брызги слюны и удовлетворенно смотрел на собирающихся с силами «пруссаков», которых он все же впредь заставил держать свои выражения при себе, пока представители его племени не покинут зону слышимости.

Франца записали и подали на него рапорт. Целая кипа рапортов за сутки! Наша рота стала, наверное, «черной овцой» в полку. Вчера — попытка разговора с заключёнными, сегодня — «самосуд».

Когда мы покинули вещевого склад, то походили скорее на карнавалых клоунов, чем на будущих защитников страны. В тяжелых сапогах по песку двигаться было почти невозможно, а смехотворное обмундирование угрожало подорвать наш юношеский энтузиазм окончательно.

Но, чтобы выразить разочарование, у нас не оказалось времени. Когда мы вышли на улицу, нас в прямом смысле смешали с песком. Происшествие на вещевом складе получило свое продолжение. Мы топали как сумасшедшие по учебному плацу то туда, то сюда, ложились и вскакивали. Гражданская одежда постепенно истиралась о плац. Пот мелкими грязными ручейками струился по лицу, от тел шел пар, как от вспаханной пашни, ноздри забились черной пылью, на белках глаз проступили красные жилки, и дыхания не хватало для того, чтобы выругаться. И снова «Встать! Шагом марш! Ложись! Встать! Шагом марш! Кругом марш! Ложись!» Остатки гражданской одежды наполнились шлаковой пылью и песком. Солнце припекало и приклеивало по-



том белье к телу. Несмотря ни на что, у всех нас была одна цель: не сдаваться. Быть крепче и жестче, чем того ожидает проклятый муштровальщик. Мы чувствовали общность и принимали действия каждого.

Несколько фюреров с кромки плаца следили за нашими стараниями. Худой невысокий человек отделился от группы и медленным шагом пошел к нам. Унтершарфюрер подал команду «Смирно!», мы повернулись фронтом к офицеру и замерли. Мы познакомились с унтерштурмфюрером Градлем во время утренней пробежки по лесу и видели, что этот человек состоит только из мускулов и жил.

Его лицо отражало жесткость и властность. Наш унтершарфюрер доложил о причинах муштры. Унтерштурмфюрер Градль молча посмотрел на нашу грязную гражданскую одежду и приказал закончить штрафные упражнения.

«В полукруг!» Мы обступили офицера полукругом.

«Господа (!), я хочу сразу сказать, что я — человек нашей общей Родины! Я уже много лет живу среди людей, которые сейчас вам кажутся чужаками. Я бы полностью понял ваши действия, если бы не знал о легкомысленной и необдуманной манере выражений здешних людей. «Народ идиотов» — это устойчивое выражение и совершенно не содержит намека на характерные черты нашего народа. Для тех, кто этого не знает, впрочем, такое выражение может показаться оскорбительным. Но даже в этом случае не может быть речи о том, что каждый может судить и принимать меры по своему усмотрению. В будущем следует излагать жалобы в рапорте, чтобы такие или подобные им происшествия разбирать в служебном порядке. Теперь рота направляется на обед. В 13 часов построение всей роты в спортивной одежде для продолжения штрафных упражнений!»



Мы стояли, словно громом пораженные. Вместо понимания нас ожидали новые издевательства.

После краткого перерыва на обед мы, как и было приказано, построились в тренировочных костюмах. Бегом мы двинулись через весь военный городок к светлой сосновой роще. По бокам песчаной дорожки там еще рос так нравившийся нам вереск. Под палящим полуденным солнцем сосны источали своеобразный пряный аромат. Но что нам с этого было? Вскоре едкий пот снова будет разъедать нам глаза, а испарения наших перегретых тел перекроют ароматы вереска и сосен.

Унтерштурмфюрер Градль, бежавший в голове колонны, отошел в сторону и пропустил роту мимо себя: «Шагом марш!» «Ну, началось! Сейчас снова будем лежать плашмя!» — «Песню запевай!» — «Жил-был стрелок, веселый и свободный!..» Да, значит, у нас еще есть какое-то время передохнуть.

Вскоре лес расступился и внезапно открылся вид на длинное озеро, по которому ходили парусные и моторные лодки, а баржи мирно везли свои грузы.

К своему удивлению, у кабин для переодевания мы увидели рыхлого парня с вещевого склада. У его ног лежал тяжелый тюк. Ему было приказано приступить к раздаче. И тут оказалось, что он принес сюда увесистый тюк, в котором было, без малого, полторы сотни плавок. Значит, и он свое получил, как было видно по его залитому потом лицу и неуверенному взгляду.

Вместе с «пруссакami» мы бросились в теплую воду Леницзее.

Мы снова чувствовали себя прекрасно, задорно плескаясь и плавая в светло-коричневых водах Хафеля и лежа на желтом горячем песке Бранденбурга.

Только теперь мы заметили, что здесь собралось несколько симпатичных девушек. Наши тирольцы, прошедшие только что «интернациональное воспитание»,



сразу же направились к ним, чтобы установить первые связи с коренным населением земли, где мы гостили. При этом они разговаривали на своем убойном тирольском диалекте, что в глазах красавиц, по-видимому, придавало им немного экзотики, что-то вроде «отвесных скал и охотничьей крови». Шансы сынов высокогорья были велики! С моими 800 метрами Ваидхофенского Шнабельберга я тягаться с ними не мог, не говоря уже о недокормленных пятнадцати годах от роду.

О конфликте с «пруссаками» мы уже забыли: «Да, впрочем, не такой уж он и плохой, этот простофиля!» На самом деле это было началом примирения. В конце его последовало приглашение штирийца в дом своих родителей (и сестры!) в Берлин. Он был острым на язык, и реакция в разговорах была молниеносной. «Бог за того, у кого нет шансов!» — было общим мнением. Унтерштурмфюрер Градль с удовольствием наблюдал за происходящим. Он действительно добился того, чего хотел.

Прошло несколько недель. С утра до вечера мы стояли под парами. Наш шарфюрер Фетт стремился с отчаянной ожесточенностью сделать из нашей маленькой компании дисциплинированную группу. Честно говоря, если бы я оказался перед фронтом, то и меня при виде наших неуклюжих фигур покинул бы всякий боевой дух. Хотя наше обмундирование до некоторой степени было подогнано, оставалось изменить еще кое-что. Для нас было непостижимо, почему современная армия, которой должна стать немецкая, прочно держится за непрактичные традиционные вещи, такие, как галстук и огромные сапоги, прозванные «болотоходами». Зачем сохранять их для будущих поколений? Галстук — это предмет одежды? Нет. Украшение? Нет! Это что-то лишнее, предназначенное для того, чтобы семь раз в неде-



лю его начищать. Это мучение, которое солдат вешает себе на шею и цепляет за подтяжки, если они у него есть. А если их у него нет, то эта серо-зеленая полоска ткани висит крохотным лоскутом перед шеей, незакрепленная, выше или ниже адамова яблока, «в честь народа, для обороны от врага». Если она все же закреплена как полагается, то она маскирует наличие серо-полевой рубахи вместо неприглядной безворотничковой белой рубашки. При строевых упражнениях эта шейная повязка еще держится, но при боевой службе она становится вскоре самостоятельной. Тогда она может переключиться на спину или куда-нибудь еще, и в полном смысле слова висит на шее. «Болотоходы» врезаются краями голенищ в подколенные впадины, перекрывают кровообращение в ногах, висят на ногах, словно свинцовые, и защищают от затекания грязи — в глубоком песке, который при наших перебежках и переползаниях засыпается нам в голенища.

Все чертовски устарело и в нашем вооружении. У нас все еще «легкие» пулеметы с водяным охлаждением времен мировой войны — страшно тяжелая штука, трудно обслуживаемая и не желающая работать, со своими постоянными заеданиями при зарядании. 8-я рота, состоявшая преимущественно из венцев, мучилась с еще более увесистыми «тяжелыми» пулеметами и прилагающимися к ним станками. Догадается ли кто-нибудь из оружейных конструкторов применить воздушное охлаждение, как у пистолетов-пулеметов?

Тем временем были построены наши казармы — все-таки какое-то светлое пятно в лагерной жизни. Не потому, что я имел что-то против красоты новых барачков — другие подразделения жили в них и добровольно не хотели переезжать, настолько удобно они были обустроены, — но чтобы 50 человек скучить в одном поме-



щении для проживания, несения службы и сна — просто вообразить себе невозможно. Наше отделение из 12 человек получило одну комнату на четверых и одну — на восьмерых. Там тоже стояли двухъярусные кровати, но с новыми матрасами вместо (довольно удобных) мешков с соломой, достаточно большими столами с табуретами и двустворчатый шкаф на каждого. Мы постарались сделать казарменный стиль как можно более уютным. Вышитые цветами чистые скатерти, пейзажи нашей родины на стенах и портреты наших девушек в шкафах несколько скрашивали казённую обстановку. На стене висела гитара, а в одном из еще пустых шкафов стоял великолепный аккордеон. Он принадлежал Францу Унгару из штирийского Обдаха. Дома он работал помощником лесничего и охотника и часто рассказывал охотничьи байки об опаснейших охотах на серн, прекрасных оленей и охотничьих пьянках, участия в которых он, по-видимому, никогда на самом деле не принимал. К большому своему сожалению, в строю он был последним. Впереди стоял длинный Шимпфёль, костлявый и худой, как жердь, дровосек из Тироля. Мы над ним подтрунивали, что в СС он пошел от голода. Справа от меня тогда стоял Карл Вольшлагер из Зальцбурга, а затем шли еще девять человек, имена которых приводить не стоит, потому что они были неспособными стать солдатами, как говорил наш унтершарфюрер Фетт.

Вместе с нашим 3-м отделением в нашем первом взводе было еще 2-е — унтершарфюрера Вешпфеннига, которому мы все завидовали, и 1-е отделение унтершарфюрера Хельмута Пандрика. Этому отделению мы не завидовали совершенно, ему мы откровенно сочувствовали. Но первое было лучшим в роте. Безукоризненные во всем — от койки до ватерклозета, всегда подтянутые, даже когда спали, их уши ровнялись в линию, и



подбородки лежали на галстуках. И все же они были бедными свиньями, отданными на милость садисту. Пандрик, в отличие от слегка небрежного Вешпфеннига и иногда снисходительного нашего командира отделения, был суперсолдатом. Весь его вид был чрезвычайно неприятным. Глаза слегка навывкате, тонкие губы и лицо, по которому никогда не проскальзывала улыбка, выражали жесткость и абсолютную решимость или скорее свирепость. Живодер, любящий свое дело. Он не нравился никому, и он чувствовал это. В противоположность ему наш унтершарфюрер Фетт был совершенно безобидным начальником, который время от времени пытался играть в жесткого человека. Тогда он ужасно орал на всю казарму для устрашения остальных отделений.

Служба была суровой и не давала никакого снисхождения на нашу (мою) молодость, или была как раз суровой по причине нашей молодости.

Распорядок дня с понедельника по пятницу выглядел таким образом:

- 05.00 — подъем
- 05.05—05.30 — зарядка
- 06.30—07.00 — уборка помещений и территории
- 07.00—12.00 — утренняя поверка, затем строевые занятия
- 13.30—17.00 — тактическая и огневая подготовка
- 17.00—18.00 — чистка оружия и починка обмундирования
- 19.00—20.00 — занятия (боевая техника и вооружение, гигиена, национал-социалистическое мировоззрение)
- 21.00—22.00 — уборка помещений (умывальника, туалета, помывка пола)
- 22.00 — прием помещений дежурным унтерфюрером.



Если до этого всё не блестело чистотой и кто-то не успел лечь в койку, начинались ночные занятия, или час «бал-маскарада». Естественно, некоторые предметы в расписании перемещались, иначе мы стали бы чисто «послеобеденными воинами».

На вечерних занятиях мы с большим трудом пытались не заснуть. Когда на занятиях по военной гигиене в десятый раз вели тему «закаливание ног холодной водой», «поведение с женщинами за воротами казармы» с рекомендациями использовать во время процесса 14 листов туалетной бумаги, какое-нибудь усталое тело падало с табурета, что сразу же влекло за собой пробежку по ночному сосновому лесу.

В субботу с 15 часов полагалось свободное время, точно так же, как и все воскресенье, исключая уборку территории и помещений. По воскресеньям и праздникам подъем был в 7.00.

Наш кривоносый старшина, однако, всегда находил возможность занять нас полностью и в эти дни. Он просто назначал на субботнем заключительном построении в 15.00 проверки оружия, обмундирования, снаряжения и помещений на 7.00 понедельника. Это, естественно, означало, что остаток субботы и все воскресенье мы должны потратить на то, чтобы вычистить тиковое обмундирование до каждой ниточки, вылизать детали оружия до самых потаенных внутренних уголков, отдраить в казарме полы с пемзой и скребком, вымыть окна, чтобы в понедельник к 7.00 встретить любую проверку во всеоружии. Нашего старшину штабсшарфюрера Брёмера мы за милую душу могли бы отправить к черту. Однако он не был Пандриком! Он, очевидно, очень хорошо знал, что чувствуем мы, молодежь, когда у нас остается время для раздумий и хождения без дела. Как только первое наиболее трудное время подготовки миновало и по выходным иногда стало появляться свободное время, но



еще нельзя было покидать казарму, я начал страдать от ужасной ностальгии. Ребенок в моей душе сопротивлялся тому, чтобы войти в мир взрослых и быть ему безусловно выданным. Я мечтал о нашем буковом лесе, в котором знал каждый уголок, о колодце под вековой липой, где мы собирались по вечерам, об узких кривых переулках, любимом городе и его красивых девушках, на которых я тогда только начинал смотреть другими глазами.

И я первым покинул эту дружескую атмосферу. Парни из моего окружения за редким исключением были детьми рабочих. Роскошь была нам чуждой. Летом мы босиком бегали по горячим камням мостовой, лугам и полям. Мы воровали яблоки из крестьянских садов, чтобы потом насладиться ими в каком-нибудь укромном месте. Ловили руками форель и белорыбицу в Урльбахе и запекали их на углях, купались в ледяной воде Иббса, короче говоря, мы были завзятыми озорниками.

А теперь? Прощай, детство, и ты ввергнут в мир строгой холодной законности.

В те дни мы должны были по почте выслать домой нашу гражданскую одежду. Я делал это с тяжелым сердцем, как будто надо было расстаться с чем-то старым и любимым. Пуповина, соединявшая меня с гражданской жизнью, была окончательно перерезана.

По вечерам я сидел на подоконнике нашего помещения и смотрел на юг, туда, где думал, что находится моя родина. Каштаны в парке Шиллера, наверное, уже отцвели. Теперь чудесный аромат распространяется по широкой липовой аллее, где в сумерках встречаются молодые парочки.

Тем временем стемнело. От главных ворот лагеря раздались звуки «Вечерней зари». Медленно и, как мне показалось, тяжело прозвучал троекратный сигнал трубы, созывающий солдат в их казармы. Было что-то



определяющее в этом сигнале горна, он как будто говорил: «Мальчик, оставь мечты! Думай о прошлом с удовольствием, но вся жизнь у тебя впереди!»

Что она могла принести, та жизнь, которую я ждал? У меня не было уверенности, и я не мог сразу сказать, почему. Несколько дней назад я написал своей матери: «Если судьбе будет угодно, чтобы я провел свою жизнь не вне стен, как сейчас, а в стенах концентрационного лагеря, то мне не захочется больше жить». Каким же я еще был ребенком, когда писал эти строки! Нам же было строжайше запрещено писать что-нибудь о концлагере. Уже этих строк, попавшихся на глаза почтового контролера, было бы достаточно, чтобы я сменил свой мундир на одежду заключенного. У меня постоянно возникал вопрос о смысле моего пребывания здесь, поблизости от концентрационного лагеря. Мое желание было стать солдатом, защищающим Рейх. Для этого я пошел на суровую учебу с оружием в руках, а не для того, чтобы охранять арестантов.

Сегодня нам на вечернем построении объявили, что наша рота заступает в караул. Теперь мы стояли перед стендами на первом этаже и учили «табель постам» и «Постовую ведомость», в которых сначала ничего не понимали. Моя фамилия была указана напротив «Поста по охране казарм». Остальная рота направлялась на посты по охране концлагеря. Смена караула в 12.00.

На следующее утро — снова занятия по караульной службе. Нам еще раз объяснили обязанности часового. Особенно часовым в концлагере было строго указано соблюдать требования и корректно относиться по отношению к заключенным. Снова нам напомнили требование, не приближаться к заключенному ближе, чем на пять шагов, и запрет на разговоры с ними, так как это



может отвлечь внимание от охраняемых. Невнимательность означала опасность для жизни. Внимание обращалось на то, что в лагере находятся много профессиональных преступников, которые могут воспользоваться любой возможностью для побега. Каждое отделение караула получило точную задачу: караульные на вышках втроем занимали свои места на караульных башнях. Очередной часовой находился на площадке кругового обзора у пулемета и прожектора. Башен было много. В ночное время часовые патрулировали по внутреннему периметру стены, подходы к которой были отгорожены колючей проволокой. Там же параллельно стене по земле проходила широкая белая полоса. Заключенным было объявлено, что это — «полоса смерти». Если они переходили эту полосу, то по ним открывался огонь. Однако нам объявили, что мы должны открывать огонь только тогда, когда заключенный уже забрался на забор и центр тяжести его тела уже явно сместился наружу, так что при попадании в него тело должно свалиться на внешнюю сторону ограждения. Нас предупредили, что часовой, открывший огонь легкомысленно и поспешно, будет иметь большие трудности при прохождении комиссии по расследованию. На наш вопрос, почему необходимо соблюдать такие правила, а не открывать огонь, когда заключенный уже преодолел забор из колючей проволоки, мы получили ответ: «Только тогда, когда заключенный свесился наружу за забор, суд примет решение, что у него были намерения покинуть лагерь!»

Если часовой нервный и не успеет выстрелить, то будет прав только тогда, когда беглец спрячется в лесу. На наше возражение, что при стрельбе поверх стены существует опасность поразить очередью часовых на соседней вышке, от нас просто потребовали выполнять соответствующие распоряжения. Ага! Всё по-прусски: «Приказ есть приказ!!!».



Для охраны заключенных, работающих вне лагеря, часовых выставляли цепью. Она огибала широкой дугой соответствующее место работы и полностью его отгораживала. Кроме того, создавались конвойные группы для охраны больших и малых рабочих групп, выполнявших работы на территории казарм. Поэтому выделялись еще «бегуны», которые охраняли и осматривали каждый въезжающий на территорию лагеря автомобиль и его водителя.

Мы, казарменный караул, еще раз потренировались в ритуале смены караула: сигналу горна и барабана, подъему и спуску флага.

После обеда пришло наше время. Рота построилась в казарме, выдали боевые патроны, и я впервые в жизни взял в руки смертоносные патроны для возможного лишения жизни человека. Лагерная охрана пошла строем к воротам казармы. Зеваки наблюдали за сменой караула. У меня была вторая смена, я стоял на посту с 14 до 16, с 20 до 22, с 2 до 4 и с 8 до 10 часов. Каждый, входящий в лагерь, должен был предъявлять пропуск. Посетители получали сопровождающего часового. Те, кто покидал лагерь, должны были предъявлять увольнительную. О тех, кто без ночной увольнительной прибывал в лагерь после «Зари», докладывали в роту.

По вечерам караул выстраивался возле флагштока с винтовками «на караул»: «Флаг спустить!» А по утрам: «Флаг поднять!» Ровно в 12 часов нас сменил новый караул, и мы отправились в расположение. Мы надеялись на отдых во второй половине дня, а вместо этого с нами стали проводить занятия по тяжелому пулемету и противогазу, которые в ближайшее время должны были поступить к нам на вооружение. Во время перерыва мы повалились на газон и болтали о нашем первом карауле. Я спросил одного о карауле в концлагере, как там быть в сторожевом оцеплении. Он сначала ничего не



сказал, а потом буркнул на диалекте: «Обожди, потом сам скажешь каково!» Больше от него было ничего не добиться. Он был очень напряжен, и я оставил его в покое.

Через несколько дней пришла и моя очередь: караул в концлагере. Наш отряд из пятидесяти человек к 12 часам вышел на строящийся кирпичный завод, находившийся приблизительно в километре от лагеря и оцепил эту большую строительную площадку. Теперь я стоял под редкими соснами, солнце припекало с летней силой. Напрасно было искать жалкую тень под этими деревьями. Уже вскоре я понял, какое это счастье, занять выгодное место. «Старики» заблаговременно вычисляли для себя выгодные места и пытались еще до развертывания цепи постов занять правильное место в строю, чтобы потом в соответствии со своим расчетом оказаться там, где получше. Такими считались укромные уголки, которые не сразу может разглядеть проверяющий начальник или где можно незаметно ненадолго отлучиться и не спрашивать каждый раз разрешения сходить по малой нужде. Кроме того, были посты, на которых было не скучно стоять, например, места с оживленным движением поблизости от дорог или у судоходного канала. С удовольствием попадали в команды для конвоирования мелких групп заключенных для работы в отдельных местах. Там можно было так устроиться, что проверяющего было видно уже за несколько сотен метров, и приготовиться к его встрече.

Было довольно нелегко в любую погоду — в жару или под проливным дождем — полдня стоять на одном месте, при этом оставаясь наедине со своими мыслями: «Часовому, если не приказано иначе, запрещается сидеть, лежать или прислоняться, есть, пить, спать, курить, разговаривать (за исключением отдачи служебных



указаний), принимать какие-либо предметы и покидать пост до смены».

Сегодня до следующего поста в цепи около 80 метров. Слева стоит Руди, а справа — Зигфрид. Оба — из Тироля. Зигфрид — самый старший среди нас и поэтому имеет устоявшиеся взгляды. Людей его типа воспитать в «новую личность», как это мыслилось, не удавалось, потому что воспитуемый сам еще не достиг собственной твердости.

Мы трое сговорились предупреждать друг друга при приближении проверяющего громким докладом. Это мы переняли от «стариков», предупреждавших друг друга насвистыванием, хлопками в ладоши или очень громким докладом вроде: «Часовой 15-го поста! Происшествий не случилось!!!»

Руди — соседу слева, солнце расплавит сегодня мозги. Ему досталось самое нехорошее место. Ни деревца, ни кустика, вокруг лишь раскаленный песок под тяжелыми «болотоходами».

На нашем участке появилось какое-то оживление. Большой отряд заключенных приблизился к моему посту и на небольшом удалении начал валить сосны, обрубать с них сучья и уносить не распиленные стволы. Для этого они вставали слева и справа от ствола, подкладывали под него отрубленные ветви и под зажигательные команды своего капо тащили очень тяжелый из-за своей свежести ствол к месту сбора.

Среди работавших я вскоре заметил одного старого, невысокого и уже сильно ослабленного непосильной работой заключенного с красным треугольником на груди. Его напарник по переноске в сравнении с ним был мальчишкой. Он был практиком в работе, в той же мере, что и старик, совершенно непривычный к переноске таких тяжестей. Для здоровяка и капо доставляло удовольствие «доканать» старика. При этом они часто по-



глядывали на меня, как бы ожидая похвалы. Здоровяк всегда подхватывал длинную часть ветки руками сверху и держал ее без нагрузки под бревном, тогда как старик держал бревно под рукой и то и дело падал. Когда он снова споткнулся, то еще крепко держался обеими руками за ствол, чтобы не попасть под ноги шедших за ним. И тут капо ударил упавшего по рукам, так что тот безмолвно свалился под бревно, а шедшие за ним невольно его растоптали. После того как он не смог подняться, несмотря на окрики, капо схватил свою основную дубинку и несколько раз изо всех сил ударил лежавшего.

Тут самообладание меня покинуло. Насрать на все инструкции! Этот ублюдок прикончит старика, кажется, только для того, чтобы мне понравиться. Мой окрик заставил мучителя замереть: «Часовой?» Проявляя рвение, он сорвал шапку с головы.

— Ко мне! — Он галопом подбежал ко мне словно рекрут.

Я снял карабин с плеча и взял его наперевес.

— Твой номер? Так. А теперь отнести старика в тень. И если я еще хоть раз увижу, что ты умышленно уничтожаешь рабочую силу, я доложу рапортом, и капо ты уже не будешь!

По тому, как вздрогнул профессиональный преступник, я понял, что выбрал правильный тон. Хотя я не имел никакого права вмешиваться в происходившее (по крайней мере, по поводу этого не было никаких указаний), у меня было великолепное оправдание, на случай, если капо вздумает на меня донести. «Саботаж работы!» — эти слова имели достаточный вес.

Что же меня задело в этом случае? То, что скоты — профессиональные преступники избивали ослабленного заключенного? Не только это. То было признание и ободрение заискивающих взглядов этих уголовников,



которые меня задели. За кого же мы на самом деле? За кого я? Как вообще такое возможно? Почему «политические» находятся под командой профессиональных уголовников?

Я долго над этим думал и пришел к выводу: политические заключенные должны находиться в концентрационном лагере, так как они как возможные подстрекатели беспорядков и саботажники строительства Рейха должны до некоторого времени находиться в изоляции. Достигнутые успехи национального социализма убедят их и сделают ненужным дальнейшее заключение.

Однако все остальные, особенно уголовники, должны сидеть не в концентрационных лагерях, а в специально созданных для них трудовых лагерях. Заключать их вместе с людьми, у которых всего лишь другое политическое мышление, и передавать им их в подчинение, значит совершенно низводить политически инакомыслящих. Это представление я больше не менял.

Вторая половина дня прошла на солнцепеке без особых происшествий. Но на другом рабочем месте поблизости от канала произошло ужасное происшествие. Заключенный с коричневым треугольником на груди приблизился в лесу к часовому, который, видимо, от жары совершенно утратил бдительность. В любом случае, заключенному — цыгану — при разговоре удалось подойти к часовому настолько, что стало возможным одним прыжком подскочить к нему и раскрыть голову лопатой. Соседний охранник, находившийся на расстоянии около 60 метров, также беспечно наблюдал за тем, как к его товарищу приближался злоумышленник. И хотя второй часовой уже не мог предотвратить нападение, но его выстрел догнал беглеца. Охранник, убитый заключенным, всего лишь на короткое время забыл, что здесь противостоят два чуждых друг другу мира.



Когда в пять часов вечера снималось оцепление, о чрезвычайном происшествии среди личного состава караула уже циркулировали слухи.

Наша последняя задача в тот день состояла в том, чтобы отконвоировать заключенных обратно в лагерь. Для этого по обе стороны дороги, по которой шли колонны заключенных, мы образовали редкую цепь на близком расстоянии от узников. Готовые к стрельбе карабины лежали на подсумках. Когда мы проходили через мосты, то приходилось почти прижиматься к охраняемым. В таких местах, несмотря на все меры предосторожности, им было сравнительно легко напасть и разоружить нас. И если автоматчику короткое время еще удалось бы защищаться, то массового побега, если бы он планировался, не удалось бы предотвратить ни в коей мере. И, несмотря на это, не было даже попыток сделать подобное. Более поздний опыт это подтвердил совершенно точно.

Над марширующей колонной висело светло-коричневое облако пыли, превратившееся в черно-серое, когда она приблизилась к лагерю. Здесь, в районе лагеря, дорога была частично подсыпана черным шлаком. Насколько это было возможно, мы пытались избегать вдыхания шлаковой пыли и запаха, исходившего от заключенных. Во время марша они поддерживали хорошую дисциплину. Шеренги по пять были выровнены, как по линейке. Перед главными воротами лагеря Заксенхаузен колонна повернула направо и прошла караул, стоящий у ворот. Шедший в первой шеренге капо командовал: «Шапки снять!» и доложил о прибытии и численности своего отряда дежурному из лагерной комендатуры. Когда заключенные проходили ворота лагеря, их пересчитывали, а потом внутри лагеря на плацу они построились на переключку. Часовые конвоя в лагерь не заходили, а собирались у ворот для построения и ухода



в казармы по сигналу горна, который должен прозвучать после переклички заключенных.

Но до нас еще долго доносилось: «Кирпичный завод, земляные работы, 94 заключенных!» Я видел, как заключенные тащили повозку, впрягшись в нее. Здесь тоже люди выполняют работу животных.

«Лагерь СС, кухонная команда, 14 заключенных!» Из строя вышли 14 отъевшихся, без признаков измождения, заключенных. «Лагерь СС, плац и строительство дорог, 108 заключенных!» Это были те заключенные, которых мы увидели впервые. Пот оставил широкие борозды на их почти черных от угольной пыли лицах. Легкие полны угольной пыли, сердца — отчаянием и осознанной ненавистью, такими они прошли мимо нас после жаркого дня.

После того как последняя колонна долго проходила через ворота, весь сегодняшний караул построился перед главными воротами и ждал, пока не закончится перекличка в лагере. Наконец долгожданный сигнал горна подтвердил прибытие всех заключенных. Только теперь после далеко слышного звука горна снималось оцепление вокруг рабочих мест в лагере СС, а мы могли идти строем в казарму.

«Карабины, пистолеты-пулеметы и пистолеты разрядить!» Патроны пересчитаны и собраны, личный состав караула может идти в расположение. После ежедневной чистки оружия этот день службы закончился.

После ужина мы сидели в тренировочных костюмах на сосновых скамейках перед казармой и обсуждали сегодняшнее происшествие: нападение цыгана на часового. Каждый пытался по-своему высказаться о происшедшем и свыкнуться с фактом, что он, хотя бы и против своей воли, в будущем может занять место, на котором никогда даже не думал находиться. Свобода была целью одного и жизнь — правом другого.



Право! Об этом я еще долго думал. Право всегда имеет более сильный! Там где сила, там и власть, и сильные создают право по своему вкусу.

Сегодняшний случай совершенно ясен. Цыган сделал все, чтобы снова обрести свободу, часовой выстрелил, и ему, как свидетелю нападения, совершенно не надо мучиться раскаянием. Но что делать, если отчаянный заключенный упрямо идет через цепь конвоя, не обращая внимания на предупредительные крики часовых? Медленно, шаг за шагом. Никакого насилия, никакой ненависти, и только тихо скажет: «Часовой, застрелите меня, пожалуйста!» Такое тоже уже было. Молодой солдат совершенно не был бесчувственным чурбаном. Он все же попросил старика возвратиться назад и покинул свой пост, отойдя немного перед ним. Но тот упорно продолжал свой путь к свободе, до тех пор, пока избавительный выстрел не заставил его упасть среди деревьев. Теперь он был «свободен», а часовой на всю жизнь стал пленником своей совести. Разве можно освободиться от мысли, что ты застрелил безоружного старого человека?

Но вот наконец и это я прошел: первый выход в город под присмотром унтерфюрера-инструктора, первый в моей жизни 10-километровый марш-бросок и первые боевые стрельбы.

Если о первом событии еще можно сказать, что я достаточно хорошо смотрелся в черной форме и, учитывая постоянные напоминания нашей «гувернантки», в брюках, своим бравым видом вызывал уважение к нашим войскам, то с сожалением должен был констатировать, что бегун на дальние дистанции из меня получился никудышный, а стрелок из винтовки — весьма посредственный. Если остальные товарищи выполнили норму на спортивный значок почти играючи, я не смог за уста-



новленное время пробежать десять километров. Я был, наверное, самым плохим бегуном на дальние дистанции в полку. И наоборот, на состязании по стрельбе из пулемета выяснилось, что я стал «маяком роты». При этом учитывалась в основном не точность попадания отдельной пули, а способность как можно более кучно укладывать очередь в цель. Путем постоянных упражнений, которыми я занимался даже во внеслужебное время, я достиг особых успехов во владении этим видом оружия. Я с фантастической скоростью собирал и разбираю пулемет с завязанными глазами и из любого положения с первой очереди поражаю головные, грудные и ростовые мишени. Стрельба из пулемета стала для меня благодаря поощрениям нашего командира роты гауптштурмфюрера Цольхофера спортом, и мне удавалось на состязаниях завоевывать для роты призы и благодарности.

После нескольких 30-километровых маршей и одного 60-километрового, после которого нас с мозолями на ногах под сопровождение оркестра «притащили» в казарму, в августе мы отправились на маневры на побережье Балтийского моря. Товарный поезд доставил нас до Узедома. Там мы, молодые солдаты, сделали небезопасной местность от малого до большого заливов. То нас размещали в палаточных городках, то определяли на постой у местного населения, которое всегда относилось к нам приветливо. На частных квартирах мы чувствовали себя всегда в постоянном напряжении. Каждый надеялся, что у хозяев квартиры наряду с удобным размещением найдется и хорошенькая девушка. Однако они были редкостью, так как хозяева на таких желанных созданий явно предусмотрительно скупались, предоставляя постели молодым солдатам в своих домах. Однако им деваться было некуда, если солдат принимал сосед. Дорожку найти можно всегда!



В те последние недели мы снова учились находить понимание природы и ее воздействия на жизнь солдата. Солнце припекало в те дни позднего лета, жгло нам кожу и сушило глотки, а налетавший с моря шторм бешено хлестал дождем по полевым курткам. Ночами он срывал палатки вместе с одеялами с усталых тел. В полной темноте мы, на распухших от мозолей ногах, пытались отбить у бури ее добычу.

Во время маршей, длившихся целыми днями, у морских купален гостеприимные отпускники выставляли у обочин дорог кувшины с лимонадом и разведенным водой вином, чтобы мы, проходя, могли наполнить ими наши полевые фляги. Несмотря на мучительную жару, мы, проходя, благодарили их пением солдатских песен. И никто не замечал, что наши ноги от крови и воды приклеились к стелькам, что наш «Вольф» («волк», солдатский ранец) вгрызается в задницу, а сгибы суставов натерты песком. Среди заботившихся о нас отдыхающих были чертовски красивые девушки. Что оставалось солдату с геморроем в штанах? Просто смеяться! Несмотря на все мучения, эти дни остались в памяти прекрасными и незабываемыми. После учений и маршей, длившихся две недели, мы погрузились в вагоны. Наши первые маневры подошли к концу.

«Дома» снова строевые занятия на шлаковом плацу и тактические — на песчаных пустошах, на которых мы могли ориентироваться уже даже во сне, и, естественно, караульная служба в концлагере, которую миновать нам было никак невозможно. Постепенно я овладевал всеми видами этой службы. Ночами я стоял на сторожевой башне над ярко освещенным концлагерем, нарезал полосы вдоль внутренней стороны его забора, был «бегающим» часовым на главных воротах, самостоятельно сопровождал мелкие команды заключенных к их рабо-



чим местам в лесу и к подземным канализационным и отопительным коммуникациям лагеря СС. Хотя во время конвоирования я в любой момент был готов к атаке и нападению, несмотря на это, мне было ясно, что во многих ситуациях я полностью был предоставлен на милость заключенных. Что значит «безопасное удаление», если ты находишься среди заключенных в узкой кабельной или канализационной шахте? И тем не менее я чувствовал себя до некоторой степени уверенно. Подобные группы состояли из профессиональных исследователей Библии и «политических».

Некоторое время мне благодаря искусному расчету удавалось получать под конвоирование одну и ту же группу. Это была команда для работы в лесу, состоявшая из восьми человек среднего и старшего возраста, все — «политические». Хотя это было строжайше запрещено, я частенько с ними разговаривал, так как меня интересовала их прежняя жизнь, и я хотел понять причины содержания их под стражей. Я понял, что здесь случайно или специально сложилось маленькое объединение интеллектуалов. Направление их «клуба» было умеренным, и между ними существовали хорошие товарищеские взаимоотношения. Постепенно я познакомился с ними и узнал, что привело их в лагерь: они открыто высказывали свои политические мысли. Унижающее заключенных обращение на «ты» в отношении этих настоящих профессоров и докторов просто язык не поворачивался произнести. Мы часто спорили на политические темы, и я пытался им, «не верящим», объяснить, что их заключение — временное. А именно, оно продлится до тех пор, пока не укрепится новый Рейх, что станет доказательством правильности национал-социалистической идеи. И, конечно же — я серьезно на это надеялся, — они тоже когда-нибудь станут убежденными сторонниками новой политиче-



ской линии. К сожалению, с продвижением работ вскоре наши отношения «охранник — охраняемые» закончились. Однажды эта команда к главным воротам не вышла. Может быть, их отпустили, а может, они вошли в состав большого отряда.

В один из дней ранней осени 1938 г. нас внезапно по железной дороге отправили в Цоссен, огромный военный полигон, расположенный южнее Берлина. Во взаимодействии с армейскими частями мы участвовали в учениях с боевой стрельбой. Я три тысячи раз проклял «легкий» пулемет, так как мне эту тарахтелку, наполненную булькающей горячей водой, приходилось таскать по лунному ландшафту полигона. Галстук, подсумок и эта штука оформились под ужасные пожелания в славную трицу.

Во время одного из занятий из-за невнимательности одного из товарищей я получил струю горючей смеси из огнемета в мокрое от пота лицо. В результате с него быстро слезла кожа, и меня отправили в лазарет в Лихтерфельде-Вест, где я лежал в одной палате с тремя унтерфюрерами, лечившимися от венерических болезней.

В то время как мне ежедневно накладывали мазевую повязку, мои соседи по палате отправлялись на мазок: два раза отрицательный, один раз положительный, значит, все лечение повторялось снова!

Через несколько дней меня снова отправили в войска, где меня продолжали лечить амбулаторно. Намазанный мазью, я выглядел в то время не очень хорошо. Шимпфёзль пожаловался, что на утреннем построении при выполнении команды «Равняйся! Смирно!» моя мазь полетела ему на уши. Меня освободили от занятий и нарядов, поэтому я, «тихо плача», скоблил пол казарменного помещения, мыл пол в туалете, собирал мусор во-



круг казармы и чистил сапоги старшине. Весь день был наполнен подобными героическими свершениями. Даже представить себе невозможно, сколько ступеней солдатской жизни надо пройти, чтобы наконец стать генералом. Во мне, очевидно, начала расти «новая личность».

В те дни я получил письмо от двух моих друзей из родного города. Они были годом моложе меня. Мать этих парней была еврейка. Она владела маленькой лавочкой, позволявшей ей кое-как зарабатывать на жизнь. Накануне своего отъезда я попрощался и с этой семьей. Мать и бабушка меня очень тогда просили что-нибудь сделать для бедных евреев. Простая бабья болтовня, которую не следовало принимать всерьез! Я, конечно, знал, что национал-социалисты не очень хорошо говорят о евреях. Человек в форме СА, время от времени с громкими криками «Призыв о помощи!» и «Призыв к борьбе!» распространявший листовки на нашей улице, нам, мальчишкам, рассказывал про это. В благодарность мы бежали за ним и вопили вместе с ним: «Призыв о помощи!», «Призыв к борьбе!» Но теперь о письме. Оно стало ответом на многие мои вопросы, как идут дела дома и как теперь без меня ловится форель, ходят ли баржи по Иббсу, каково купание в Урльбахе и чем закончились футбольные матчи на Шёргхоферском лугу за узкоколейкой. Яблоки там уже поспели, а из меня здесь получилась новая личность. Ах, господи, теперь старики снова плачутся в письме, что у них страх перед будущим. Что же будет? Делайте свою работу и не беспокойтесь о политике, и с вас ни волосинки не упадет. Сыновья выстроганы из другого дерева, они живут без страха перед будущим. (Еврейская часть семьи пережила эпоху национал-социалистов без осложнений, сыно-



вья солдатами вермахта прошли войну и остались живы.)

Это уже что-то присущее человеку. Так как все мы вместе жили в этом красивом старом городе, и, несмотря на это, в разное время, в разных местах боролись друг с другом с оружием в руках.

В нашем доме, на Ибзитцерштрассе 40, на первом этаже жил безработный помощник столяра. Он был членом нелегальных СС. На втором этаже жили фабричный рабочий, функционер социал-демократической партии и солидный богемский портной, который ни с кем никогда не ссорился. Меня передали на воспитание его супруге в Обхуте, и она смогла из доверенного ей маленького сорванца за восемь утомительных лет вырастить меня. Если не было никакой политической напряженности, в доме царили мир и покой. Но как только возникала какая-то политическая напряженность, то красный и черный в своих униформах, вооружившись револьверами, которые в обычное время у них были запряты в каких-то укромных местах, торопились за ворота дома, бросив мрачные взгляды на его хозяина, в форме резервиста спешившего к своему месту сбора.

Красный, черный, коричневый — будучи ребенком, я этого не понимал. Поэтому лозунги нового Рейха «ОДИН народ, ОДИН Рейх, ОДИН вождь!» обещали и мне, что будет покончено с враждой между братьями. Я видел, как социалисты со своими пулеметами занимали позиции и направляли оружие на людей своего города. Я видел, как резервисты, вооруженные тяжелыми пулеметами, двигались с места своего сбора в Залезианер-Хоф, чтобы сделать то же самое с «красными», я видел, как федеральная армия выезжала с артиллерией, чтобы для установления мира и порядка палить в отцов и братьев. Чтобы понять это, надо быть действительно



взрослым, здоровому мозгу мальчишки это было не под силу.

Слава богу, эта эпоха миновала. Жертвы тех лет должны оставаться для нас вечным предостережением.

Когда я очнулся от своих мыслей и выглянул из купе поезда, мимо меня проносились густые облака тумана. Земля лежала в предрассветных сумерках: луга, пашни, пруды, дороги и ручьи, много старых ив на холмистой равнине. «Ландшафт из «Лесного царя», — подумал я. Холодный туманный воздух сквозил через щель в окне.

НАШИ ЗНАМЕНА НЕ НА ТОЙ ПЛОЩАДИ

В Вайдене — вот уж действительно город получил свое название по окружающей местности — наша поездка по железной дороге подошла к концу. Дальше огромные грузовики повезли нас в неизвестном направлении. Дорога постоянно шла в гору, навстречу утреннему солнцу, встававшему из-за горизонта. Значит, мы ехали на восток, к чешской границе.

— Если продолжать ехать с такой бешеной скоростью, к полднику будем в Праге, — поделился своим расчетом на алеманском диалекте мудрый Кеттенмайер, парень из Форарльберга.

Мы проезжали небольшой городок, на дорожном указателе было написано: «Флоссенбург». Дорога снова пошла в гору, а потом, уже далеко от городка машины остановились на привал. Мы были у цели.

Наша цель? Оказалась ничем. То, что мы увидели — были бараки, сработанные достаточно примитивно, без малейшего комфорта. В соответствии с приказом мы должны были сначала в них разместиться и приспособить их для ночлега. После первого огорчения нам вскоре доставило наслаждение с помощью хороших идей и ремесленного мастерства создавать почти роскошную обстановку. Из моего отделения два человека отправились «организовывать». Унтершарфюрер Дерикс, наш



новый командир отделения, отдал такое распоряжение лично с добавлением:

— Среди товарищей это называется «организовать», и если у вас что-то стащили, то так вам и надо! Ясно?

«Организовывали» всё: доски, фанеру, толь, гвозди, веревки, мешки, а из ротной канцелярии — свечи и исправный аккумуляторный фонарь. Но последнее нам вскоре пришлось вернуть обратно, впрочем, мы там сразу же узнали, что у старшины кто-то «организовал» бутылку вайнбрэнда.

Едва нам удалось построить самое необходимое, как уже начали распределять первые караулы: караул по лагерю и караул по концлагерю!

Уже во время наших первых прогулок мы заметили, что здесь создается концлагерь. Он был еще очень маленьким и незаметным, но это впечатление было обманчивым, так как планировалось уже сейчас этот лагерь быстро расширить. Бараки заключенных, обнесенные высоким забором из колючей проволоки, были такими же примитивными, как и наши.

Заключенные производили удручающее впечатление изможденных трудом. Они выполняли тяжелейшую работу: вручную они добывали камень, дробили его и строили стену для своего заключения.

В 5 часов вечера их колонны возвращались в лагерь. Их заметная для нас работа вне лагеря была закончена. То, что происходило с ними внутри лагеря, оставалось для нас закрытым. За это отвечали люди из комендатуры, которые держались от нас обособленно и не подчинялись приказам наших начальников.

Самые старые из заключенных были ветеранами Первой мировой войны, а самые молодые должны были иметь за плечами два года военной службы. Если бы их



вооружить, то это был бы мощный отряд, который вполне бы расправился с одной-единственной ротой охраны. Но это в том случае, если бы в нем не было профессиональных уголовников с их внутренней иерархией или если бы он получил поддержку извне. Но время было не то.

Сегодня, в субботу, я вышел на штрафные занятия. Меня застали за тем, как я, придя из караула, высыпал из своей сухарной сумки великолепные белые грибы, чтобы зажарить их на нашей самодельной плите. К сожалению, я не смог найти объяснения тому, когда и как грибы оказались внутри моей сухарной сумки, если я не нарушал обязанностей часового.

Мои товарищи занимались службой до 15 часов, а потом, если им удавалось выдержать взгляд зорких глаз дежурного унтерфюрера во время осмотра, они могли выйти в расположенный внизу городок и завязать знакомства. Особых успехов до сих пор они не имели. Со всем не так, как в Ораниенбурге, где наши молодые солдаты могли затеряться на просторах Берлина. Здесь мы служили в изоляции, совершенно отдельно от населения. И хотя мы здесь ходили не в черной парадной форме, а в серой полевой, дистанция между нами и местными жителями была ощутимой.

С неба палило солнце, когда я в полной выкладке и с охлаждавшимся водой пулеметом времен Первой мировой войны представился унтерфюреру, проводившему штрафные занятия. Унтершарфюрер Хинце, чемпион ораниенбургского полка по боксу, совершенно не относится к сорту мягких, а, напротив, к тем, у которых иногда проявляются некоторые садистские наклонности. Хотя наши унтерфюреры привыкли смотреть на нас, австрийцев, как на слабаков, которых легко «доканать», при каждой возможности они проверяли, как быстро это произойдет. Двухчасовую «гонку с переползаниями»



едва ли можно было выдержать без слома собственной воли.

Именно так все и происходило: бегом из лагеря, и в качестве «введения» — «свиной галоп» с постоянными «Ложись!», «Встать! Бегом марш!». Хинце при этом вразвалочку шел в направлении Флоссенбюрга. Не хочет ли он показать меня населению в таком виде? После того как нам неоднократно отказывали в увольнительных, и мы поэтому не контактировали с местным населением, теперь все же представилась возможность познакомиться с местностью и людьми.

Но нет же! Перед городком справа в гору тянулось картофельное поле. Для нашего Хинце это было нечто! Теперь он погнал меня в длинной шинели и надетом противогазе и, Бог мой, с таким легким пулеметом с залитым водой кожухом вверх по полю.

Вверх приходилось непрерывно бежать, а вниз бежать, постоянно выполняя команду «Ложись!». «Фишка» заключалась в том, что когда я бежал вверх, то постоянно наступал на полу шинели и в буквальном смысле падал в дерьмо, а когда бежал вниз, то при падении легкий пулемет бил меня по спине, соскакивал и улетал вперед. При этом, естественно, ранец и корпус противогаза били по затылку. Каждый раз, поднимаясь, я скрытно пытался отсоединить шланг от противогаза, чтобы у меня было больше воздуха. Сделать мне это удалось так, что Хинце ничего не заметил. Но все же воздуха для моих тяжело дышавших легких не хватало. Внезапно при очередной команде «Ложись!» Хинце оказался рядом со мной и в два приема снова прикрутил фильтр противогаза. Для опытного мучителя показалось подозрительно, что он так долго не может меня «доканать».

Итак, потом все началось снова. Теперь я на короточках скакал в гору, удерживая пулемет двумя руками. В такую жару, на таком подъеме это было довольно му-



чительно. Уже через двадцать метров прыжков в гору у меня потемнело в глазах, и я упал на спину. При этом противогаз сполз с лица, так что я мог захватить пару глотков свежего воздуха. Пулемет валялся в грязи, стальной шлем укатился далеко вниз по картофельным грядкам. Когда я восстановил мое прежнее состояние, скачки продолжились, на этот раз под гору. С уставшими коленями и икрами, обессилевшими руками было очень тяжело держать равновесие. Через каждые пару метров я падал — на этот раз вперед.

Стремясь втянуть в себя воздух, через запотевшие стекла маски противогаза я увидел группу мужчин и женщин в очень непочтительном виде и на непочтительном расстоянии от унтершарфюрера. Хинце остановился и, очевидно, что-то пренебрежительно им говорил.

У меня перед глазами снова поплыли темные круги с белыми искрами. Я окончательно свалился — «доканали». Хинце сорвал маску противогаза с моего лица. Я думал, что мучение будет продолжаться. Все тело было словно в облаке пара, по распаленному лицу текли ручьи пота, форма превратилась в один сплошной ком глины, а в пулемете едва ли можно было угадать очертания оружия.

Хинце теперь показалось, что штрафных занятий достаточно, и мы пошли в лагерь. То ли ему действительно показалось, что их достаточно, то ли недружелюбное настроение гражданских поспособствовало прекращению мучений, осталось не ясно. Я также не понял, было ли вызвано недовольство мужчин и женщин видом моих мучений, или тем, что во время них были попорчены картофельные грядки. В любом случае, я и на этот раз выдержал. За чисткой оружия и обмундирования прошли остатки субботы и все воскресенье.

Через несколько недель несения караульной службы, перемежавшейся боевой подготовкой, нас в этом лаге-



ре сменили. Когда грузовики вывозили нас из него, у его входа на флагштоках развевались два флага — огромный флаг с мертвой головой и черный флаг с рунами победы. Мне часто приходилось их поднимать по утрам по команде «Флаг поднять!» и спускать вечером по команде «Флаг спустить!». Это были наши знамена, которым мы были верны всей силой наших юных сердец. Однако рядом с концлагерем им было не место!

Вопреки ожиданиям, нас повезли не в Ораниенбург. По железной дороге мы отправились на юг. Художник Осень уже слегка раскрасил немецкий ландшафт, пробежавший перед нашими глазами.

«Где-нибудь снова найдется для нас концлагерь!» — рассудительно промолвил Хёльцль Польдль из Штайермарка. За всех он сказал то, чего мы опасались в душе.

В Аппенвайере, маленьком участке земли между Рейном и Шварцвальдом, наше путешествие закончилось. Само по себе это местечко не представляло ничего особенного. Но одного взгляда на географическую карту было достаточно, чтобы сразу же понять, что это — важнейший узел дорог, имеющий стратегическое значение.

В стратегически важных пунктах мы чувствовали себя на своем месте. Сюда же прибыли 5, 7 и 8-я роты. Таким образом, здесь собрался весь батальон. Наша рота разместилась в зале большого сельского дома на кучах соломы. Помыться не было никакой возможности. Кухонную посуду мыли в Рейне, протекавшем в 15 километрах отсюда.

Мы начали, как бешеные, заниматься боевой подготовкой, отрабатывая действия в наступлении и в обороне во всех вариантах. В один из дней мы получили стальные шлемы нового образца серого полевого цвета. В более легких шлемах меньшего размера мы сначала



ыглядели достаточно забавно. Мы очень привыкли к нашим черным шлемам времен Первой мировой войны, о вскоре мы оценили гораздо более удобные серые шлемы.

Новые противогазы, новые шлемы, и вскоре, к счастью, с наших шей сняли галстуки. Через десятки лет высшие инстанции» наконец-то признали, что от этих родов никакой пользы, а только мучение. Куртка серо-о полевого цвета теперь не застегивалась под горло, а осилась с открытым воротом — большое удобство при частившихся теперь долгих маршах. Теперь у нас снова появились мозоли на всех мыслимых и немыслимых местах тела. Иногда тихие проклятия слышались в долине Рейна или в Шварцвальде, но ничего не помогало, мы же стали гренадерами и длительные маршевые нагрузки были так же важны, как и умение метко стрелять.

Хотя наши маршевые скорости были впечатляющими, никто из нас не страдал честолюбием до такой степени, чтобы оставаться пехотой из чистой традиции. Когда по батальону стали ходить слухи, что из нас скоро делают моторизованную пехоту, то мы сразу стали теми сторонниками такой модернизации. В нашем представлении она выглядела так, что, по крайней мере, хотя бы на машинах будут перевозить нашу тяжелую поклажу — скромность всегда украшает. Может быть, на машины бы собирали полумертвых «хромоножек» и везли бы за ротой?

Дни в то время года были особенно ясными. Взглядом можно было с высот Шварцвальда охватить всю долину Рейна до Вогез: справа и слева от Рейна — немецкая земля с немецкими людьми. На топографической карте во французском Эльзасе — сплошь немецкие названия населенных пунктов. До Страсбурга — рукой подать, а он тесно связан с правобережным Келем. Страс-



бург — французский, а Кель — немецкий. Сколько политического неблагоразумия и безответственности потребовалось в ходе истории, чтобы проводить здесь границы, и как равнодушно их насаждать вопреки воле населения! Со времен французского «короля-солнца» в 1681 г. немецкий имперский город Страсбург — насколько я помню школьные занятия — впервые был отторгнут от постоянно раздробленных немецких земель, и с тех пор шла ожесточенная борьба за эти поля и леса, высоты и лощины этой исконно немецкой земли от Альткирха до Лаутербурга. Завоеванная немцами в 1870—1871 годах, она снова была потеряна в 1919 году и перешла к Франции — такова была судьба людей в приграничной полосе.

В свободное время я с удовольствием гулял по лугам и полям. Хотя я ничего не понимал в сельском хозяйстве, я чувствовал себя крестьянином, так же как и солдатом. В этом я видел две взаимодополняющие задачи: выращивание хлеба на родной земле и защита этой земли, которая обеспечивает нам этот хлеб.

«Солдат и крестьянин»: родственность сущностей! Она в последующие годы будет определять мою жизнь.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Когда наш поезд подошел к перрону, я лежал на моем временном лежаке — в багажной сетке купе. Мои товарищи уже стояли у окон и смотрели на оживленное движение на платформе.

Как все быстро происходило. Когда я вернулся из прогулки по Шварцвальду в распоряжение, было уже объявлено о запрете увольнений. Посреди ночи послышался свисток дежурного унтерфюрера: «Подъем!», «Через час рота выступает!»

С какой руганью тогда мы поднимались с наших соломенных лежаков! Особенно сильно ругался Кеттенмайер. Здесь, как и везде, он уже заимел подружку и на вечер должен был получить приглашение к ее родителям. Он не был большим красавцем, зато имел большой рост, был зрелым и имел массу преимуществ.

— Парнишка, тебе бы было неплохо на чуть-чуть смотаться, чтобы побыть с ней немножко, — шутя прошлым вечером сказал ему долговязый Шимпфёзль. Ему было легко говорить с его необычайным ростом.

С раннего утра мы поехали в северном направлении к неизвестной станции. Мы предположили, что нас везут опять в Ораниенбург. Нам было бы лучше провести зиму в Шварцвальде, чем в промозглом Бранденбурге. Куда мы ехали, не знали даже наши унтерфюреры.



Наконец, в Циттау мы вылезли из вагонов. На календаре стояла дата 8 октября 1939 года. Германский вермахт вступил в Судетскую область с задачей полностью ее оккупировать к 10 октября.

Уже ночью наш батальон стоял в полной готовности у дороги поблизости от пограничного пункта. На рассвете следующего дня там мы впервые вышли на сцену мировой истории.

Начался мелкий дождь. Подавленные, мы ютились в защищенных от дождя местах и ждали приказа о выступлении. Во взводах выдали боевые патроны. Несмотря на ночь и дождь, нас обступали люди всех возрастов и вместе с нами ждали, что будет. Как пройдут следующие часы? Окажут ли сопротивление чешские войска? Когда мы утром выступили, то были готовы ко всему — и к дружескому приему судетским немецким населением, и к недружественным приветам со стороны чехословацких оборонительных сооружений.

Батальон развернулся, боевой порядок на марше был установлен. Наша рота обеспечивала боевое охранение батальона. Я находился в головной походной заставе, и поэтому был одним из первых солдат, перешедших границу.

Вступление выглядело следующим образом: наше отделение в головном боевом дозоре, за ним в ста метрах — остальной взвод, еще через сто метров — остальные взводы нашей роты и, наконец, на значительном удалении — главные силы батальона в составе 5-й и 7-й рот и пулеметной роты с тяжелыми пулеметами. К нашему огорчению, перед самым маршем командиром к нам был назначен новый, никому не знакомый унтерфюрер. К нам, молодым ребятам, он совершенно не подходил. Ему по виду было уже около тридцати лет, и вид у него был совершенно не военный. Форма на нем висела, а винтовку он держал как воскресный охотник после



охоты. Он постоянно менял темп марша, что утомляло. Мужик был просто невыносимым. Вопреки своему желанию шли мы за ним, постоянно наблюдая за его висячими плечами.

Еще до наступления дня мы под высоко поднятым шлагбаумом перешли чешскую границу. Рассредоточившись, наша группа «разведывала» все далеко впереди. Все было спокойно. От брусчатки далеко разносился грохот наших подкованных железом сапог. Трап-трап-трап — гремело в утренней измороси. Лучше бы мы шли на мягких подметках. Никто не разговаривал. Все мы были в ожидании грядущего. Это был час нашего первого боевого задания — через полгода после моего поступления добровольцем.

После того как в течение часа не было встречено никакого сопротивления, напряжение постепенно начало спадать. Первым пунктом на нашем пути была Богемская Лейпа. Слева навстречу нам стремилась бурная речка — верховья Нейсе. Но мы вскоре повернули от нее и пошли в западном направлении. Деревня за деревней, городок за городком оставались позади. Немецкое население устраивало нам праздничные встречи. Немецкие жители говорили нам, что чешские солдаты только что ушли. Они имели с нами тесную связь, наши коллеги из противоположного лагеря! То есть в любой момент от них можно было ожидать сюрпризов. Весть о нашем продвижении нас опережала. Где бы мы ни появлялись, начинали бить церковные колокола. Население испытывало неподдельную радость. Повсюду встречались дружелюбно махавшие руками и смеющиеся люди. «Кампания» превращалась в торжество!

В Богемскую Лейпу мы пришли после 55-километрового марша поздно вечером. На улицу высыпали опьяненные радостью люди. Нам было нелегко идти сквозь эту толпу. Под звон колоколов девушки набрасы-



вались на нас, целовали, обнимали, тискали под смех и слезы собравшихся. Идя с карабином, заряженным боевыми патронами, попасть в такую ситуацию я не рассчитывал. Я был совершенно растерян, что не скрылось от моих товарищей. Придурок Шимпфёзль, естественно, начал звать «мамочку» для своего ребенка. Но успех заключался в том, что я был расцелован зрелыми женщинами.

То, что мы отмерили своими сапогами, было вполне обычным маршем. Однако, подхваченные радостью населения, оглушенные праздничным звоном церковных колоколов и чувством, что нас встречают как освободителей, мы просто переносились от одного населенного пункта к другому, что сразу же снимало всякую боль и усталость.

После построения батальона и расположения на привал все тяготы вдруг стали до неприятного заметны. Ноги от ступней до бедер сразу же одеревенели, горели ступни от многократно стертых мозолей, на нас навалилась тяжелая усталость. Когда мы уже представили себе, что выполнили задачу дня и радовались охапке соломы, нам объяснили, что здесь останутся только следующие за нами подразделения полка, а наш батальон должен идти дальше. Эта новость нас поразила как удар грома. Еще до этого мы подменили солдат пулеметной команды и несли наполненные водой пулеметы и тяжелые коробки с боеприпасами. Теперь мы должны были идти еще дальше. «Еще 10 километров! До следующей развилки дорог и там встать в боевое охранение!»

К тому времени стемнело. Розы, которые подарили нам деревенские жители, завяли и устало висели из пуговичных петель. Мы тоже устали как собаки.

— Походный порядок прежний, головная походная застава высылает вперед разведывательный дозор из



трех стрелков на расстояние 30 метров, на слышимость голоса!

Выделенные три человека заковыляли вперед и исчезли в темноте. С издевкой мы крикнули им вслед:

— Вперед — на Прагу!

Назначенный четвертым стрелком, я взял два ящика с патронами и пошел последним дозорным впереди идущих за мной 300 человек. Шаги тяжелые, ремень карабина давно уже до крови натер ключицу. Брюки, сшитые из грубой ткани, до крови растерли внутреннюю поверхность бедер, а попадавший туда пот жег эти места огнем.

— Еще всего-навсего десять километров, ребята! — Наш вислопечий командир отделения, нелюбимый и несносный, сказал это бодрым голосом. И никакого следа усталости, походка вразвалочку, как будто он целый день просидел где-то здесь. При этом у него не было времени даже отдохнуть, потому что его постоянно вызывали к командиру роты для доклада и постановки задач.

«Всего-навсего» десять километров! Первую сотню метров мы прошли как по горячей сковороде, пока голое мясо на ступнях снова не привыкло к нагрузке. Тазом вправо, тазом влево — подобие свободной походки. «Песок» в суставах нужно сначала снова тонко размолоть, прежде чем снова разовьешь маршевую скорость.

Поуцар должен был сменить 1-го стрелка. В темноте он вылил воду из охлаждающего кожуха пулемета, что облегчило его на несколько килограммов. Едва мы вышли из города, как вдалеке послышалась беспорядочная винтовочная стрельба. Поуцар чертыхнулся. Без охлаждающей воды пулемет стрелять, когда это понадобится, не сможет. После того как мы устало протащились три километра, командир отделения взял у Поуцара пулемет,



чтобы нести самому. Отсутствие охлаждающей воды было сразу же обнаружено, и теперь Поуцар должен был продолжать браво нести пулемет, но уже с наполненным кожухом. Наше уважение к «новичку» значительно выросло, когда мы из-за усталости стали раздражаться из-за каждой мелочи, например, из-за того, что Шерербауер от усталости волочит ноги, или из-за того, что то от одного, то от другого исходит нехороший запах, или из-за того, что Ехе наступил Фрювирту на задник сапога. Ругательства висели в воздухе, «начальство», задницы, должны знать, как приходится пехотинцам на марше. И длинный тирольский дровосек, шедший впереди меня, обещал дать мне «пару горячих», когда я в темноте пару раз наткнулся на него и, обвешанный карабином и запасными стволами, вывел его из равновесия. Пунтигам из Граца, старший в роте, призвал нас сохранять спокойствие и назвал нашу ругань ребячеством:

— Кто может так ругаться, еще достаточно силен! Вперед, парни!

— Идешь с нами, вот и слушай! — возразил длинный впереди меня достаточно громко, чтобы мог слышать командир отделения. Но у него все же хватило ума открыто не перечить прусскому начальнику. Да, этот «невоенный» начинал нам нравиться. Наивысшую похвалу он заслужил от Поуцара во время короткого привала:

— А парень-то на горбе несет столько же, сколько и мы.

Наконец! Наконец мы приблизились к своей цели. Когда мы преодолели вытянутый холм, то увидели еще далеко впереди огонек, который мог светить только из какого-нибудь селения. Скоро конец нашим мучениям.

Когда мы пришли в село и дожидались подхода остального взвода, на вездеходе подъехал офицер:

— Ребята, это еще не конечная цель! До следующего важного перекрестка дорог еще девять километров!



— Следующий раз!

— Кто это сказал? Представьтесь, как положено!

— Лизни мне жопу! — злобно прошипел Пунтигам.

Напрасно в темноте офицер пытался отыскать «бунтовщиков». Бодро крикнув:

— Я доложу о вашей выходке рапортом! — он наконец уехал на своей машине, покинул сцену, сопровождаемый нашими грубыми пожеланиями.

Мы с ног валились от усталости, но не могли лечь, потому что у нас ничего не гнулось и мы боялись, что из-за боли не сможем встать. Горевшие огнем ступни нас уже не держали. Теперь и на левой ключице я заметил опухоль толщиной с палец. Тогда, с руками, занятыми ящиками с патронами, я закинул ремень от карабина за шею, которая хотя и была натерта, зато до сих пор не была под нагрузкой. Теперь осталось, не сгибаясь, упасть на кучу хвороста у дороги и лежать бревном. Сидеть мы уже не могли. Трущиеся поверхности зада и внутренние поверхности бедер превратились в одну сплошную красную рану, к которой прочно приклеилось белье. Как мы могли — «Какого черта еще девять!» — пройти еще девять километров, если у нас не было сил даже отойти в сторонку помочиться. Мы по очереди повисали на дорожном ограждении, высота которого была по пояс, это позволяло, не садясь и не ложась, расслабить ноги и разгрузить таз.

Наш командир отделения напрасно пытался вывести нас из принятых нами поз. На минутку он отошел и вернулся с девушкой, которая из кофейника угостила нас горячим кофе с фруктовым шнапсом. Тогда мы приняли несколько более приличное положение, чтобы девушка не заметила, где у нас болит больше всего. От нее мы узнали, что наш отряд встал на постой в ближайшей деревне, а для нас уже заготовлены соломенные лежанки. Это сообщение было для нас лучше самой прекрасной музыки. Мы от души были ей благодарны за помощь.



Когда вдаль услышали звуки приближения главных сил, мы построились, чтобы идти дальше. Перемещая попеременно вперед то левое, то правое бедро, мы ушли в ночь. Мы могли идти по дороге теперь только враскоряку. Теперь мы были благодарны каждой капельке пота, стекавшей по бедру: хотя она жгла, но все же «смазывала».

Как мы прошли последний, 74-й километр, мне непонятно до сих пор. Командир отделения сказал нам только, построив нас перед собой:

— Господа, если ВЫ не способны выполнить поставленную задачу, то Я должен ее выполнить. Это вам ясно? — Это подействовало!

Большинство жителей местечка, куда мы пришли, не спали и встречали нас. Ни поцелуи девушек, ни вино, ни шнапс нас не удержали. Словно бревна мы свалились на соломенные лежаки в открытых сараях, не сгибая спин. После этого девятнадцатичасового форсированного марша, не выпуская оружия из рук, мы сразу же уснули.

Я очнулся только тогда, когда кто-то энергично стянул с меня сапоги и сорвал с моих ног носки вместе с приклеившейся к ним кожей со стоп. Ротный санитар начал свою работу вместе с разбирающейся в медицине местной девушкой. Ножницами он срезал лоскуты отмершей кожи с темно-красных стоп и немилосердно заливал обжигающим йодом поверхность ран. Тем, что находилось под брюками — растертые поверхности бедер и промежности, потом мы должны были заниматься самостоятельно.

Когда я на следующее утро, которое было уже не утром, а полднем, захотел подняться со своего соломенного тюфяка, то меня снова бросило на мою лежанку. Обтянутые свежей розовой кожей стопы горели огнем. Боль в пояснице была непереносимой. Мои това-



рищи тоже пытались подняться и тоже сначала безуспешно. Наш командир отделения лежал в уголке и спал. От санитаря я узнал, что он отказался ставить кого-нибудь из нас в караул и сам нес службу остаток ночи. Мы могли снова убедиться, что он, как и прежде, «совершенно невозможно висит в своем мундире». Но то, что он показал нам без многих слов, вызывало в нас уважение.

Остаток дня мы провели за чисткой оружия, снаряжения и уходом за собой. Затем нам поручили несение дозорной службы вокруг расположения войск. Они располагались широким полукругом вокруг командного пункта батальона.

На высоте по другую сторону населенного пункта наше отделение находилось в дозоре на опушке леса. Перед нами раскинулись широкие луга, предоставлявшие днем широкий обзор и дававшие хороший сектор обстрела для пулемета, который мы установили на краю лощины под раскидистыми ветвями могучего бука. Листва дерева, спускавшаяся до земли, почти полностью скрывала нас от внешних взглядов. У нашего дозора была телефонная связь с ротным командным пунктом. Наша задача заключалась в том, чтобы во взаимодействии с остальными дозорами, расположенными в округе, обеспечить батальон от внезапного нападения. Свободные от несения службы в дозоре солдаты отделения спали в двух палатках, хорошо замаскированных ветвями, установленных позади поста.

До наступления темноты мы еще успели сориентироваться на местности и установить связь с другими дозорами, далеко отстоящими друг от друга.

Ночь сначала была ясной. Когда совсем стемнело, до нас снова донеслись звуки боя из-за гряды холмов, четко выступавших на фоне светлого ночного неба.



Первый боевой дозор в нашей жизни во время войны, ответственная боевая задача. Пулемет, словно хищный зверь, выжидаяще замер в траве, угрожающе вытянув ствол сквозь ветви в сторону противника.

Приказ требовал от нас обеспечивать охрану участка, задерживать лиц, появляющихся вблизи него в ночное время, и охранять их до передачи вышестоящей инстанции. По лицам, не останавливающимся после трехкратной команды «Стой!», открывать огонь.

У меня была третья смена дозора у пулемета, то есть с 22 до 24 часов ночи и с 4 до 6 утра. Был еще ранний вечер, и мы все вместе сидели у пулеметного гнезда, обсуждая всевозможные случаи. От огневой точки до палаток за нами мы проложили простейшую сигнализацию: дежурный по отделению привязывал к руке бечевку, которая вела от палатки к пулеметной позиции. Если возникала обстановка, когда он был необходим, то часовой дергал за веревку и вызывал дежурного к себе. После проверки нас попросили не слишком сильно за нее тянуть, так как руку, которой наш полководец пытался взяться за снятые сапоги, с огромной силой тянуло из палатки, и он вынужден был выскакивать к пулемету в одних носках.

После того как ничего особенного больше не произошло, мы отправились в палатки, оставив у пулемета первую смену — 1-го и 2-го стрелка. В ту ночь было уже по-осеннему свежо, и ясное небо к утру обещало хрустальный налет на лугах перед нами.

Два часа моей смены были беспокойны. С другой стороны холма в абсолютной тишине ветер доносил ясно различимые крики команд.

Братцы, очевидно, прикончили последний маркизантинский шнапс и расстреляли все боеприпасы. Осветительные ракеты в огромных количествах взлетали в ночное небо. Был ли кто-нибудь готов к внезапной вылазке противника той ночью?



Мне стало ясно, что до сих пор, если не считать ночных маршей, у нас не было ночных занятий. «Войну» все время разыгрывали днем.

Когда меня потом подняли на второе дежурство у пулемета, сменяемые мне рассказали, что слышали отчетливый, но не приближавшийся шум из леса слева от нас. Этого еще не хватало в морозную ночь! Вместо отсутствовавших у нас шинелей мы навешивали на себя полевые одеяла, но это нас не грело, потому что в палатке, лежа на одном одеяле и укрываясь другим, мы уже достаточно продрогли.

Справа от меня у пулемета лежал на месте второго номера, подающего пулеметную ленту, тиролоец Руди. Я предусмотрительно вставил ленту в приемник, чтобы сразу же быть готовым к открытию огня. Два раза я дернул рукоятку затвора, первый патрон зашел в патронник.

Светящееся ночное небо побледнело. В низинах на лугах перед нами теперь стоял густой туман. Хорошо различавшаяся до этого цепь холмов на горизонте, позволявшая видеть на своем фоне очертания каждого чужеродного тела, полностью пропала. Было что-то призрачное в этих ночных бесшумных волнах тумана. Ветки с громким треском отламывались от деревьев и вызывали подозрение, что на них ступил чужой сапог. Густая листва осыпалась с деревьев с таким звуком, который днем слышался тихим шелестом, а теперь вызывал тревогу. Лиса проскользнула сквозь подлесок, и мы затаили дыхание.

Но что нам известно? Действительно ли это безобидно осыпающиеся с деревьев сучья и листва, и только ли это лиса? Наша задача — нести службу в дозоре и защищать наших товарищей от внезапного нападения. До деревни внизу всего несколько минут ходьбы.

Если наши коллеги с той стороны что-то подготовили, то мы в дозоре это должны заметить, чтобы предупредить товарищей, и те успеют принять меры.



Иногда в пелене тумана мне виделись образы, по очертаниям которых было невозможно определить, что это такое. Казалось, что я слышу шаги. Шаги ли это? То ли они подкрадываются к нам, то ли готовятся, то ли мне кажется.

Ехе, третий номер, занявший тем временем место слева, толкнул локтем меня в бок и устался в темноту. Там, справа! Боже мой! Они уже у опушки леса! Руди изо всех сил дернул сигнальную бечевку. В палатке за нами испуганно вскрикнул выдернутый из глубокого сна командир отделения. Подкрававшиеся к нам на расстояние броска ручной гранаты едва различимые тени затаились, услышав устроенный нами шум.

Вдруг Руди вытянул вперед руку, указывая направление. Черт возьми! Значит, я не ошибался, когда мне показалось, что слышались шаги. Как раз перед нами на светлом фоне тумана проступили ясно различимые пригнувшиеся тела.

Я должен действовать. И быстро! Уже в следующую секунду брошенные ручные гранаты могут выместить нас из лощинки и палаток.

— Стой! Кто идет? — крикнул я в ночную темень, и, не делая паузы:

— Пароль?

Ответа не последовало. Тихое ожидание. Нападение на пост.

— Огонь!

И тут сразу ожили темные облака тумана перед нами. Но в готовые уже броситься вперед тела ударила моя смертоносная очередь из затрясшегося оружия. Огонь из ствола ослепил меня, трасса пуль, рассыпая искры, была в землю или уходила за горизонт. Я провел дугу вправо до лесной опушки, здесь они сидят ближе всего! А потом назад до левого края луга. В перерывах очереди ее грохот возвращался к нам эхом.



Лента кончилась. Дрожащими руками Руди протянул мне заправочный конец новой ленты. Раз, два — щелкнула рукоятка затвора — все так, как повторялось на занятиях днем и ночью уже тысячу раз. Патрон уже в патроннике, готовый к стрельбе.

Я был крайне возбужден и напряженно всматривался в темноту в готовности снова открыть огонь. Энергичный выкрик командира отделения «Стой!» означал прекратить огонь.

Перед нами послышался удар, затем стало ужасно тихо, только наверху, у края луга через равные промежутки времени слышались вопли.

Прежде чем мы успели поднять роту по тревоге, в палатке зазвонил телефон. Наш командир отделения доложил о происшествии и попросил в связи с невыясненной обстановкой прислать разведывательный дозор. Через некоторое время он появился со стороны долины. После того как его командир настоятельно попросил меня не стрелять его солдатам в спину, они осторожно вели разведку в кромешной тьме.

Когда рассвело, дозор вернулся. Результат был настолько удивительный, насколько и удручающий: по всему лугу лежали убитые и раненые косули.

Два профессиональных охотника из нашей роты Майер и Унгар получили задание выследить, возможно, ушедших раненых животных и прикончить их.

Вышестоящему начальству о происшествии так и не доложили, зато батальон получил к столу дополнение в виде красной дичи, которая удачно заменила вошедшую в моду селедку. Однако я ел эту дичь не без раскаяния.

Меня вызвали на рапорт и я получил ужасный разнос. Я должен был троекратно окликнуть: «Стой! Пароль!», тогда бы у дичи была возможность убежать. Но, принимая во внимание сложную обстановку, кроме этого выговора, других взысканий за свои ошибочные действия я не получил.

«...ДА ПОМОЖЕТ МНЕ БОГ!»

Улицы были мокрыми от дождя, когда мы маршировали от главного мюнхенского вокзала к нашим казармам в центре города. Это было поздним вечером 7 ноября 1938 года. Утром должна была пройти присяга на верность фюреру.

Еще когда мы подъезжали, нас поразило оживленное движение на улицах ночного города: ярко освещенные, широкие, блестящие от только что прошедшего дождя асфальтовые дороги были заполнены едущими лимузинами, на тротуарах было полно прохожих.

Но сейчас на них торжествовало представление марширующих войск, твердый шаг сапог и равномерное покачивание тысяч матово поблескивавших шлемов, картина гармонического сосуществования.

Следующим поздним вечером батальон за батальоном выходили на широкую площадь перед Фельдхернхалле. Мертвая тишина воцарилась над принимающими присягу частями.

Незадолго до полуночи раздалась команда: «Второй полк, для доклада фюреру смирно! Равнение направо!»

С двенадцатым ударом часов началась присяга.

«Я клянусь Тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру Рейха в верности и храбрости! Я обещаю Тебе и



назначенным Тобой начальникам повиноваться до самой смерти. Да поможет мне Бог!»

«...поможет Бог!» — отдалось эхом от темных, окружающих площадь домов.

Когда еще с такой торжественностью и почтением приносилась присяга на верность народному вождю? Когда еще ему выражалось большее доверие его действиям, как не здесь, от нас, молодых людей?

ПОСТОЯННО В КАРАУЛЕ

Снова домой, «в родные стены». Первый шаг по высокой карьерной лестнице к генералу сделан. Все мы продвинулись от точки два нуля к точке ноль. Теперь это официально отражено и на черной доске в вестибюле: мы произведены из кандидатов в отрядовцы. В знаках различия ничего не изменилось, впрочем, так же, как и в жалованье. Нам по-прежнему выдавали 25 рейхсмарок в месяц. И по-прежнему из нас «гнали пар» всеми способами. К сожалению, произошло и еще кое-что: в двух списках были помещены имена тех, кого переводили в другие подразделения. Впервые была разорвана наша дружеская компания. Наша рота, превратившаяся к тому времени в одну большую семью, расформировывалась. Я не подозревал, как часто такое будет происходить в дальнейшем, когда не знаешь, куда тебя переведут, и еще меньше — когда.

Тем временем наше вооружение продолжало совершенствоваться. Противогазные маски нам подогнали по размеру и в один из следующих дней испытали на химическом заводе в Берлине. Когда мы выбрались из газового подвала, все без исключения плевались, кашляли и хватали свежий воздух. Подвал был заполнен газом «Белый крест», и мы упражнялись в смене фильтров: отвинтить фильтр, поднять вверх, ждать, пока последний не справится со своим фильтром, и снова прикрутить. За-



тем проделывали то же самое, но уже с фильтрами товарища. Газ был очень концентрированный и ужасно разъедал кожу. Среди нас не было ни одного, кто бы ни надышался газом и не получил его порцию в глаза. У кого-то круглый фильтр выпал из рук и укатился между сапог товарищей. Прежде чем он его снова нашел, получил по полной. Все остальное выглядело как маневры. Но зачем было расформировывать подразделения? Самые умные даже говорили о новых формированиях, для которых мы должны были стать основой. А новички стали незначительным листком, который могло сдуть с нашего дерева.

Однажды на мелкой станции мы вышли из поезда и прошли маршем много километров к новому нашему месту службы. На нас была полная выкладка и новые шинели. Осень только начиналась, и солнце припекало не сильно. Когда мы, запаренные, словно рабочие лошади, пришли в место назначения, мы узнали все: посреди леса, вдали от населенных пунктов была расчищена новая большая площадка. На ней за стеной и колючей проволокой стояли новые бараки.

Никаких маневров! Снова концлагерь!

— Всё дерьмо, твоя Элли! — выругался Кеттенмайер удрученно. — Это самая что ни на есть задница мира!

При расформировании роты, к нашему сожалению, унтершарфюрер Пандрик остался с нами. Он, концлагерь, продолжающаяся осень с укорачивающимися днями и становящимися все холоднее ночами — все это определяло наше общее настроение. С течением года мы смогли прийти к выводу, что Пандрик, слава богу, существует в единственном исполнении, а вот концлагерей, как кажется, становится все больше. Из моей роты еще до нашего отправления из Ораниенбурга команда в составе взвода поехала в Бухенвальд, где, как говорили, создавался новый концлагерь.



То, что мы видели перед собой, — был первый этап создания большого лагеря для заключенных, якобы женского. Но это казалось нехорошими слухами.

Вместе с тем если учитывать все подобные задания, полученные отделявшимися подразделениями нашей роты, то можно было уже насчитать пять концлагерей: Дахау, Заксенхаузен, Флоссенбург, Равенсбрюк и, может быть, Бухенвальд.

Что как-то раз сказал старый профессор из «маленькой лесной команды»? «Вся Германия превратится в один сплошной концлагерь».

Разве *мы* виноваты, что находимся по эту сторону колючей проволоки? О, Небо, что же должно это означать? *Мы за Рейх, а они — против Рейха!* Поэтому мы вне проволоки, а они — за ней. Все совершенно ясно! А если они со своими политическими взглядами возьмут верх, то они будут вне, а мы, может быть...

Когда я шел двадцать шагов вдоль забора из колючей проволоки, то решал проблему, которая на самом деле еще не должна была быть моей. Но постоянная охрана концлагерей давала нам больше пищи для размышления, чем все остальное, происходившее на службе.

Ночь ясная и холодная. Если хочется посмотреть на звезды, надо отвернуться от фонарей, смонтированных по углам лагеря. Тогда станут заметны ночной лес вокруг и огоньки Фюрстенберга на той стороне озера.

Что делать, если караульной службе в концлагерях не будет конца? Однако все указывает на то, что с самого начала нас набрали для того, чтобы мы несли эту службу. И те товарищи, которых сняли с нашего транспорта в Мюнхене, разместились не в Мюнхене, а отправились в качестве будущей охраны в Дахау. Зачем тогда строгий отбор и постоянные военные учения? И всё же у нас остается еще светлая надежда, что однажды концлагерные чары уйдут в прошлое.



Двадцать шагов налево, двадцать шагов направо. Два часа тянутся ужасно долго. Ночь холодна. Когда меня сменили, автомат был покрыт инеем.

Моим товарищам повезло. В субботу они получили увольнительные до полуночи, а унтершарфюреры — до подъема. Сегодня ночью покоя в Фюрстенберге не будет. Но меня с ними не будет. Унтершарфюрер Пандрик сегодня дежурный, и я сегодня в 19.00 должен представиться ему в полной выкладке для проведения штрафных занятий.

Тем временем мои товарищи с трудом справляются со стоячими воротничками белых рубашек выходной формы. Черный галстук никак не хочет занять то место, которое ему положено. Когда они нарядились, то выглядят чертовски хорошо в своей черной, пошитой за собственные средства выходной форме: черная фуражка, белая рубашка, черный галстук, одного цвета с форменным кителем брюки навыпуск модного покроя, и черные штиблеты. Единственное, что нарушало общий вид, — бесформенная повязка с огромной свастикой на левом рукаве. И без этого лишнего украшения можно определить нашу принадлежность.

Если в Фюрстенберге окажутся летчики, то до последнего часа увольнения будут драки, как это традиционно происходило в Берлине. Тогда «галстучные солдаты» часто враждовали друг с другом. Каждый, словно разукрашенный фазан, хотел покрасоваться перед девушками.

А теперь молодые люди должны пройти осмотр у дежурного унтерфюрера. Нелегкая это задача, если дежурный Пандрик. Его служебная комната находится в бараке напротив. Когда они отправились, длинный Шимпфёзль дружески-фамильярно попрощался со мной:

— Все желай, как тебе говорят, мальчик, желаю тебе приятного становления!



Термины, относящиеся к воспитанию «новой личности», уже прочно вошли в его речь.

Через пару минут он уже возвратился обратно, закипая от бешенства. Он сорвал с себя парадно-выходную форму и швырнул ее в шкаф. Через три минуты вместо парадной формы он стоял в скромном тиковом рабочем костюме для мытья коридора, умывальника и туалета. Причина такой перемены в настроении заключалась в том, что подъем подошвы его штиблет не был как следует вычищен. Это было еще одно прусское изобретение, как будто кто-то будет рассматривать степень чистоты наших подметок.

Шимпфёзль был расстроен. Он взял себе из каптерки метлу, щетку, тряпку и ведро, с размаху пнул ведро так, что оно с грохотом пролетело по всему коридору, а потом запустил ему вслед весь уборочный инвентарь. Потом он ударил в дверь ногой, так, что едва не выбил косяк, и, отдыхая от такой «психологической разрядки» сел за стол есть сало на тирольский полдник. Прикончив пять булочек с салом, он сквозь зубы пробормотал тихое ругательство и пообещал разбить Пандрику башку. После этого он наконец взялся за мытье постоянно засыпанного песком пола, вытирание пыли, чистку умывальника и туалета. Когда он возвратился со своих работ, заменивших увольнение, я с полной выкладкой — вооружением и пятнадцатикилограммовым ранцем на спине — направился к двери дежурного унтерфюрера.

— Отрядник Мельцер по Вашему приказанию прибыл! (Мельцер — девичья фамилия моей матери.)

— Для начала сто приседаний, винтовка — перед собой, на вытянутых руках. И колени сгибать медленно, чтобы сердечко не перенапрячь!

Это «сердечко» взялось из лагерного приказа в Ораниенбурге, запрещавшего большие физические нагрузки во время утренней зарядки сразу после подъема.



Сегодня я решил утром проспать зарядку в теплом местечке. Когда рота бегала по пустоши, внезапно в помещение вошел Пандрик и вытащил меня из постели. За это я и получил вечернюю компенсацию.

Рассчитывая на невнимательность Пандрика, я скотил почти половину приседаний и доложил:

— Ваше приказание выполнено, сто приседаний сделано.

— Да? Тогда сделайте спокойно еще сто, и на этот раз выполните мой приказ как следует! Приседайте в замедленном темпе и не перенапрягайтесь!

То, что дело не ограничится сотней приседаний, мне было ясно с самого начала. Каждый раз, когда Пандрик поворачивался ко мне спиной, вместо приседания я только слегка наклонялся и стучал голенищем о голенище, чтобы придать моим упражнениям надлежащее звуковое оформление. Посмотрим, как я из этого выберусь. До вечера еще далеко. Я уже жадно хватал воздух, а мои руки, нагруженные карабином, все больше клонились вниз. Пандрик подложил еще пару брикетов в железную печку рядом со мной и удобно устроился за столом, наблюдая за моей гимнастикой. С раскаленной печью в помещении было жарко и без моих упражнений, поэтому я потел все сильнее и сильнее. Пот заливал мне глаза, тек по губам и заливался за ворот полевого мундира. Длинная шинель забирала силы, путаясь в мокрых от пота коленях. Груз в ранце толкал меня то вперед, то назад. Колени уже дрожали, и мне стоило большой энергии не подавать никакого вида этому профессиональному мучителю.

— Ну, отдохните теперь немного. — Когда он заметил мое удивление, то продолжил: — Работайте теперь одной ногой, чтобы другая пока могла отдохнуть.

Надо ли говорить, что даже если бы я хотел, то с такой нагрузкой на одной ноге присесть уже не мог.



— Значит, невыполнение приказа?

Ты, проклятая свинья, конечно же, хочешь вынудить меня доложить: «Я не могу выполнить приказ». Вопреки приказу я решил пользоваться двумя ногами. Мне было тяжело, кирпичи в моем ранце тянули назад, а трясущиеся колени едва позволяли держать равновесие. При каждом выдохе капли пота слетали с губ. Снова введенный галстук дополнительно лишил меня воздуха. Когда Пандрик на мгновение снова отвернулся, я одним движением сорвал самую дурацкую принадлежность униформы и бросил ее в стоявшее рядом со мной угольное ведро. Пандрик услышал звук сорванного галстука и с бешенством набросился на меня:

— Кто вам позволил? Как вы дошли до того, что стали портить предметы обмундирования?

Я молчал. Говорить мне было нечего.

— Конечно же, ранец стал тяжелым для вас. Тогда спокойненько снимите его, карабин возьмите за спину, а ранец — на грудь. Смотрите, осторожно, чтобы не обрушился потолок. А теперь мы покинем это гостеприимное помещение и немножко охладимся. Итак, положение для прыжков принять! И прыыыаем!

Когда я присаживался, ударился лицом. Уже конец? Но это был не пол, а ранец, на который налетела моя голова в шлеме. Когда я попытался продолжить выполнение приказа, мне удалось сделать лишь смешное движение вперед. Это был не прыжок, а попытка бросить себя в пыль. Он своего добился! Я уже больше не человек, а лишь потешный крот, мокрый и вонючий, и при этом готовый выть от бессильной злобы. Сквозь слезы я увидел неподвижно стоящий перед моим лицом блестящий сапог Пандрика. Когда я пытался подняться, тяжелый ранец снова валил меня на пол. Так я и оставался в таком унижающем положении, поедаемый за мое бессилие злобой на себя настолько глубоко



кой, какая может быть только у существа, утратившего вчерашнюю личность, а ту, которая будет завтра, еще не получившего.

— Если вы больше не можете, тогда спокойно снимите ранец, — сказал он мягко. Безмолвно я снял ремни ранца с плеч и встал, покачиваясь.

— А теперь наденьте противогаз.

Я выполнил его приказ, зная, что одним только унижением он не удовлетворится. На следующий раз оно будет еще более основательным, хотя и не таким болезненным. Пот еще сильнее устремился по моему лицу, дыхание превратилось в прерывистый хрип под маской противогаза, но слезы — мои первые за восемь лет — уже не придут. Я это воспринял почти как триумф. Да, палку он уже перегнул!

— Ложись! На полчетвереньках, марш!

Я лежал на грязном полу коридора в бараке. Он был покрыт миллионами кристалликов песка, блестевших на свету. Упираясь локтями, я пополз по полу. Пандрик широко открывал передо мной двери и элегантным движением давал мне понять, чтобы я полз за порог наружу. Дорожка на улице была очень твердой и покрытой камнями с острыми краями. Я замечаю, что когда ползу по ней, они засыпаются за голенища. Дыхание становится все более прерывистым, а жажда вдохнуть полной грудью свежий воздух — все больше. Пандрик приказал мне ползти на четвереньках дальше. Что ему надо? Он приказал мне взять карабин за спину. Он что, хочет довести меня до того, что я в бессильной злобе разобью карабин о его башку? Нет, без меня, мой дорогой. Без меня. Из-за тебя я в концлагерь не пойду. Из-за тебя — нет!

— По-пластунски! — Выполняя приказ, я стал извиваться червем по земле. Держу карабин двумя руками, все тело прижато к земле, пытаюсь снова поставить дыхание под контроль. И это мне удается. Теперь ты мо-



жешь заставляя меня ползать, пока тебе не надоест, ты, проклятая свинья, будь ты проклят!

Когда он заметил, что так доконать меня не удастся, он приказал мне снова надеть ранец. Выполняя его задание, я не упустил возможности вдохнуть пару глотков свежего воздуха.

Я заметил, что близок финал, венец его садистского искусства. Быть может, я выдержу и не потеряю сознания.

— Возьмите ранец со спины и несите его в руках, чтобы вы снова не впали в свою слабость!

Какое проявление человечности! Ты же знаешь, что так будет гораздо тяжелее! И дальше началось:

— Встать! Шагом марш! Кругом марш! Ложись! Встать! Шагом марш! Кругом марш! Ложись!..

И после каждой команды «Ложись!» его блестящий сапог перед моим лицом. Все та же хамская улыбка на его губах в предвкушении того, что я потеряю сознание. Но он не удовлетворится только тем, что сломает меня физически. Он хочет сломать меня духовно, раздавить мое самосознание своим дрянным до блеска начищенным сапогом.

«Ты, проклятая свинья, дерьмовый уличный пес!» — мысленно ругаясь, я пытался убавить нарастающую во мне ненависть. Я заметил, как ярость нарастает во мне все больше. Постоянно эта гнусная ухмылка самоуверенности в своем превосходстве. Этот поляк ошибается! Сегодня сверхгерманец, а вчера еще безработный в заднице, далеко на востоке Германии, я его постараюсь охладить!

— Ложись! Встать! Шагом марш! Ложись! На полчетвереньках! Ползком! На полчетвереньках! Скакать! Скакать, Вы, слабак!

Во время последнего падения я, стараясь захватить воздуха, сорвал с лица противогаз. Второй раз я был



близок к потере сознания. Но для Пандрика это была лишь половина победы. Его голос стал срываться на крик, когда он несколько раз приказал мне надеть противогаз.

Я медлил, стоя на коленях, склонившись над тяжелым ранцем. «Неужели этому мучителю все еще мало?» — думал я. И снова этот блестящий сапог перед лицом, и этот крик над самым ухом в то время, как я с трудом пытаюсь собраться с силами.

— Встать! вы, слабый мальчишка! Давай, давай! Вставайте! Вы что, не слышите, дряхлый мешок?!

И снова черный блестящий сапог, символизирующий контраст с моим бессилием, и его оружий, брызжущий слюной мерзкий рот надо мной.

Хватит! Из последних сил я вскочил и своей головой в каске резко ударил Пандрика в лицо. С хрустом смолк крик, в то время как я снова падал на землю, заплатив за силовой выпад новым приступом слабости.

— Вставайте! — услышал я спокойный голос. Рядом со мной остановилась вторая пара сапог. Я повернул голову и увидел рядом с Пандриком оберштурмфюрера Шёнера. Вставая, я искал какую-нибудь опору, и уцепился за колючую проволоку концлагерного забора.

— Возьмите свой ранец и идите в казарму!

— А вы, унтершарфюрер, отправляйтесь в санчасть, чтобы обработать травму, полученную в результате несчастного случая! Рапорт о несчастном случае мне не нужен, я сам был его свидетелем.

И в заключение очень энергичный вопрос:

— Вам ясно?

Когда я поднимал ранец, на нём разошлась шнуровка, и из него выпали на землю бетонные блоки.

Незадолго до Рождества нас сменило другое подразделение, и мы возвратились в Ораниенбург. Это было совершенно непримечательное время. Только слу-



чай с Пандриком и оберштурмфюрером Шёнером немного повлиял на мое знание людей. И, несмотря на это, все эти недели были вычеркнуты из жизни, как и многие другие до этого. В Ораниенбурге все было серое. Снежинки бесшумно падали в серые лужи, летнее полугодие прошло, не оставив надежды на веселую зиму нашей горной родины с беззаботным детским криком, сопровождающим катание на санках, лыжах или строительство снеговиков. Здесь, как мне казалось, люди зимой выглядели угрюмо.

Роту в две очереди отправили в праздничный отпуск. Мне повезло, и я с первой группой отправился на рождественские праздники домой. «Домой» — где же он теперь, мой дом? Родительского дома в обычном смысле я не знал никогда. С рождения у меня были лишь временные жилища.

Сначала это была больница в Вене, городе, показавшемся мне подходящим для того, чтобы появиться на свет. В детской памяти остались обрывочные воспоминания о многократной смене квартир где-то южнее Вены. Они всегда очень прихотливы в том, что касается ближайшего окружения. Когда завершилась первая фаза моего развития, я уже был в моем старом любимом Вайдхофене. О важнейших происшествиях того времени я помню до возраста двух лет, так, например, о том, как я проглотил календарный лист. Я очень хорошо помню вечно сырую однокомнатную квартиру на первом этаже дома 42 на Ибсзитцерштрассе, потом переезд на второй этаж и там уже казалось шиком, что жилая комната была отгорожена от кухни деревянной стеной.

Меня отдали на воспитание моей тете, супруге рабочего лесопильной фабрики в Обхуте. Она не питала ко мне особой любви. За пять лет ее влияния на мое детство я узнал много ненависти и много другого, что оказало подавляющее влияние на мою дальнейшую жизнь.



Поэтому те немногие люди, которые по-дружески относились ко мне в то время, очень хорошо сохранились в моей памяти.

Затем и эта стадия моего развития миновала. В соседнем доме, после того как я начал учиться в школе, я нашел дружеский прием и хорошие условия. Изобилия в какой-либо форме и здесь не было, но это нельзя назвать недостатком. Когда произошла эта прекрасная перемена, в народной школе я уже поменял грифельную доску на тетрадь.

Всё это приходило мне на ум, пока я дремал в уголке у окна, пока неприветливая страна уносилась назад.

Уже сегодня вечером я буду дома. И все-таки это мой дом. Они будут рады снова увидеть меня, и это уже много! После десятичасовой поездки в поезде через всю Германию, назад по тем же рельсам, по которым я уезжал восемь месяцев назад, я возвращаюсь в мой старый город. Радость возвращения велика. Из «школяра» получился молодой красивый мужчина. Когда я перед моим первым выходом не без щегольства рассматривал себя перед портновским зеркалом, то пришел к выводу, что я действительно хорошо выгляжу.

Очень быстро пролетели те немногие дни, которые я смог провести в кругу близких. Рождество здесь, как и везде, было семейным праздником, немногословным праздником сопричастности. Ёлка для стариков осталась тем же, чем была в дни их юности. Во время праздников мне из части пришло письмо, что наша новая казарма полностью сгорела, а рота временно располагается в старой солдатской столовой. Поэтому из моего первого в жизни отпуска я возвращался со смешанными чувствами.

Зима в Бранденбурге, слава Богу, короткая, подходила уже к концу. Кроме дождя, как говорится, ничем себя не проявляла. Немного гололеда, холодный ветер



по сухой старой траве, покрытой смесью инея и серого снега, заметной при ближайшем рассмотрении, когда мы в полной выкладке ползали по ней во время участвовавших полевых занятий.

Ночные тревоги, ночные марши и учения шли одни за другими. Когда мы, ориентируясь по компасу, темной ночью топали по незнакомой местности, поливаемые дождем, заблудились, то проклинали всех святых. Но эта подготовка была нашей главной задачей, и с «духовной» подготовкой все было в порядке.

Я записался на курсы водителей автомобилей. Она началась в то время года, когда солнце явно быстро начало входить в силу.

Момент, когда я впервые за рулем транспортера для личного состава выехал за ворота лагеря, стал самым незабываемым в моей жизни. Широко открытые ворота, такие, что через них могли проехать три транспортера в ряд, стали для меня неразрешимой проблемой, известной каждому водителю-ученику: «Пройдет или не пройдет?» И только когда поехали в колонне со средней скоростью 40 километров в час, я почувствовал себя спокойнее. Главное, знать, где находится тормоз, и, в случае чего, жать на него, так, чтобы остальные ученики, сидевшие в кузове, начинали стучать по кабине. Остальные участники движения должны видеть, как они при этом остались невредимыми! Каждый участник дорожного движения должен строить свое поведение таким образом, чтобы не создавать никому помех и неудобств, если в связи с обстоятельствами это не будет неизбежным». Итак, каждый! Но в первую очередь другие, так как я и есть то самое «неизбежное обстоятельство»!

В первые дни учебы у меня были сомнения, смогу ли я во время этого курса научиться водить автомобиль. Усиливалось впечатление, что я при этом должен поднять свои атлетические способности на недоступную



прежде высоту. Если при переходе на пониженную передачу на перегазовке раздавался скрежет шестерней, или на разрешенной скорости 40 километров в час переходили на пятую передачу, или не имел понятия о предназначении топливного насоса, то это значило: «Две мили свиного галопа за нашим пароходом!»

Унтершарфюрер Бродкоп был профессиональным водителем еще до военной службы — мастер своего дела, и мы спокойно принимали его «придирки». Кроме того, при учебных выездах он так выбирал маршруты, что мы каждый раз знакомились с новым уголком Германии. Один раз это был шлюз на Финов-канале в Эберсвальде, другой раз — берлинский Тиргартен или дворец Сансуси в Потсдаме. Один раз мы остановились где-то на Хафеле и после освежающего купания на машине проходили техническое занятие, в другой раз на Мюггельзее у нас были занятия по вождению, а на Ваннзее у нас был длительный привал перед ночной поездкой. Берлин мы исколесили вдоль и поперек, ездили по нему днем и ночью. Это был прекрасный, продуктивный и полный перемен период моей учебы. Когда я в июне 1939 года в 16 лет получил водительские права на вождение легкового и грузового автомобиля, я пожалел о том, что это время закончилось.

Наш старшина, недовольный тем, что я так надолго ушел из-под его власти, крепко взял меня за горло, чтобы выбить из меня, предназначенного для обычной солдатской жизни, как он выражался, «шоферские аллюры». Старшины, в общем, и должны такими быть.

Все продолжалось по-прежнему: боевая подготовка, строевая, караульная служба. Увольнительные были очень редко, и только по воскресеньям. Переодеваться во время увольнения в гражданскую одежду было запрещено. Но так как мы от нее отвыкли, нам этого и не хотелось.



Сегодня утром у нас снова занятия по караульной службе специально для изучения инструкций по охране концлагеря. Должно быть, во время нашего отсутствия в Ораниенбурге что-то случилось.

Как рассказали товарищи, несмотря на все меры безопасности, одному из заключенных удалось бежать при помощи извне. Ему посчастливилось бежать не только из окрестностей лагеря, но и за пределы страны — он оказался в Англии. Должно быть, он использовал целую систему, разработанную и организованную иностранными агентами, при этом все было проведено без стрельбы и применения силы.

В любом случае, начиная с этого времени, лондонская радиостанция Би-би-си начала разоблачительные передачи о концлагерях, особенно о Заксенхаузене. В них о нас шла речь как о «кровавых собаках Айке». Как мы при строжайшем соблюдении всех караульных инструкций были удостоены такой чести, для нас осталось непонятно. Хотя мы и не рассчитывали быть представленными в качестве самаритян, однако ожидали большей объективности от английского радио.

Я еще и не предполагал, что массовая психологическая обработка еще доберется и до нас.

В ходе занятия по караульной службе мы сразу же поняли, что мероприятия по безопасности усилились еще больше. В случае тревоги теперь поднималась не только дежурная рота, но и весь полк. Поэтому вводилось ограничение на увольнение в город. Вскоре нам представилась возможность наблюдать действия караула во время тревоги.

Я стоял в оцеплении вокруг большой строительной площадки в окрестностях лагеря СС спиной к имперской дороге. Здесь строили капитальные здания на новой казарменной территории вместо прежних деревянных бараков.



День был жаркий. Заключенные построились и отправились в лагерь. Мы стояли в оцеплении и ждали сигнал горна с главной башни лагеря, находившейся в двух километрах. Обычное время ожидания уже несколько раз прошло. Мне постепенно становилось ясно, что сегодня случилось что-то необычное, и только после этого донесся сигнал тревожной сирены из лагеря СС.

В то время как мы по-прежнему оставались на своих постах, с наступлением темноты наша цепь оцепления была дополнительно усилена. Выехали прожекторные установки, а местность поиска патрулировалась дозорами. Темные места, до которых не достигал свет прожекторов, также патрулировались. Площадь прочесываемой местности составляла несколько квадратных километров. На строительную площадку выехала громкоговорящая установка, через ее динамики зачитывалось требование к сбежавшему заключенному немедленно сдаться. Несмотря на применение поисковых собак, акция по его поимке не увенчалась успехом. Нас сменили на постах далеко за полночь.

На следующее утро мы снова заняли прежние места и смогли наблюдать за поисками. Была перебрана каждая куча кирпича и каждая стопа досок, каждый кусок земли, на котором сохранились свежие следы работ перекапывался до тех пор, пока не убеждались, что они лишь поверхностные. Все места, где накануне велись земляные работы, перекапывались до изначального грунта в предположении, что заключенного специально закопали его товарищи. Только что проложенная канализационная система и система связи была проверена и осмотрена, были проверены все широкотрубные каминьы. Всё безуспешно. В то время как оцепление сохранялось, поисковая акция была прервана. Была вызвана специальная команда, которая должна была об-



мерить все возведенные до этого постройки на соответствие плану.

Когда солнце уже начало клониться к закату, была найдена стена, не соответствующая плану. Капитальная стена, когда по ней стучали, издавала звонкий звук. Через пару минут беглеца извлекли на свет. В укрытии у него были кельма и молоточек. Хотя было невероятно, что он сам себя так быстро мог замуровать без посторонней помощи, найденный вместе с ним инструмент позволял все же ему это утверждать и не выдавать сообщников.

После отбоя тревоги мы узнали, что заключенные, возвратившиеся вчера вечером в концлагерь, продолжали стоять на плацу — после дня тяжелых работ, двадцать четыре часа без еды и воды, в строю под дождем.

Это была пытка, которая должна была оказать устрашающее действие. Кроме того, не вызывало сомнений, что эта мера была направлена и против неудачливого беглеца. Наряду с тяжелым телесным наказанием и заключением в карцер, которые его, вероятно, ожидали, некоторые заключенные, особенно упоминавшиеся капо, могли безнаказанно выместить на нем свою злобу. Но для моего предположения подтверждения нет. Мы совершенно не знали, какого рода были наказания в действительности.

До наступления осени в лагере была еще одна тревога из-за попытки побега. При невыясненных обстоятельствах пропал заключенный из «лесной команды». Речь идет о команде лесорубов из нескольких сотен человек, которых было невозможно тщательно контролировать на их рабочих местах. Вместе с сотнями полицейских было проведено прочесывание огромного оцепленного лесного района. Уже через пару часов хорошо замаскированного беглеца сняли с высокой сосны.



Кроме «англичанина», бежать из лагеря никому не удалось. Только хорошая подготовка и действенная внешняя помощь могли обеспечить те немногие возможности побега из района лагеря. Без такой помощи и точного плана даже удавшийся побег за пределы внешнего ограждения обеспечивал лишь кратковременное нахождение на свободе.

Дни лета 1939 года были последними, когда мы несли службу по охране концлагеря, период недостойной для нашего молодого отряда службы был позади.

Прекрасное лето подходило к концу. Мы смогли на две недели съездить домой, чтобы отгулять прерванный зимой отпуск. Теперь я побывал везде, где был в недавнем времени еще мальчишкой, — на тенистой горе Бухенберг, купался в ледяной воде зеленого Иббса и в теплых струях Урльбаха, бродил по старому городу и по широким липовым аллеям. Я наслаждался тем, какие взгляды на меня бросают во время этих прогулок. Если у женщин и девушек они были страстные и дружелюбные, то у мужчин — удивленные и не дружеские. Если мамы думали: «Какой замечательный солдатик!», то на лицах папаш читалось удивление, что такой мальчишка, а уже щеголяет в военной форме.

В те дни мое тщеславие необычайно выросло. Я собрался с духом всех моих шестнадцати вёсен и пригласил давно втайне обожаемую мной девушку на свидание. Когда это случилось и письмо уже было к ней отправлено, я поколебался в своем кураже и внутренне уже был готов к тому, что не найду ответа в ее сердце.

Вечером я сидел на скамейке, о которой было написано в письме, под старыми липами, надеясь, что она не придет. Я лихорадочно соображал, что мне говорить, если она все же появится. В любом случае я твердо решил, что если ее не будет в 19.00, считать себя отвер-



гнутым и немедленно покинуть место, где я проявил такую смелость.

Без одной минуты семь я окинул взглядом аллею. Ни души. За одну минуту ей не удастся появиться на этой сцене. Это совершенно исключено. Но я еще пунктуально ждал одну минуту, а потом с облегчением поднялся.

— Добрый вечер! — вдруг позади себя услышал я приветливый девичий голос. Должно быть, я выглядел совсем обескураженным, когда подошел для приветствия. Мое робкое смущение резко контрастировало с той радостью, которой светилось ее лицо. Для меня было фатальным то, что я непременно хотел, чтобы меня принимали всерьез, но, наконец, ее непринужденность передалась и мне. В наступившей темноте наши сердца сблизились настолько, что я решился на самый первый в жизни поцелуй. К сожалению, и он мне не удался. Он пришелся не в ждущие губы Эрики, а в безучастный кончик носа.

В НАЧАЛЕ ЖЕРТВЕННОГО ПУТИ

Подошел к концу отпуск, а вместе с ним и лето 1939 года. На политическом горизонте сгустились тучи. На следующее утро нам предстоит получить большое количество машин для перевозки личного состава, их дополнили гражданские грузовики, перекрашенные в серый полевой цвет. В роте за мной закрепили легковую машину ДКВ, предназначенную для командира 1-го взвода.

Занятия по погрузке в случае тревоги чередовались с ездой в колонне по лагерной территории. Ходили слухи, что часть новых машин перекрасили в гражданские и снабдили всякими рекламными надписями гражданских фирм. Их загрузили боеприпасами и вместе с командами, переодетыми в спортивную форму, отправили из лагеря. Через несколько дней Би-би-си рассказало о таком происшествии: в порту Данцига при разгрузке грузовика с футбольной экипировкой оборвался трос у крана, так как вес машины не соответствовал заявленному, и она упала в воду. Якобы это была машина, груженная минами.

В последние дни августа мы привели в порядок выходную форму и все, что нельзя было взять с собой в ранце. Сложили, снабдили ярлыками с фамилией и сдали в каптерку на хранение. Противотанковые мины и подрывные шашки загрузили в машины и оставили под



охраной. Личному составу выдали боеприпасы для винтовок и пулеметов. Мы явно замечали, что заваривается какая-то каша, которую дипломатическими средствами расхлебать не получится.

Первого сентября 1939 года я как раз шел через строевой плац и подходил к нашей временной казарме, зеленому зданию столовой, когда из репродуктора, висевшего на ее стене, донеслось обращение фюрера к немецкому народу. Он говорил о том, что надо свести счеты с поляками, терзающими и убивающими немецкое национальное меньшинство: «Сегодня утром с 5 часов 45 минут мы открываем ответный огонь!»

Молодые солдаты встретили эту речь с радостью и воодушевлением. Это был час рождения Второй мировой войны.

«Тревога!» — Крик в ночи. Сто раз тренировались, но на этот раз все как впервой. Грохот подкованных сапог по гулкому деревянному полу, наспех проглоченная закуска между получением сухого пайка и осмотром ранца. Через два часа после объявления тревоги мы по плану выдвижения уже ехали по ночному Ораниенбургу. Из Берлина мы выехали уже днем. На следующую ночь мы были уже в Бреслау. Повсюду шли войска. Мы, водители, спали на своих местах, в то время как остальные управляли машины. Потом поехали дальше, то и дело останавливаясь для пропуска марширующих колонн. Казалось, что мы не получили слишком серьезных задач, иначе бы у нас было преимущество в движении. Из районов боев нам навстречу двигались колонны с ранеными. Издалека до нас неоднократно доносилась канонада и пулеметные очереди главных боев. По какому-то болоту, где мой грузовик засел по самые оси, мы перешли польскую границу. Первым нашим районом боевых действий был Острово. Мы должны были ловить и разо-



ружать польские части. Потом мы двинулись дальше через Калиш на Турек и Лодзь. Чем дальше мы шли по территории Польши, тем богаче становились наши «трофеи». Измученные польские солдаты предпочитали сдаваться в безысходном положении. Они ругали свое командование, представлявшее им противника как армию бумажных солдатиков. Позже мы отклонились на север, для прочесывания лесного массива, в котором скрывались пехота и кавалерия. Но и здесь больших боев не было. Без продовольствия и боеприпасов оказать серьезное сопротивление далеко за линией фронта невозможно. Во Влоцлавике, наконец, мы добрались до Вислы. Здесь польская кампания для нас закончилась. Ни в одном из дел, где мы участвовали, особой храбрости от нас не требовалось. Мы должны были только сохранять военную добычу. Тем не менее нам теперь не могла встретиться польская кавалерия и пытающаяся отчаянно прорваться пехота, и мы могли спокойно пару ночей отоспаться под охраной часового.

Через несколько дней после польской кампании мы снова двигались маршем на Родину. К нашему всеобщему удивлению, не в направлении Берлина, а на юго-запад, а потом по автобану на Мюнхен. Там регулировщики направили нас на Дахау. И для нас начались такие же нехорошие дни, как после действий в Судетской области.

Вдруг нас отправили в концлагерь. Только мы теперь жили не снаружи, а непосредственно в бараках для заключенных. Они так провоняли дезинфекцией, что мы считали себя защищенными от чумы на десять лет вперед. Койки стояли в три яруса, тот, кто спал на третьем этаже, после сна не должен был резко вскакивать, чтобы не удариться головой о потолок. Когда мы строились перед бараками на поверку или шли строем на кухню,



нам в глаза бросалась надпись на лагерных воротах: «Труд освобождает!»

Просто наскоро освободили часть концлагеря от заключенных и разместили нас в их бараках. Здесь заключенных мы не охраняли.

Служба была чрезвычайно строгой. Здесь, в концлагере Дахау, дивизия СС «Мертвая голова» возникла как самостоятельное моторизованное воинское соединение. Но должно ли при этом указываться в качестве места рождения нашей дивизии Дахау и именно концлагерь?

И еще одно: череп на наших петлицах — теперь уже полтора года считавшийся нашей эмблемой — в будущем будет служить в том же качестве и охране концлагерей. Как в будущем можно будет тогда отличить концлагерную охрану от боевых частей? Этому обстоятельству тогда мы совершенно не придавали значения, не понимая, что с этим связано. За исключением одного шарфюрера резерва, по гражданской специальности адвоката, об этом, в общем-то, никто и не разговаривал.

— Гиммлер все это нам устроил!

Это был еще один минус для шефа всех СС. Кому от этого стало хуже? Нам он и так не нравился.

Формирующаяся дивизия была пополнена большим количеством резервистов. Этих людей, служивших раньше и преуспевших в гражданских профессиях, назначали преимущественно на должности, где они могли лучше всего применить свои профессиональные знания и опыт. В дальнейшем они принесли дивизии большую пользу. Они работали поварами, портными, сапожниками, водителями транспортных машин, канцелярскими и административными служащими, в то время как молодежь преимущественно занимала строевые должности в боевых частях. Мы, молодежь, многому учились у



«стреляных воробьев» и благодарили за знания, которые бы не получили ни от кого.

Снова переформировывали уже существующие части и подразделения, подыскивали добровольцев в тот или иной род войск, должности сокращались, создавались, занимались и вновь сокращались. После того как организационно-штатные мероприятия временно затихли, постепенно сложился новый облик дивизии. Со старыми товарищами меня разлучили. На их место пришли новые. Из прежних, что были во времена рекрутчины в Ораниенбурге, со мной не осталось никого.

Из 1-й роты меня перевели в штаб батальона. Причиной этому послужило то, что я не понравился новому командиру роты. Мы сразу с ним не сошлись. Я в нем видел не предводителя своих подчиненных, а новый тип беспощадного представителя «расы господ». Его лицо отражало грубую жесткость и ум. За какую-то мелочь он устроил мне ужасный разнос перед строем. На следующее утро, когда он обратился к роте с приветствием: «Хайль Гитлер, рота!» и она в ответ ответила обычное краткое: «Хайтлер!», я, стоявший в первой шеренге, остался с упрямо сомкнутыми губами. После этого я, вспомнив цитату из рыцарских времен, сказал гауптштурмфюреру Кальтхофену громко и твердо:

— Я отказываюсь от Вашего приветствия! — Фронты были обозначены.

В отличие от молодых добровольцев и резервистов старших возрастов, которые могли считаться национал-социалистами в идеальном смысле, гауптштурмфюрер Кальтхофен был фанатичным национал-социалистом, который при проведении с нами своих занятий по мировоззрению хотел привить нам что-то из своих представлений. С резервистами ему ничего не удалось. У них уже были свои установившиеся взгляды. А нам, молодым людям, считавшим себя национал-социалистами имен-



но потому, что они были сторонниками единой Германии, он морочил головы своими фанатичными взглядами.

Через несколько дней он перешел к делу. Тот унтершарфюрер, бывший адвокатом с академической степенью, якобы допустил высказывания, способные поколебать основы великой Германии. Последовал доклад гауптштурмфюрера Кальтхофена, суд перед собравшейся частью, приговор, разжалование, срывание эсэсовских петлиц, изгнание со «стыдом и позором» из войск СС и после переодевания в пижаму заключенного препровождение на огороженную территорию концлагеря.

Этот случай вскоре был забыт. Все время наши мысли занимало овладение новым вооружением и боевой техникой. Наконец-то мы расстались со старыми пулеметами времен Первой мировой войны. Вместо них мы получили чешские легкие и тяжелые пулеметы с воздушным охлаждением. К ним подходили патроны немецкого производства. Если до этого мы были грузчиками-чернорабочими, то сейчас стали чем-то вроде «спортивной пехоты».

Значительно участились ночные занятия. Ночные марши, ночные бои, ночные занятия по разведке и действию ночных групп захвата и оборудованию позиций ночью шли одни за другими. Теперь, очевидно, поняли, где было слабое место в нашей прежней подготовке.

В ноябре вооружение дивизии завершилось и ее направили в Северный Вюртемберг. Штаб 1-го батальона 2-го полка и 1-я рота после марша по сильному холоду прибыли в Лауфен на Некаре. Окоченевшие, мы бродили в темноте по городку, разыскивая места для постоя. В моем квартирном ордере было написано имя Марии Штольп с указанием улицы и номера дома. Оказывается, мне совсем не надо далеко ходить, я быстро нашел домик с фахверком, как из книги сказок. Пожилая жен-



щина, сгорбленная от жизни, с толстыми линзами очков на глазах приняла меня радушно. Она уже все подготовила для «своего солдата»: теплое помещение, горячий ужин и мягкую постель в комнате под крутой крышей. Мне очень понравилось у «Матушки зимы». Молодому солдату, привыкшему к суровой обстановке, очень нравится вдруг оказаться в домашнем уюте.

Мой товарищ Петерайт разместился в доме напротив. Когда я следующим утром выглянул из окна, чтобы дать ему сигнал выходить на утренний осмотр, я увидел не солдата, а привлекательную хозяйскую дочку, глядевшую из украшенного окна. Вот же везет людям! Девушку звали Матильда.

В том городке на Некаре мы провели несколько недель. Наше пребывание там отмечалось очень радужным отношением жителей Лауфена. Для них мы были не СС, а просто молодые солдаты, которым предстоит еще тяжелые времена. Мы наблюдали, как развиваются отношения: мужчин в гордом ожидании, женщин, переносящих на нас свои материнские чувства. Мы показывали себя готовыми к предстоящим суровым испытаниям. Наша дивизия с гордым названием должна была стать самой жесткой, стойкой, отважной, умелой и рыцарской из всех соединений. Мы становились высокомерными.

Зима в Лауфене в тот год была очень холодной. Матушка Штольп связала мне шерстяные наушники, чтобы я не простудился. Служба была по-прежнему строгой и тяжелой. Не было никаких скидок ни на погоду, ни на местность. Мы проползали сотни метров по замерзшей земле и по пояс в ледяной воде переправлялись через ручьи и речки. Район наших учений ограничивался радиусом в тридцать километров. Когда мы возвращались с учений или учебного марша, наши песни разносились по улицам городка вопреки нашей усталости и на удо-



вольствие жителей Лауфена. Из полевой кухни я всегда прихватывал с собой айнтопф (Айнтопф — *нем.*) густой суп с мясом) для моей хозяйки, а на квартире на столе меня всегда ждало что-то домашнее.

Чтобы я не потерял водительских навыков, я получал задания на поездки в окрестностях Лауфена. В Штутгарте я едва не потерял колесо из-за того, что не были затянуты гайки крепления. В Хайльбронне я на «Штёвер-Грайфе» со старшиной на борту из-за гололеда врезался в стену парка. Когда я приехал на стоянку, старшина и жестянщик впали в бешенство: «За руль больше не сядете никогда!» Я был по-настоящему потрясен случившимся и тем, что мне запретили ездить. Но где же мне набраться опыта в зимнем вождении?

Рождество 1939 года мы отпраздновали в Лауфене. Это было мое первое Рождество в войсках. Мы собрались вечером в празднично украшенном школьном актовом зале, на сцене которого стояла великолепно украшенная елка с голубыми свечами.

Наш батальонный адъютант вел праздник. Он рассказал нам об этом празднике света, заключающемся в том, что с этого дня солнце вновь приобретает силу, преодолевает зимний холод и способствует возникновению новой жизни на земле, и о празднике солнцеворота наших далеких предков. В конце своей краткой речи он высказал надежду на то, что будущее Рождество мы тоже сможем встретить все вместе.

Мне, самому молодому, было поручено зажигать свечи, в то время как самый старший из нас каждому огню давал посвящение и смысл.

После торжественной части мы подошли к столу, которого еще не видывали при нашей спартанской солдатской жизни. Мы в складчину купили на ферме одного из наших резервистов увесистую свинью, которая теперь в форме венских шницелей и жаркого дополняла



рождественский войсковой паек. Лауфенские хозяйки празднично застелили стол простынями и украсили еловыми ветками. Община города припасла для нас бо- чонок вина, позаботившись, таким образом, о нашем праздничном настроении.

Когда праздник достиг кульминации, я ушел и поси- дел еще немного в квартире с хозяйкой у маленькой елки. Она рассказывала мне истории своей далекой молодости, а я показывал фотографии своей родины. Это было приятное, почти семейное завершение со- чельника.

29 января 1940 года я отпраздновал свой 17-й день рождения с матушкой Штольп. А на следующий день нас уже можно было найти на полигоне Мюнзинген в «шваб- ской Сибири».

Позади осталось сердечное гостеприимство и хоро- шенькие девушки, к которым мы, бывало, бегали в са- моволки. Позади остался утренний горячий кофе к за- втраку под войлочным колпаком, чтобы не остыл, и ве- ликое фруктовое желе. В нашем пути в неизвестное нас сопровождали самые наилучшие пожелания муж- чин, женщин и девушек. Матушку Штольп повидать мне больше не удалось. Еще долго в дальних странах я по- лучал от нее открытки и посылки, прежде чем она не упокоилась на Лауфенском кладбище.

Десять человек из нашей части взяли себе в жены швабских девушек, но пережить войну довелось лишь одному.

Полигон Мюнзинген был настоящим военным лаге- рем, который сразу выбил из головы мирный Лауфен. Лауфен с его частными квартирами в глазах нашего на- чальства был совсем неподходящим местом для жизни настоящего солдата. Из-за такого размещения после



обычного служебного времени трудно было поставить в строй людей в сером. А нам именно поэтому нравилось жить в городе на постое.

В лагере меня откомандировали в никем не любимый дивизион связи. Это была плата за мои шоферские приключения. Перевод меня совсем не обрадовал. Как вскоре оказалось, в качестве радиста я мог работать лишь условно. «Магические 70 групп» на прием и передачу я превзойти так и не смог. Поэтому я остался сигнальщиком и радиотелефонистом. Однажды я использовал возможность и записался в расчет противотанковой пушки, для которого искали добровольца. Расчеты легкой противотанковой пушки отличались крепкой дружбой и гордостью за свое оружие. Но побег мне не удался, так как я из-за крепкого телосложения оказался незаменимым для прокладки тяжелого двухтысячметрового полевого кабеля на катушке через ручьи и овраги. Втайне я готовился к новым возможностям, чтобы бежать из телефонистов. Там тоже были хорошие ребята, но о телефоне в качестве оружия я не мечтал.

Подготовка в Мюнзингене завершилась дивизионными учениями с боевой стрельбой. За ними наблюдало огромное количество генералов вермахта. Наша артиллерия устроила настоящее чудо. На бетонные бункеры обрушился огненный град. Тяжелые пулеметы стреляли поверх голов наступающей пехоты. Мы бежали под трассами пуль с катушками и прокладывали телефонную связь между командным пунктом батальона и командно-наблюдательными пунктами рот. Саперы прыгали в поисках укрытия по воронкам, подбирались к проволочным заграждениям и дотам, закладывали под них подрывные заряды. Пехота, как ее и учили, врывалась «в дым от разрывов собственных ручных гранат». Краснолампасный генералитет сухопутных войск выразил свое полное удовлетворение увиденным. Наша ди-



визия была готова к бою. А у нас был первый тяжело раненный снарядным осколком.

Из Мюнзингене нас отправили в Винтерберг в Зауэрланде. Снова мы разместились на частных квартирах. Для меня этот раз отличался от прошлого очень скромной добротой хозяйки. Глава семейства был железнодорожным чиновником, и его поведение давало повод сделать заключение, что его профессиональное и партийное положение просто обязывает его неделями терпеть грохот солдатских сапог вместо наслаждения тихим семейным счастьем.

В Винтерберге после глубокого снега и изнурительных занятий на дневном и ночном холоде мы дождались начала весны. В одно из воскресений я отправился оттуда к истокам Рура. В Винтерберге я поставил свою подпись под заявлением о выходе из католической церкви. К этому акту меня совершенно не принуждали. В то же время не многие решались на такой шаг. Опрос о желании вступить в НСДАП тоже не вызвал интереса. В этом тоже не было никакой необходимости и принуждения.

Нашей партией были войска, нашими заповедями, как нам постоянно вдалбливалось, — войсковое товарищество, самоотверженность и храбрость в борьбе.

КАМПАНИЯ НА ЗАПАДЕ

Весна как раз растопила последний зауэрландский снег, когда все размещенные в округе войска были подняты по тревоге. Вскоре, как только стемнело, мы двинулись маршем в неизвестном направлении.

На рассвете мы пришли на какой-то школьный двор. Все здание школы было переоборудовано под казарму.

На следующий день ходили разные слухи. Будто бы нас снова отправят в район Хайльбронна («может быть»), мы пойдем к линии Мажино и займем выжидательные позиции, нас перебросят в Норвегию... Но ничего не происходило. По ночам мы наблюдали стрельбу зениток по французским самолетам в районе Кёльна. Словно ослепленные мотыльки висели вражеские самолеты в серебряной решетке лучей прожекторов, прежде чем окончательно упасть на землю.

О нас, очевидно, забыли, и наше разочарование было безграничным. Не линия Мажино и не Норвегия! Нас оставили в качестве тылового соединения, потому что 10 мая наши войска перешли границу Рейха и устремились на запад.

Но чуть позже раздался сигнал тревоги. «Командирам батальонов доложить о готовности к выступлению до...» Уже ночью наша колонна пришла в движение.



Транспортеры, мотоциклы, броневики, низкие трехосные вездеходы с противотанковыми пушками и легкими пехотными орудиями на прицепе двигались на запад, к границе Рейха.

На рассвете мы проехали Кёльн и переправились через Рейн. Дальше мы двигались на Аахен, через Маас в Голландию.

С бешеной скоростью мы мчались к бельгийской границе, в боевом порядке, который до сих пор не отрабатывался ни на одних учениях — вели бой, не спешиваясь с машин.

Бельгийская граница обозначалась глубоким рвом, наполненным водой, и железобетонным дотом, прикрывавшим мост. На нем остались следы обстрела из пулеметов и противотанковых пушек. С лугов и из кустарников на дорогу группами выходили бельгийские солдаты с поднятыми руками. Мы показывали им, чтобы они шли в тыл. Там, где мы были теперь, — была передовая.

Ночью мы тоже продолжали движение. Льеж и Намюр мы объехали. Вражеские самолеты выискивали наши колонны и сбрасывали бомбы. Дороги были запружены разбитыми машинами противника. Мы объезжали воронки от бомб и трупы лошадей, постоянно думая о том, как бы не отстать от машины с потушенными огнями, идущей впереди. Изо всех сил мы всматривались в темноту ночи, постоянно ожидая нападения. На короткой остановке мы на машине перед нами прикрепили белый платок, чтобы хоть как-то помочь водителю. Потерять впереди идущую машину означало оказаться одному без каких-либо ориентиров, при том, что позади тебя шли еще сотни машин, или продолжать движение в ночи с вероятностью заблудиться вместе с идущей позади колонной. После команды «Глуши двигатель!» вдали мы слышали гул моторов соседних колонн, пробиравшихся через ночь по параллельным дорогам. Мы



видели вспышки артиллерийских выстрелов перед нами и слышали грохот выстрелов гаубиц, занявших позицию непосредственно у дороги. А потом послышались разрывы авиабомб, которые должны были не допустить нашего дальнейшего движения. В небе показались трассы легких скорострельных зениток, открывших огонь по то и дело атаковавшим самолетам.

Утром мы остановились в большой лощине. Натиска противника с флангов уже не ощущалось. Повсюду на дороге стояли горящие машины. Треск рвущихся патронов перемежался криками раненых. Черные клубы дыма поднимались в утреннее весеннее небо, пачкая серебристо-розовые облачка. Над всей долиной висел ужасный запах, исходивший от огромного количества вздувшихся лошадиных трупов. За зеленой живой изгородью виднелся сгоревший французский танк. Из его люков свешивались марокканские солдаты. Их обгоревшие тела были матово поблескивавшего угольного цвета. Лица остались нетронутыми огнем, застывшими в диком крике. Здесь смерть собрала обильный урожай, когда район сосредоточения танковой части был разгромлен нашей авиацией.

Из леса по обе стороны высот слышалась частая стрельба. Мы спрыгнули с машин и пошли в атаку на очаг сопротивления. Наши минометчики, занявшие позиции в придорожных канавах, обстреляли выявленные позиции на опушке леса, обеспечив нам прикрытие. Когда мы подошли к позициям противника, они были уже пусты.

Был получен сигнал собраться у дороги. В то время как минометы обрабатывали лес, мы опять расселись по машинам. Едва мы успели сесть, голова колонны двинулась дальше. Никаких долгих остановок. Казалось, что победа заключается в движении.

Когда солнце поднялось выше, прежняя свежесть нас быстро покинула. После бессонных ночей приятное



тепло нас разморило. Тела заснувших то и дело валились в разные стороны, ища опоры. Лишь немногие продолжали держаться на сиденьях, кивая головами с покрытыми пылью лицами. Только когда двухмоторный вражеский бомбардировщик на бреющем полете прошелся вдоль нашей колонны, треснув нам по ушам очередями своих пулеметов, мы вдруг сразу проснулись.

С тех пор как мы перешли границу Рейха, нас мучила жажда. Полевая кухня запуталась где-то позади колонны, а искать колодцы не было возможности. Как-то нам повезло, когда в одном из местечек колонна остановилась. Мы сразу побежали по брошенным домам, достали вино из подвалов, напились сами и залили воду в радиаторы наших транспортеров. При этом мы поняли, как внезапно население побросало свои жилища. Кое-где можно было увидеть на столах приготовленные завтраки. Один раз в поисках жидкости мы заскочили в какую-то виллу и увидели, что в этом доме есть всё: полные кладовые продуктов, остатки английского завтрака на столе и (какая прелесть!) полная ванна еще теплой воды. Грюнвальд, большой любитель удовольствий, тут же сорвал с себя форму и с хохотом в нее плюхнулся. Когда колонна тронулась дальше, он выскочил в одних сапогах, каске и с жетоном на шее, прыгнул в кузов машины, крепко прижимая к груди карабин и одежду. Так на войне смех и смерть идут рука об руку. Сколько хохота было, когда оказалось, что Грюнвальд вместо своей серо-белой форменной майки в спешке схватил шелковую нижнюю рубашку хозяйской дочки и, не долго думая, натянул ее на свою волосатую грудь.

Нам было объявлено, что взятие вещей без разрешения из домов гражданского населения считается грабежом и строго наказывается. Но разрешалось брать вещи, безусловно необходимые солдату в боевой обстановке. Конечно, иногда прихватывали что-то сверх



того. Насколько я знаю, до грабежей дело нигде не доходило. Хотя к ним можно причислить то, что мы иногда пренебрегали колодцами и утоляли нашу жажду влагой из холодных подвалов вместо обычной грунтовой воды.

Во второй половине дня мелкие вражеские подразделения постоянно пересекали наш маршрут, пытаясь прорваться. Зеленые кустарники вдоль дороги позволяли скрытно к ней приблизиться. До тяжелых боев дело не доходило. У нас создалось впечатление, что противник уже разгромлен и наши необычные методы боевых действий абсолютно нарушили его планы. Казалось, что на этот раз нам не придется, как в прошлую войну, бесконечно сражаться во Фландрии. Превосходству противника в силах мы противопоставили способность неожиданного и молниеносного прорыва, отказавшись от того, чтобы меряться силами перед укрепленными районами, в обход них мы, используя неожиданную подвижность наших соединений, наносили удар в глубину.

На обочине дороги стояли колонны французских беженцев — женщин, детей, стариков. На лицах у всех был страх, что их убьют или ограбят. Тем не менее между нашими резервистами, которые сами были отцами семейств, и детьми на одной из остановок завязались контакты. Получив плитку шоколада или ролик леденцов, дети немного забывали о страхе. Хотя, конечно, мы своими серыми запыленными лицами с запекшимися губами, красными воспаленными глазами, в чужой для них военной форме действительно могли напугать кого угодно. Когда мы поехали дальше, то заметили, что беженцы облегченно вздохнули, хорошо выдержав первую встречу с солдатами противника.

Мирные минуты снова остались позади. Теперь мы опять уже не были смеющимися, раздаривающими шоколадки солдатами. Снова все оружие было направлено



на придорожные кустарники, откуда нам в любую минуту могла угрожать смерть.

Ждать пришлось недолго. Слева пулеметные очереди ударили по машинам, ехавшим полным ходом. Мы могли только предполагать, где находится пулемет. Повсюду рощи, кусты, зеленые изгороди. С ходу мы открыли огонь по враждебным нам зарослям. Дальше нам преградил дорогу горящий транспортер из нашей части. Солдаты спрыгивали с машины, груженной боеприпасами, которые могли взорваться в любой момент. Некоторые опять забирались в грузовик и вытаскивали из огня казавшиеся безжизненными тела. Шедший до сих пор за нами транспортер лежал далеко позади в придорожной канаве колесами вверх и дымился, хотя не горел.

Рота развернулась для атаки небольшой возвышенности, с которой, как казалось, велся наиболее сильный огонь. На насыпи и позади нее заняли огневые позиции тяжелые пулеметы и минометы. И вот они ударили по покрытому зеленым холму фугасными минами и длинными очередями, обеспечивая огневую поддержку атакующим стрелкам.

Я почувствовал неприятное давление в области желудка, такое же было, наверное, у моего генерала. Если противнику удастся перерезать движение колонны, то ехавшие впереди товарищи могут быть уничтожены в окружении, устроенном французами.

Это было то, что мы называли «полной задницей»: связи с шедшими впереди частями и подразделениями не было. Между ехавшими вперед частями и нами возник разрыв, в который мог войти противник и укрепиться в нем. К стрельбе нашего орудия подмешивались удары вражеской артиллерии. Ее снаряды рвались на лугу за насыпью, служившей нам прикрытием, и осыпали осколками наши машины. Сквозь канонаду мы все



чаще различали резкие выстрелы легких пушек. Всякий раз, когда я чувствовал, как надо мной пролетали их снаряды, у меня подскакивал желудок. За резким грохотом разрыва снаряда всегда доносился немного приглушенный звук пушечного выстрела. Черт его знает, что там из зарослей кустарника бьет по нам. К крикам команд и стонам раненых вдруг добавилось гудение самолетных моторов. С десятков истребителей «Моран» пролетело над нашей застрявшей колонной. Теперь мы стали предполагать, что это место было выбрано противником для нанесения флангового удара. На дороге появлялось все больше воронок от разрывов снарядов. С большой озабоченностью мы провожали взглядами французские истребители. Вернутся ли они, чтобы обработать нас с бреющего полета? Оправдывая наши опасения, ведущий самолет сделал элегантный крутой вираж, заходя на нашу колонну, увлекая за собой все соединение, словно рой злобных шмелей. Ну, сейчас начнется! В мгновение ока все начали искать подходящее укрытие. Грюнвальд навалился на меня всем своим длинным телом, так как сам не смог найти ни малейшей ямки, чтобы спрятаться. Вражеские самолеты приближались к нам на бреющем полете. В любой момент могли показаться вспышки выстрелов у пропеллерных колпаков и плоскостей. Но вдруг они в последний момент отвернули. Это вмешалось и спасло нас звено истребителей «Мессершмитт». То, что разыгралось тогда на наших глазах, было летной драмой. За несколько минут четыре немецких истребителя согнали с неба всех «Моранов». Мы видели, как только один ведущий за один пролет отправил на землю трех французов.

Этим дело не ограничилось, так как четыре Me-109 заход за заходом начали атаковать укрытые за кустарниками вражеские орудия и танки. Наши офицеры использовали создавшуюся обстановку, чтобы энергично



продолжить атаку. Когда мы ворвались на вражеские позиции, в небо взлетели белые сигнальные ракеты, указывая истребителям наше положение. Повсюду стояли горящие машины и танки. Кони без всадников скакали по равнине или, повалившись на спину, беспомощно били в воздух ногами.

Большинство солдат противника даже не убежали, настолько внезапным была для них атака с воздуха и от дороги, перерезать которую они собирались. Теперь с поднятыми руками они стояли у своих укрытий. Им было приказано собрать оружие и боевую технику и выбросить их в пруд неподалеку. Их санитары оказывали помощь раненым. Офицеру, понимавшему по-немецки, было приказано собрать свой отряд вместе с ранеными у дороги и ждать дальнейших распоряжений.

Наши тяжело раненные лежали и сидели на обочине дороги и ждали эвакуации на санитарном автомобиле. Убитые лежали в ряд с пепельно-серыми лицами, с еще засученными по локоть рукавами с заметно вывернутыми суставами. Офицер СС с несколькими мотоциклистами выехал вперед и непосредственно перед нами возглавил нашу быстро подтянувшуюся колонну. Было необходимо как можно скорее догнать уже далеко уехавшие вперед части, прежде чем противник сможет снова перекрыть дорогу. На отдельные выстрелы из отдаленных кустов и рощ внимания не обращали.

Удар однозначно наносился на запад, на Камбре и Аррас. Было очень жарко. Хотя мы расстегнули полевые куртки, наши шеи воспалились от пота и пыли. Перед деревней, из которой слышался шум боя, мы догнали наш батальон. Из открытого магазина мы забрали штуку красного шелка, чтобы сделать мягких шейных платков для наших рот.

С небольшими остановками наша оцетинившаяся оружием колонна снова продвигалась вперед. Нашим



противником теперь были преимущественно английские полки, которым трудно было добиться успеха. Когда колонна снова надолго остановилась, мы использовали эту возможность, чтобы быстро перекусить. Издалека до нас доносилась канонада. С одним товарищем я отошел на несколько метров, чтобы избавиться от дорожной пыли. Там, где начинался придорожный откос, мы улеглись на жесткую траву и начали поедать наши хлебцы. С удовольствием жуя, мы направили наши взгляды вниз и удивленно замерли: как в дурном кинофильме про войну, в узкой долине, по которой проходила всего одна дорога, шел бой между танками и противотанковыми пушками. Противник в этот момент еще численно превосходил наши подразделения, и наши противотанковые 37-мм пушки, поставленные между танками Pz IV, не могли его компенсировать. Мы видели, как снаряды противотанковых пушек отскакивали от вражеских танков. И напротив, один орудийный расчет за другим погибал под снарядами вражеских танков. Одной храбростью при таком численном превосходстве противника добиться было ничего нельзя. Вскоре немецкие и вражеские танки пылали словно гигантские чадящие факелы. Мы насчитали двадцать таких горящих гробов, прежде чем не подошли дополнительные силы немцев, решивших исход боя в свою пользу. Как раз, когда это захватывающее зрелище подошло к концу, слышался приказ продолжить движение.

Это была немыслимая война: внизу, в узкой долине, параллельно направлению нашего марша шло танковое сражение, за ходом которого мы наблюдали во время завтрака, а теперь, не заботясь об окончательном исходе боя, мы бросаемся вперед на противника. Однако мы стали больше сознавать серьезность нашего положения.

В соответствии с приказом, мы продолжали двигаться дальше на Запад. Дороги были очень хорошими и по-



зволяли нам двигаться с большой скоростью. На лугах по сторонам от дороги паслось множество коров и коз, которых уже, по-видимому, давно не доили. Они громко мычали и блеяли, наседая на изгороди. Тем временем мы стали проезжать через местечки, в которых нас обстреливали из пулеметов с церкви и крыш. Противник отходил только после того, как в бой вступала наша артиллерия. Наша тактика прорыва через вражеские города с каждым разом совершенствовалась все больше. Вездеходы с минометами и противотанковыми орудиями на прицепе подъезжали к населенным пунктам как можно ближе, орудия занимали огневые позиции, в то время как мотоциклисты осторожно въезжали в деревню. Если ничего не мешало, колонна на полном ходу ее проскакивала, если «что-то мешало», то обычно оно находилось на колокольне. У англичан, наверное, было так записано в их уставе. В этом случае противотанковые пушки и минометы открывали огонь по очагу сопротивления, после чего марш продолжался без промедления.

Когда наступила ночь, Камбре остался далеко позади, а Аррас — севернее нас. Сколько же крови было пролито за эти города во время Мировой войны!

Уже во второй половине дня все чаще стала раздаваться команда «Внимание! Танки!». Когда стемнело, мы получили приказ занять круговую оборону поблизости от маленькой деревушки. Наше отделение связи встало на постой в гостиной сельского дома.

Ранним утром над спящими раздался крик посыльного: «Томми прорываются сюда с танками!» По приказу мы кинулись к машинам. Еще не рассвело. Холодный туман стоял в низинах и еще больше затруднял видимость в сумерках. Вскоре мы подъехали к перекрестку дорог и заняли оборону. Завернувшись в плащ-палатки и одеяла, мы стали поджидать противника. Подвезли на тягаче противотанковую пушку, расчет которой занял огневую



позицию за кустарником. Если я не ошибаюсь, это было 21 или 22 мая. Кто это точно может сказать в том месяце, представлявшем собой сплошное нагромождение событий!

Утром, так и не дождавшись противника, мы снялись с перекрестка и отправились в северо-западном направлении. Издалека доносились раскаты артиллерийских залпов противника и сухой треск танковых и противотанковых пушек. Мы пока в бой не вступали, хотя то и дело, то тут, то там раздавались пулеметные очереди. Однако они не были причиной для того, чтобы останавливать наше движение. Но другие части нашей дивизии вели тяжелый бой с прорвавшимися танками противника.

В последующие дни мы то наступали, то оборонялись. Противостоявшие нам английские войска умели воевать и доказывали нам это каждый час. Их «мобильная оборона» была мастерской. Панического бегства не было нигде.

Постепенно мы оттеснили британцев к Бету и окопались на местности между автодорогой и берегом канала непосредственно перед сельскохозяйственной фермой.

Томми по ту сторону позиций ограничивались лишь беспокоящим огнем артиллерии, а в остальном были настроены мирно. Из нашей авиации мы видели только один «Физелер-шторх», целыми днями нарезавший над нами круги. Примечательно, что каждый раз его появление было связано с более или менее точными попаданиями артиллерии. Был направлен запрос и получен ответ, что в нашем районе нет в воздухе ни одного немецкого разведывательного самолета этой марки. Когда он появился в пятый раз, прикрывавшая нас зенитка сняла его с неба. Оказалось, что самолет с немецкими опознавательными знаками пилотировался английскими летчиками.

ПОЗОР В ЛЕ-ПАРАДИЗ

Вечером 26 мая нам разъяснили обстановку. Перед нами оборонялись Королевский Норфолкский и Королевский Шотландский полки британского экспедиционного корпуса. Наша 2-я и 3-я роты уже готовились форсировать канал. Наше отделение связи было придано 1-й роте, то есть моему прежнему командиру роты. Связь с батальонным командным пунктом была установлена посредством легкого телефонного кабеля.

Было еще светло, когда 2-я и 3-я роты под проливным дождем и снова усилившимся артиллерийским огнем справа от нас перешли канал по восстановленным нашими саперами мостам и сразу же захватили территорию.

Пока саперы улучшали переправу, мы под покровом темноты перешли в только что отбитый населенный пункт и заняли там наскоро подготовленные позиции.

Ранним утром 27 мая наше отделение связи получило приказ немедленно прибыть на командный пункт 3-й роты, так как там выбыло из строя все отделение связи. Командный пункт командира роты гауптштурмфюрера Кнохляйна расположился на старых позициях времен Первой мировой войны на участке леса. Мы сразу же восстановили связь с КП батальона, соединив разо-



рванный во многих местах артиллерийским огнем англичан кабель.

Устало поднимавшееся из утреннего тумана солнце дало возможность продолжить наступление. Дорожный указатель показывал на Ле-Корне Мало. Минометы и тяжелые пулеметы заняли огневую позицию на опушке леса и вели огонь по выявленным целям противника в деревне в сотне метров от нас, в то время как стрелки продвигались по обе стороны дороги. Я наткнулся на молодого англичанина, от вида приближающейся смерти на лице которого кровь стыла в жилах. Он стоял, прислонившись спиной к земляному валу, с неопишимо безысходным выражением в глазах, в то время как яркая кровь толчками вырывалась из раны на его шее. Его руки тщетно пытались зажать артерию, чтобы сохранить жизнь в его теле. Даже при посторонней помощи спасти бы его не удалось.

Дальше! Внезапно пулеметные очереди ударили по отделению, продвигавшемуся по скрытой тропе, и превратили его в груды разбросанных человеческих тел. Один из них поднялся и, шатаясь, заткнув пальцем дыру в своем животе, пошел мимо меня в тыл.

Снайперы стреляли с крыш домов деревни, которую мы атаковали; прижимая нас к земле, и причиняли нам большие потери. Когда мы пытались оказать помощь раненым, то замечали, что у некоторых выходные отверстия от ран величиной с кулак, и спасти их невозможно. Они истекали кровью на наших глазах. Мы предположили, что англичане используют запрещенные международными конвенциями пули «дум-дум».

Огонь снайперов продолжал прижимать нас к земле. Каждый пытался обеспечить себе укрытие или прятал голову в траве. Тяжелые пулеметы замолчали. Их первые номера лежали с ужасными ранами у своего оружия. Лишь расчеты двух минометов в воронках времен



Первой мировой войны остались невредимы и усилили свой огонь по всему, что могло служить укрытием для снайперов. Это обеспечило нам прикрытие настолько, что мы смогли убрать своих раненых. Когда минометы израсходовали боеприпасы, над полем боя снова обладали англичане.

Раненые рассказали, что во время атаки их отделение ворвалось на вражескую позицию. После короткого ближнего боя англичане сдались и попросили оказать помощь двум раненым, лежавшим под одеялами. Когда отделение продолжило атаку, то эти якобы раненые вслед пощадившим их солдатам начали бросать ручные гранаты.

Раны, причиняемые специальными боеприпасами, и рассказ раненых подействовали на нас отрезвляюще и заставили взглянуть на противника в новом свете. После того как в том же лесу произошел случай такого же вероломства, это заставило нас предположить, что этот коварный способ ведения борьбы противник взял себе на вооружение.

Только через несколько часов, после того как по оборонявшимся в Ле-Корне Мало был открыт огонь сразу с нескольких сторон, нашей роте удалось продолжить наступление и ворваться в деревню. Оставшиеся в живых британцы отступили в направлении Ле-Парадиз. Моментально огонь противника прекратился. На переднюю линию были доставлены боеприпасы. Раненые ждали эвакуации, поредевшие отделения собирались вместе. Некоторые подкреплялись из сухарных сумок, нисколько не беспокоясь о том, какие это может иметь последствия при ранении в живот.

Дорога, вдоль которой на лужайке мы выложили своих убитых и по которой мы снова пошли в бой, вела нас к более крупному населенному пункту. Мы наступали в общем направлении на северо-восток.



Вскоре по нам ударили пулеметные очереди невидимого противника. Наполненные водой канавы, живые изгороди, стога соломы, отдельные дворы, высокая трава и густая молодая пшеница позволяли вражеским стрелкам великолепно использовать местность. Повсюду можно было встретить скрывающихся снайперов и пулеметные гнезда. Поддерживающие минометы не могли полностью оказать своего действия. Поле перед Ле-Парадизом было широким и ровным. Англичане оборонялись необычно храбро и ожесточенно. Потери убитыми и ранеными множилось. Снова совершенно невидимый враг, вызывавший удивление своими способностями, прижал нас к земле. Мы должны были его достать во что бы то ни стало. Ползая по-пластунски и на четвереньках, мы приближались к нему. А он искусно и незаметно отходил. Однако до цели атаки мы должны были пройти тысячи метров, а после луга, дававшего нам укрытие, началось широкое и ровное вспаханное поле. Преодолевать его без поддержки было бы чистым самоубийством. Я вспомнил учения на полигоне. Как здорово нас тогда поддерживала артиллерия! «Показуха», — думал я теперь. Где все это время были наши орудия, сделанные на заводах «Шкода», я вообще не представлял.

Командный пункт нашего командира батальона штурмбаннфюрера Фортенбахера, ветерана Первой мировой войны, был вынесен на самую передовую. Я должен был смотать провод до старого командного пункта и провести линию связи к новому. Ругаясь, на четвереньках, я проделал весь этот путь, сматывая при этом 500-метровый кабель на малую катушку. Как же я ненавидел этот «род войск»! Как я только выбрался из зоны досягаемости огня томми, сразу приступил к поискам нового командного пункта. Там я должен был подсоединить новую линию и вернуться назад в 3-ю роту Кнёхляйна. Там к этому времени противник отошел



к Ле-Парадизу. Мы наседали. Артиллерия и тяжелые пулеметы снова могли вести огонь по установленным целям. Несмотря на это, сопротивление противника продолжало оставаться настолько действенным, что мы на подходах к этой деревне несли большие потери.

Снова нас прижали к земле. Каждая попытка ворваться одним рывком в Ле-Парадиз заканчивалась тяжелыми потерями. С командного пункта 1-го батальона поле перед 3-й ротой, как я смог сам убедиться, было хорошо видно. Можно было предположить, что дальше так продолжаться не может. Где танки и артиллерия нашей дивизии? Когда зазвенел телефон, я передал сообщение командиру роты: за нами заняла огневые позиции гаубица, которая должна будет сломить сопротивление защитников деревни. Вскоре первый снаряд пролетел над нашими головами и ударил в ближайшую ферму. Потом снаряд за снарядом стал бить по предполагаемым позициям. Ну, вот и достаточно для того, чтобы можно было увидеть белые флаги. Развалины, огонь, густой дым показывают места попаданий снарядов. Осталось преодолеть последние сто метров!

И тут снова наступающих начали сметать пулеметные очереди из массивного многоэтажного здания. Им вторил частый винтовочный огонь, и под ним товарищи стали валиться снова на землю-матушку. Мы пытались использовать каждый бугорок, каждое малейшее углубление в пашне. Окапываться никто не решался, чтобы не привлекать к себе внимания снайперов. А наша гаубица молчала. Проклятие, они же должны видеть, в какое положение мы попали. Или расчет орудия тоже перебили? Но вот снаряды опять начали бить в главное здание в деревне, из которого обороняющиеся вели ожесточенный огонь.

Со своего места я видел, как во время артиллерийского обстрела с другой стороны в деревню въехали мотоциклисты и завязали перестрелку.



Гауптштурмфюрер Кнёхляйн дал сигнал к атаке. Под прикрытием эффективного артиллерийского огня мы теперь без особых потерь приблизились к деревне, в которой мотоциклисты уже вели активные действия.

Через некоторое время показались белые флаги. С недоверием и с принятием всех мер предосторожности мы наблюдали за выходом и сдачей в плен британцев. Большинство из них были ранены. Ожесточенный бой за Ле-Бассе-Канал и Ле-Парадиз закончился. Я встретил одного товарища, которого знал еще с рекрутских времен. Вот что он мне рассказал: британские солдаты, засевшие в одном из хлевов, сдались, вывесив белый флаг. Огонь был прекращен. Когда немцы вышли из-за укрытий и приблизились, с другой стороны хлева они были скошены из пулемета. После этого по заскакивавшему назад в хлев британцам открыл огонь немецкий пулемет, десять британцев были убиты.

Части англичан удалось прорваться в северном направлении. Выжившие защитники Ле-Парадиза выходили из своих укрытий в хлевах, на чердаках и подвалах.

Когда мы подумали, что деревня уже очищена от противника, внезапно с ее окраины раздались выстрелы. За хорошо замаскированным пулеметом англичан, на который мы сначала не обратили внимания, как на покинутый расчетом, снова заняли место стрелки и открыли огонь. Три моих товарища из пулеметной роты стали последними жертвами того боя.

Когда собирались подразделения, наших убитых хоронили в наскоро отрытых могилах. Они упокоились там, где погибли. Так, трое легли в одну могилу недалеко от английского пулемета, скосившего их, шесть — вместе посреди всходов пшеницы у одиноко стоявшей пушки на берегу канала, остальные — у домов деревни. Чтобы сделать кресты, доски отрывали от забора. На них на-



скоро от руки писали имена тех, кто покоится в этой земле. Ни тебе песни «О хорошем товарище», ни ружейного салюта, ни слова о геройской смерти. Нам оставалось только думать: «Сегодня — вы, а завтра — мы».

(Бой за Ле-Бассе-Канал стоил нашей молодой дивизии 157 убитых и более 500 раненых).

Подшли машины, доставили боеприпасы и продовольствие, раненых отправили на главный перевязочный пункт, поредевшие подразделения были пополнены людьми и вооружением. Я как раз снимал кабель со вспаханного поля, оставшегося позади, когда увидел у фермы небольшую группу английских военнопленных. Здоровые стояли, раненые сидели и лежали на земле. Некоторые отчаянными жестами протягивали мне свои семейные фотографии. Они что, думают, что мы их отпустим? Когда я посмотрел повнимательнее, то заметил два тяжелых пулемета, установленных перед ними. Пока я удивлялся, что пару великолепных пулеметов поставили для охраны пленных, вместо того чтобы эту компанию просто запереть в подвал и приставить к ним одного часового, меня вдруг осенила ужасная мысль. Я обратился к ближайшему пулеметному расчету и спросил, что здесь происходит. На это получил спокойный ответ:

— Их расстреляют.

Я не поверил своим ушам и подумал, что за этими словами кроется плохая шутка. Поэтому переспросил:

— Кто приказал?

— Гауптштурмфюрер Кнёхляйн.

Теперь я понял, что все это очень серьезно. Я поспешно отправился искать свое отделение, чтобы не быть свидетелем расстрела пленных, ожидавших смерти с семейными фотографиями в руках. Только применение ужасных, совершенно нам незнакомых боеприпасов, которые применяли томми, и их поведение перед нашими парнями, которые хотели их простить, а теперь



предстоящее убийство всех пленных во исполнение наспех вынесенного приговора! Все ли они были виноваты? Я не знаю ни одного пленного, которого бы помиловали. Были ли это пули «дум-дум», или другие, неизвестные нам боеприпасы, не включенные в конвенцию? Могло ли неожиданное открытие огня английским пулеметом в момент общей сдачи в плен быть вызванным отсутствием управления и нервозностью? Десять убитых британцев и немногим больше у нас в результате недостаточной договоренности? Пытался ли я построить «золотые мосты»?

Через день, когда мы с боями пробивались на запад, майор Ридерер из штаба 89-й армии обнаружил лежащих кучей расстрелянных невооруженных английских солдат. Его рапорт был немедленно направлен в штаб 16-го армейского корпуса. Не знаю, как часто со стороны противника жесточайшее преступление представлялось под само собой разумеющейся оценкой «случай в ходе боевых действий».

28 мая 1940 года. Медленно отступавшие британцы засели в Эстере и ожесточенно оборонялись. Под градом английских пулеметных очередей расчеты выкатили вперед свои легкие противотанковые пушки и почти без прикрытия начали борьбу со стрелками на церковной колокольне и крышах домов. Дома загорелись, автомобили взрывались от попаданий из наших орудий. Фонарные столбы с проводами падали на проезжую часть и блокировали ее.

Густой дым затянул город, когда поступил приказ, не обращая внимания на сопротивление, под прикрытием одной противотанковой пушки, на машинах въехать в центр города. Гауптштурмфюрер Кнёхляйн махнул своему водителю вездехода, чтобы тот подъехал, вспрыгнул на левую заднюю подножку, указав мне на подножку



рядом с водителем. Как у радиотелефониста, в тот момент у меня не было дела, но меня можно было использовать в качестве посыльного. Мы влетели в горящий городок, подскакивая на поваленных мачтах освещения, трупах солдат и лошадей. Пули били в стены и мостовую и со свистом отскакивали от них. Я, судорожно вцепившийся в скачущий автомобиль, представлял собой просто беззащитную мишень. В последний момент наш водитель заметил на улице приготовившуюся к огню английскую противотанковую пушку и резко свернул с улицы во двор. Едва мы свернули, как началась дуэль между английской и немецкой пушками. Находиться между ними было малоприятно. Но вскоре вражеское орудие замолчало.

Тут же все опять вскочили в машины и помчались дальше сквозь едкий дым по плоским воронкам, оставшимся от разрывов минометных мин. Наше внимание было приковано к крышам и окнам. Хотя стрелков мы не видели, вокруг нас постоянно били пули. Во время короткой остановки Кнёхляйн, стоя на подножке, начал стрелять из пистолета в кучку испуганных женщин, пытавшихся укрыться в подворотне от рикошетирующих пуль.

— Это же женщины! — вырвалось у меня резко и против всех предписанных дисциплинарных правил. Несмотря на шум боя, мой начальник услышал предостережение. Взгляд, который он бросил на меня, был исполнен злобы, стыда и раздражения от того, что такой молодой подчиненный осмеливается делать предупреждения. Тогда я еще не подозревал, что из-за моего выкрика годы спустя он уделит мне особое внимание. Томми стали отходить, сопротивление слабело, хотя противник еще оставался в городе. В своей прежней манере мы об этом уже не заботились, помчавшись дальше от городка к городку в северном направлении.



Мы остановились на холмистой местности и сразу же протянули линии связи между ротами. В течение ночи была пара часов для отдыха, но не для сна. Артиллерия противника вела беспокоящий огонь из района Дюнкерка.

На следующее утро мы, перегруппировавшись, двинулись дальше. Вниз по извилистой дороге мы спустились в долину. Далеко внизу находился город Балье. Артиллерия приветствовала нас. С гулом прилетали тяжелые «чемоданы». Они пронеслись у нас над головами и били туда, где только что были мы. Места для них там было много. Мы были очень рады, когда нам удавалось невредимыми миновать узкие выемки, по которым проходила дорога. В них мы чувствовали себя как в мышеловке. Одного артиллерийского или авиационного налета было бы достаточно, чтобы всех нас уничтожить. Авангард вел бой с медленно и упорядоченно отходившим прикрытием англичан. Мы проехали уже очищенный от англичан Балье только ночью. Город сильно пострадал от боев, и казалось, что население совсем его покинуло. Если двери и окна остались невредимыми, то они были плотно закрыты. За их ночной чернотой не было видно ни малейшего лучика света. Из звуков можно было слышать только рокот наших моторов. Со множеством остановок автомобильная колонна продвигалась между разрушенными домами и воронками от авиабомб. Когда наступило утро, мы еще не покинули узких улиц Балье. Издалека снова доносился шум боя. Там наш разведывательный батальон дрался с отходившим в полном порядке прикрытием англичан.

На площадях и более широких улицах города занимали позиции зенитные пушки. По возможности наши машины укрывались в воротах дворов. На полевых кухнях раздавали горячий кофе и сухие пайки. Повсюду люди в сером, прихлебывающие дымящийся суррогат. Обычная суэта, пока нет команды двигаться дальше.



Только на привалах мы заметили, как много товарищей нас покинуло, некоторые навсегда. Не было проверенных типов с их повадками и манерами разговаривать, с их участием в армейских буднях. Не было жизнерадостного Альберти, нашего «южного германца», который со своим неукротимым темпераментом везде вносил оживление. Еще в Лауфене у него были трудности с девушками, после того как он шлялся по чужим квартирам. Под Аррасом на трофейном английском мотоцикле он развозил донесения через территории, занятые французами. Днем позже его выбил из мотоциклетного седла пулеметчик английской броневой разведывательной машины. За свою бесшабашную храбрость он заплатил жизнью. В 4-й роте тоже был посыльный мотоциклист, о смелости которого тоже ходили рассказы. В тот раз ему удалось удрать на простреленных шинах.

Шум боя впереди смолкал. Выплывшее из утреннего тумана солнце грело наши косточки. Мы снова построились в походный порядок и поехали дальше. Теперь были уже не бои, это была поездка во французскую весну. Никакого противника вокруг на многие километры — только солнце, теплый воздух, который освежал наши лица, набегая навстречу. Молодые люди, молодые песни — смерть теперь снова была далеко.

Под ярким солнцем лежал город Сен-Омер. Дальше, к побережью! Больше никаких остановок или задержек! В 40 километрах к северу остатки британского экспедиционного корпуса оставляли Францию. Его солдаты храбро и стойко дрались за эту страну, гораздо решительнее, чем все остальные наши противники в той кампании.

На берег мы вышли между Булонью и Кале. В Одреселе, маленьком городке на самом побережье, наша рота расположилась на несколько дней. Нашей дивизии



была поручена охрана побережья от устья Оти южнее Булони и Аа севернее Кале.

Однажды я решил прокатиться на лодке, хранившейся в «моем» доме. Ушел далеко от берега, а потом по неопытности при повороте обратно перевернулся на высокой волне. Держаться за ходившую на волне и уносимую течением лодку было бесполезно, и мне пришлось добираться до берега вплавь. До берега я добрался из последних сил, но все-таки выплыл! И получил жестокий разнос от командира батареи противотанковых пушек, ставшего свидетелем моих приключений. На батарее посчитали меня либо сумасшедшим, либо дезертиром.

В те дни случилось еще что-то интересное. Одному товарищу, которого томми в одном из боев взяли в плен, с приключениями удалось бежать с английского берега и попасть прямо в свой полк, охранявший побережье. Он рассказывал, что британцы его постоянно опекали. Во время эвакуации из Дюнкерка французские солдаты из-за недостатка мест в лодках хотели сразу выбросить его за борт. И только после того, как англичане дали ему свою шинель и шлем, его удалось посадить на пароход. Этого товарища сразу же вызвали для доклада в Берлин.

Во время спокойных дней обороны побережья мы ухаживали и ремонтировали боевую технику и вооружение. «Опель-Блиц» на хороших дорогах Франции зарекомендовал себя в качестве отличной машины для перевозки личного состава. Неплохим оказалось и наше чешское стрелковое оружие.

Потери в личном составе потребовали провести реорганизацию. Среди погибших были также и водители боевых машин. Так мне представилась возможность уйти из ненавидимой мной радиотелефонной связи. Я попытался, и мне удалось! От радости я готов был обнять целый мир. Я получил «Опель-Блиц» со стрелковым



отделением «за спиной». Это была компания молодых героев, возглавляемых молодым командиром. Впервые за долгое время я снова ощутил, что значит «быть при деле». Прежде чем мы повернули на юг, у меня было некоторое время, чтобы разобраться с моей машиной. Я целые дни проводил под ней, на ней и в ней.

Однажды снова огромная колонна грузовиков растянулась по дорогам, ведущим на юго-восток. Батальон за батальоном в походном порядке проходили населенный пункт за населенным пунктом. Разведывательный батальон дивизии шел впереди на значительном удалении от главных сил. После почти десятидневного отдыха от Сены мы устремились ночными и дневными маршами все дальше на юг. Ехали круглыми сутками. У солдат в грузовиках снова от пыли посерели лица и воспалились глаза. Пыль проникала всюду. Жара, пыль, нервное напряжение ночных маршей были для всех серьезным испытанием. От водителей действительно требовалось невозможное: ехать без света в ночной тьме, часто по бездорожью до самого рассвета, а потом днем по жаре против солнца с постоянно устающими глазами, до тех пор, пока не начнется ночной марш. Санитары раздавали таблетки первитина, чтобы выжать из нас последние силы. После приема пресловутой желтой таблетки сначала обычно появлялось такое чувство бодрости, как будто проснулся после долгого глубокого сна. Время между приемами этих таблеток постоянно сокращалось. Раздражительность водителей и солдат достигла такого пункта, что они могли взорваться в любой момент.

Разгромленные французские дивизии отходили, бросив боевую технику и вооружение. На обочинах дорог и на городских площадях, на пашне и лугах происходил развал некогда одной из самых мощных континентальных армий. Огромные коричневые колонны военнопленных двигались нам навстречу.



Мы давно уже переправились через Марну и Сену и прорывались к Парижу с востока. С короткими привалами для отдыха водителей, во время которых остальные солдаты заправляли машины топливом и доливали воду в радиатор, пополняли запасы питьевой воды и продовольствия, мы снова ехали на юг. Наши авангарды уже захватили плацдармы на Луаре, переправились через нее во многих местах и устремились на Лион. Противнику больше не удавалось закрепиться так, как до этого мастерски делали англичане.

Между Луарой и Соной наша дивизия поехала дальше на юг. Ехать! Вперед! Днем и ночью. Главную тяжесть, несомненно, несли мы, водители, в раскаленных кабинах, под слепящим солнцем, в густой пыли проселочных дорог и ночной темноте.

После каждой таблетки первитина на нас накатывала «ездовая горячка»: ехать, ехать дальше, только не останавливаться! Мы даже не обращали внимания на атаки французской авиации, сбрасывавшей осветительные ракеты, превращавшие ночь в день, падающие бомбы и пулеметные очереди.

Каждый день наблюдалась все та же картина: французская боевая техника, брошенная на дорогах и площадях, сгоревшие танки с обугленными трупами, пушки с погибшими расчетами, свидетелями недавних напрасных для них боев. После одной из ночей наконец-то это случилось: действие возбуждающих средств прекратилось. Водители старших возрастов начали засыпать за рулем. На рассвете поступил приказ рассредоточить и замаскировать машины и спать. Поднявшееся солнце съело ночную прохладу, и под одеялом стало настолько неуютно, что о дальнейшем сне нельзя было и думать. Нервы оставались в напряжении и не могли расслабиться.

Тем временем кто-то нашел неподалеку ручей. Сразу же бросились к нему смывать грязь, налипшую со вре-



мени пребывания у пролива. Надели свежее белье, спрятанное в непредписанных местах автомобиля. Никто не сможет описать то приятное чувство, которое дает такое купание после многосуточной непрестанной езды по жаре, грязи и пыли. Только теперь могла идти речь об освежающем отдыхе, только теперь после обычного галетного завтрака мы могли спокойно поспать в тени деревьев. В момент, когда мы засыпали, кто-то принес нам известие о перемирии. Пока водители спали, остальные заправляли машины, проверяли уровень воды и масла, давление в шинах, мыли стекла, заботились о провизии.

Вечером, отдохнув, мы снова отправились в ночной марш. Это была последняя ночная поездка без света и применения наркотиков в ту кампанию.

На следующее утро мы находились северо-западнее Лиона. Там была первая большая остановка со времени начала этих бешеных гонок. Наши машины были расположены без особой маскировки в одной из деревень.

Слухи о начавшихся переговорах о перемирии подтвердились. По радио пришли сообщения: Франция запросила мира!

В Тараре нашему разведывательному батальону еще пришлось вести бой. Там наши последние убитые были преданы французской земле.

На первый план вышли чистка оружия, ремонт техники и вооружения, приведение в порядок себя и обмундирования. После мытья с мылом мы снова стали похожи на людей, если не считать обожженных солнцем и разъеденных пылью лиц.

На следующий день началось: «Немедленно построиться батальону, кто в чем есть!» Построились полукругом перед командиром полка штандартенфюрером (полковником) Берлингером. Он объявил об окончании Западной кампании. Это было записано в дневники



20 июля 1940 г. Крупнейшая континентальная держава Европы через шесть недель борьбы сложила оружие.

Снова подумалось о боях прошедших недель: Катильтон, Камбре, Аррас, Бетунь и кровавое форсирование Ле-Бассе-Канала, бои за плацдармы на Сене и Луаре... Непосредственно перед нами — крупнейший город Франции!

После тихой мысли о наших павших товарищах, мы выступили, большинство — преисполненные триумфа, некоторые — с пессимизмом. Но все были едины в одном — война скоро кончится, так как наши прежние победы на Востоке, Севере и Западе подействуют на Англию, и она прекратит состояние войны без капитуляции.

ОККУПАЦИОННЫЕ ВОЙСКА ВО ФРАНЦИИ

Три золотых дня покоя. Дни, когда распускались разные слухи. Что теперь? Эта кампания кончилась. Что будет дальше?

Слух первый: Возвращаемся обратно в Рейх! — из самого верного источника!

Слух второй: Едем в Ораниенбург! Для восполнения потерь (и снова для несения караульной службы?).

Слух третий: В Дахау! — самое неприятное место для переформирования нашей дивизии.

Слух четвертый: Все чепуха! Теперь от полкового посыльного мотоциклиста известно наверняка, что мы едем на те самые квартиры в Швабии, которые занимали перед дивизионными маневрами в Мюнзингене.

Вот прекрасно! Я уже вижу себя за накрытым столом в уютной кухне матушки Штольп в Лауфене на Некаре, передо мной горячий кофейник под войлочным колпаком...

Мальчишка, мальчишка! И хорошенькая Матильда в соседнем доме напротив. Быть может, Петерайт больше уже не вернется на эту квартиру? И мне теперь уже не шестнадцать, а семнадцать!

Наша дивизия двинулась на север. Машина за машиной, выдерживая положенную дистанцию.

Справа от нас тянулись длинные колонны пленных, тоже шедших на север. Какая теперь у них цель? Навер-



ное, уволят с военной службы в каком-нибудь лагере и отправят домой. Порядком разрушенной в некоторых местах стране требуются их руки для строительства.

Чем дальше мы продвигались на север, тем заметнее были следы боев. Здесь обороняющиеся еще оказывали сильное сопротивление, но все проиграли нашему новому способу ведения боевых действий, нашему вооружению и боевой технике, обеспечивающим скорость. А у французов осталось много вооружения времен Первой мировой войны.

Вообще-то нам надо было ехать восточнее. Такое впечатление было у меня. Такие знания я почерпнул из французского школьного атласа, найденного мной в придорожной канаве. И вот уже поступает объяснение «знатоков»: в Париже нас погрузят на железную дорогу и отправят в Штутгарт. Вечером солнце светило нам прямо в глаза, значит, мы ехали прямо на запад, и это было далеко южнее Парижа. И слишком хитрый полковой мотоциклист-посыльный появляется перед машинами: «Швабские девушки подождут! Новое сообщение! В Шербуре мы садимся на корабли и отправляемся в Норвегию!» Услышав от нас в ответ: «Полижи нам жопу, ты, слива!» — он со смехом помчался дальше.

У нас была короткая техническая остановка и привал для приема пищи. Потом колонны двинулись в ночь снова неизвестно куда. Узкие прорези в светомаскировочных щитках на фарах давали только узкий пучок света. Это действовало утомляюще после долгой поездки по жаре. И тем не менее так ехать было гораздо легче, чем совсем без света, ориентируясь только по белой тряпке, вывешенной на кузове впереди идущего грузовика, как это было несколько ночей подряд.

Утром мы приехали на местность, похожую на парк, и остановили машины. Счетчики километража показывали 648 километров, пройденных в колонне.



Монкутан стал на несколько дней промежуточной станцией, а затем машины батальонов потянулись дальше по дорогам, указанным для моторизованного марша. На этот раз было известно, что целью марша является атлантическое побережье на юге Франции.

По прекрасной погоде мы ехали по лучшим дорогам и уже не в том непереносимом режиме к испанской границе. В некоторых прекрасных городках мы останавливались на день, в других — на несколько. Дисциплина в войсках и по отношению к населению была безупречной и отмечалась соответствующими гражданами и бургомистрами, как нам говорили об этом на обычных вечерних построениях. Только один раз случилось происшествие. Во время остановки на отдых в одном дворцовом парке мы решили хозяйственным мылом постирать наши уже стоящие носки и кальсоны в мраморной ванне фонтана, что придало сероватую окраску среде обитания золотых рыбок. Хотя ни одна рыбка не сдохла, после жалобы владельца дворца батальонному командиру штурмбаннфюреру Фортенбахеру нам устроили разнос, начинавшийся словами: «Вы, варвары...» Но когда мы перед отправлением вычистили наше место привала до последней соломинки, нам простили предшествующий проступок.

Брока был временным конечным пунктом нашей поездки поперек Франции. Маленькое местечко находится в 20 километрах севернее большого города Мон-де-Марсан. Там расположился штаб полка.

Но уже через пару недель мы снова были на колесах. Всем обратно на север — охранять демаркационную линию. Штаб 1-го батальона, где я по-прежнему служил, с одной ротой занял деревушку Дорнеси, заброшенное местечко с неказистыми домами в горной местности в 30 километрах юго-западнее города Авалона.

Всякого рода проверки и инспекции расцвели здесь пышным цветом. Все, кто не нес службу непосредствен-



но на демаркационной линии между Мулином и Шалон-сюр-Сон, были охвачены проверками. Проверка оружия, проверка снаряжения, проверка обмундирования (при этом выяснилось, что галстук времен Первой мировой войны пережил свое второе рождение), и не забывать про вечерние внезапные проверки здоровья. Нам, водителям, предстояло пережить еще ужасную проверку автомобилей. Жаркими летними днями мы лежали под машинами, чистили каждый винтик зубной щеткой, натирали металлические части масляно-бензиновой смесью, отчасти для того, чтобы стереть старую смазку, отчасти для того, чтобы затереть грязь равномерным слоем масла. Но такие хитрости не помогали. Механик беспощадно их разоблачал, проводя по поверхности тонкой отверткой, и извлекал с ее помощью грязь на свет яркого французского солнца.

Когда я в сотый раз отрегулировал клапана моей машины и уже не знал, что бы мне еще можно было улучшить, я получил приятную задачу. Мне доверили почту батальона. Я должен был собирать ее, отвозить на полевой почтамт в Авалоне, забирать поступившую почту и распределять ее по ротам. Естественно, это представляло великолепную возможность держаться подальше от нелюбимой службы и вносило в жизнь разнообразие, так как я ежедневно ездил в город по хорошей горной дороге, любуясь видами Мон-дю-Морван.

19 августа я вез двух сослуживцев к зубному врачу и почту. Пытаясь на большой скорости уклониться от встречного автомобиля, ехавшего почему-то по середине дороги, я не справился с управлением, моя машина перевернулась несколько раз и ударилась о кирпичную стену. На удивление, я и мои пассажиры, которых при торможении вынесло через лобовое стекло, отделались легким сотрясением мозга и небольшими травмами. Машина была разбита вся всмятку. Потом, во



время расследования, нам удалось доказать офицерам полевой жандармерии, что мы ехали со скоростью не более 65 километров в час, хотя поверить в это было трудно. Я выписался из лазарета через неделю, мои пассажиры — через месяц.

В части мне выдали древнюю колымагу — трофейный «Ситроен». Когда я на нем появлялся на дороге под брэнчание облицовки, скрип рессор и астматическое сипение мотора, то вызывал насмешки и улыбки окружающих. Но это длилось недолго. Из Германии прибыло пополнение личным составом и техникой. Я получил «Опель-Блиц» 1940 года выпуска для перевозки личного состава. В ходе переформирования меня назначили в 4-ю роту (пулеметно-минометную). Кроме того, нас сменили на демаркационной линии и перевели в район южнее Бордо.

Хотя перевод по службе может показаться незначительным, он все же открыл новую главу в моей солдатской карьере.

Я попал в замечательную компанию: молодые жизнерадостные парни и бывалые резервисты, дополнявшие друг друга. Вместе их спланивал молодой командир роты гауптштурмфюрер Шрёдель. Старшина роты, образцово знавший всю внутреннюю службу, никогда не придирался к личному составу. И это делало службу радостной, потому что солдаты не испытывали «давления сверху». Я был рад тому, что окончательно прошла опасность, что меня снова назначат связистом.

Когда мы, проехав около 800 километров, оказались в Ажемо, маленьком городке, расположенном в 80 километрах от испанской границы, и вылезли из машин, мы впервые почувствовали себя обманутыми. Неужели мы здесь должны размещаться? Кроме зеленого луга, тут совершенно ничего не было! Даже какого-нибудь



малюсенького сарая. Значит, мы будем жить в палатках! Через час аккуратно разместившись по отделениям и взводам одна рядом с другой появились четырехместные палатки. Мы, водители, «прожженная компания», естественно, создали собственное объединение. Нашим непосредственным начальником был начальник автоколонны. Одной из первых мер было строительство уборных, которые мы, чтобы иметь крышу над головой, установили у стены хлева граничащей с лугом фермы.

Сразу после этого начали устанавливать места для умывания. К ним по шлангам подавалась вода. Мирно задымила полевая кухня. Рота построилась на поверку перед выровненными в ряд автомобилями. Мы сразу же начали строительство казарм в хорошо зарекомендовавшем себя «барачном» стиле. Этим занимались в основном резервисты, среди которых было немало профессиональных плотников. А мы, молодежь, тратили избыток сил на боевую и строевую подготовку или на физическую работу, помогая «старичкам» — тридцатилетним. К вечерней поверке мы уже казались немного заторможенными и освобожденными от избыточных сил.

Вместе с большинством других молодых солдат задним числом, с 1 июня 1940 года, я был произведен в роттенфюреры. Роттенфюрер Мельцер — в 17 лет стал, по-видимому, самым молодым обер-ефрейтором, носившим немецкий стальной шлем.

Местное население быстро привыкло к нам. Женщины и мужчины держались нейтрально, девушки — сдержанно. Мы же были оккупантами, разве можно было ожидать чего-то другого?

Трактирщики в старых переулках были неприветливы, зато вино было отменным. Хозяева вскоре оценили нас как хороших клиентов. Очевидно, за нашу платежеспособность, и не только при покупках вина. И еще за



наше безупречное поведение. Наличие индеек, омлетов, баранины, приготовленных на местной кухне, всегда давало нам повод что-нибудь отпраздновать.

Наши плотники быстро построили бараки и навесы для машин. Начались проверки.

К сожалению, в одно из воскресений произошел очень неприятный случай. Данцер, тот самый мотоциклист, первый за свои отчаянные поездки с донесениями под пушками английских танков получивший Железный крест 1-го класса, в пьяном состоянии ворвался в квартиру одной женщины и попытался ее изнасиловать. Высунувшись из окна, женщина закричала о помощи, ее услышал эсэсовский патруль и арестовал Данцера.

О происшествии последовал доклад в батальон, из батальона — в полк и в дивизию. Для Данцера все обернулось очень плохо. Ворвался в чужую квартиру, совершил попытку изнасилования в состоянии опьянения, подорвал честь войск СС... Это могло бы стоить ему головы, по крайней мере, изгнания с позором из войск СС с последующим заключением в концлагерь. Мы знали это, и Данцер — тоже.

В тот день, когда его должны были отправить на допрос в штаб дивизии, дежурный унтерфюрер обнаружил, что гауптвахта пуста, хотя только что Данцер был на месте.

Была поднята тревога. Пока целая рота осматривала бараки, мотоциклист в сером военном пуловере на мотоцикле DKW-500 без коляски промчался через КПП, выскочил на дорогу, ведущую на восток, и пропал. Данцер удрал на машине, которой владел лучше всего. За ним в погоню отправились Цигенфус, Мёллер, Друкентанер и Папенфус. Подняли всю дивизию. По всему району расположения расставили патрули. После того как мотоциклисты его заметили и пытались догнать на лесистой пересеченной местности, Данцеру удалось уйти



от их преследования и исчезнуть. Самого отчаянного мотоциклиста дивизии поймать не удалось.

Через несколько недель после побега Данцера к одному из постов на демаркационной линии примчался посыльный мотоциклист, по манере посыльных, с конвертом в зубах. Невдалеке от часового он убрал газ и взял конверт изо рта. Когда часовой уже протянул руку, чтобы взять пакет, предполагаемый посыльный дал полный газ и исчез за следующим поворотом на нейтральной полосе. Это был находившийся в розыске Данцер. Через несколько месяцев его поймали в Марселе и выдали немецким властям.

В Дахау после суда за все преступления, в том числе и дезертирство, он был лишен наград, с позором изгнан из войск СС и казнен.

В августе мы получили новые пулеметы MG-34. По сравнению с чешскими пулеметами у них было много преимуществ, но и недостатков тоже хватало. Сначала о преимуществах: подача патронов производилась не из магазина, а из ленты. Это позволяло без перезарядки делать сразу не 30, а 150 выстрелов. Но вскоре мы заметили, что он гораздо тяжелее и неудобнее привычного чешского пулемета.

Полевая почта работала великолепно. Регулярно на вечерней поверке раздавали письма. Наши резервисты с нетерпением ждали вестей от своих жен о том, выпал ли молочный зуб у старшенького или зарос ли родничок у младшенького.

Для нас, молодых, самой большой радостью дня было получать письма от девушек. Каждый, получивший письмо, забивался в тихий уголок, чтобы без помех можно было углубиться в чтение строк, выведенных любимой рукой. Они устраивались на ящиках с патронами, в кабине своей машины или на поваленном стволе сосны. Учи-



тель Макс Хайнеке, постоянно дававший нам уроки, толстый Енсен фон дер Ватеркант, в гражданской профессии хозяин транспортной конторы, его товарищ Герман Хебер из Швабии и его земляк Отто Арнольд, бывший крайсляйтер, пошедший в войска СС добровольцем и теперь служивший простым солдатом, Мик, он же Михель Друкентанер из Зальцкаммергута, мотоциклист-посыльный, его товарищ Зигфрид Папенфус из Ризенбурга в Западной Пруссии, которого всегда звали только «Буви», и «Циги», или Ханс Цигенфус, мотоциклист-посыльный с невзрачной фигурой, не сердившийся, если мы высказывали сомнения в его арийском происхождении из-за его кривых ног. Старшие и младшие образовали, дополняя друг друга, единую общность, несмотря на то что происходили из разных гау Германии: тут были и гамбуржцы и мюнхенцы, берлинцы и венцы, рейнландцы и австрийцы. Не было никаких границ между землячествами. Друг с другом мы разговаривали на нашем диалекте, так же, как и нахальные берлинцы на своем грубо звучащем рейнско-римском. Наряду с Хебером был еще Хеберле, чтобы подтвердить его подлинно швабское происхождение — они, естественно, как и все их земляки, говорили со швабским акцентом. Этот конгломерат возрастных групп, личных происхождений и землячеств, к которым применялись равные подходы, в результате способствовал боеспособности и неуязвимости наших войск. Во время жесткой дальнейшей подготовки, в которой применялся опыт, полученный во время кампании, предпочтение отдавалось занятиям в обстановке, максимально приближенной к боевой. После них обязательно обсуждались допущенные ошибки. Теперь большое внимание уделялось арьергардным боям, вести которые англичане были великие мастера.

Осенью мы покинули наши бараки в Ажемо, ставшие уже обжитыми и уютными, и моторизованным маршем направились через Сен-Север в Базас.



С тех пор рота для продолжения общего образования была размещена на побережье Бискайского залива, чтобы мы впредь знали, что воспевается в шлягерах. Биарриц пришелся бы нам по сердцу, если бы мы там оказались в мирное время. А когда мы были там, пляжи уже опустели, улицы обезлюдели, а многие места развлечений переключились на публику в серой полевой. Нельзя было нигде присесть так, чтобы через несколько минут к тебе на колени не уселась более или менее молодая девушка в короткой юбочке. И еще через пару минут совершенно невинного бойца, если он, конечно, слишком энергично не протестовал, утаскивали, раскладывали и разделявали.

В Базасе мы остановились в пустующем (или освобожденном для нас) монастыре: кельи, залы, галереи, очень много холодного камня и угрюмости. В кельи загрузили оружие и боеприпасы, залы были переоборудованы под спальные помещения. Мы настелили дощатые полы, поблизости от окон поставили печи, трубы которых вывели в окна. Из досок и реек смастерили кровати, стены облицевали деревянными панелями и всем помещениям дали единые названия.

Самым храбрым и заслуженным за кампанию на западе вручили Рыцарские кресты. Фюрер «Лейбштандарте СС Адольф Гитлер» Зепп Дитрих тоже был награжден. Напрасно дивизия ждала, что наградят ее командира, чем признают ее подвиги и жертвы. Ни для кого не было секретом, что причиной тому был Ле-Парадиз, убийство английских пленных. Также напрасно мы ждали, что за это убийство виновные будут преданы суду. Эта тема для нас была непонятной и закрытой.

Я сам часто задавался вопросом, мог ли я тогда что-нибудь сделать, чтобы предотвратить расстрел? Я никогда не забуду требовательные жесты солдат с семейными фотографиями в руках и их видимое отчаяние. Они навсегда остались тяжким грузом на моей душе.



Борьба — это одно, а убийство — это другое. Для меня, мальчишки, это было ключевое переживание особого рода. И оно еще на многое повлияет.

Тем временем меня назначили водителем батальонного врача доктора Эрзама, прозванного «доктор Граузам» («Свирепый»). На шестицилиндровом «Опель Супер-Сикс», нашей семейной машине с мягкой подвеской, или низком трофейном «Ситроене» я возил его по рассредоточенным ротам. Доктор Эрзам был настоящим великаном и вид его вызывал страх. Мощная голова, покрытая темными волосами, с длинными шрамами по щекам и подбородку, на бычьей шее сидела на широких плечах. Глухой бас голоса полностью соответствовал фигуре этого человека. При посещении лазарета он с удовольствием поднимал театральный шум и напускал на себя показную грубость, поэтому его и прозвали по созвучию с фамилией «Свирепый».

Моя авария в Авалоне вдруг получила продолжение. И неудивительно — два тяжело раненных, один легко раненный и машина «вмятку». «Доктор Граузам» рассказал мне, что спас меня от суда, подыскав соответствующее медицинское обоснование того, что я не справился с управлением.

В 15 часов я вошел в его кабинет.

— Ты, мешок, раздевайся! — Я разделся по пояс и ждал осмотра. Доктор Эрзам продолжал что-то прилежно писать.

— Ну, что там было с твоей аварией? Ты чего-то почувствовал, или что-то у тебя болело, или твоя возможность реакции была снижена? — И, пока я думал, что ответить, еще вопрос:

— Или было зрительное искажение видимых предметов?

И тут я понял!

— Так точно! Было какое-то смещение!



— Н-да, я в этом уверен! Только поэтому из сотни предметов ты пару упустил из виду!

Его познания были ошеломляющими.

— Одевайся, ты осмотрен. Но если ты думаешь, что высадишь меня таким же образом, как и двух твоих седоков с зубной болью, то уже сегодня можешь мыть себе грудь и готовиться к расстрелу... Кошачьим дерьмом! Ты меня понял, придурок мрачный?

— Так точно, гауптштурмфюрер! — Так я нашел себе покровителя. «Зрительные нарушения», может быть, из-за быстрого роста или что-то в этом роде...

Снова мы начали отрабатывать погрузку на корабли. За полчаса все соединение должно было быть готово к отплытию. После того как нам это стало удаваться даже при том, что при подаче сигнала мы еще были в глубоком сне, мы стали тренироваться в посадке на корабли, находящиеся на рейде. На баржу и с баржи!

Став теперь уже опытными пехотинцами, побывавшими в разных боевых условиях, мы заметили, что предпосылкой для выгрузки все же является наличие подходящих портовых сооружений, а их нам томми, конечно же, не предоставят. Поэтому высадка должна производиться на быстроходных лодках с низкой осадкой для того, чтобы расширить плацдармы, которые, наверное, должны захватывать парашютисты. Но пока мы еще обсуждали наши стратегические выводы, занятия по погрузке и высадке были постепенно прекращены. «Потому что англичане не дали разрешения на высадку», — пробурчал Цигенфус, владелец трех волосатых бородавок на подбородке.

Постепенно погода испортилась и на юге Франции. В начале зимы, ко всеобщему удивлению, выпал снег, что было необычно в этих широтах. Местные жители утверждали, что «его принесли с собой немцы».



Перед Рождеством мы начали готовиться к празднику. Ротная свинья, которую мы начали откармливать кухонными отбросами еще в Ажемо, весила 120 килограммов, и умельцы готовили ее к празднику. О вине можно было не беспокоиться, потому что в Бордо его было сколько угодно и самого лучшего качества. Ротной кассы на него должно было хватить. В «четвертой» каждый участвующий должен был внести в нее свою лепту в зависимости от занимаемой должности.

В еще пустом монастырском зале были ровно поставлены столы и накрыты белыми скатертями, взятыми напрокат из разных кафе. Там же поставили и украсили присланную из Германии елку.

Один унтершарфюрер, по гражданской профессии учитель музыки, с маленьким хором под аккомпанемент рояля (инструмент в монастыре достался нам неповрежденным) репетировал рождественскую песню «Глубокая ясная звездная ночь». Простой смысл ее строф, посвященный всем матерям этого мира, не мог нас не растрогать.

В рождественский вечер рота молча стояла у столов, когда вошел командир роты и другие офицеры. По его знаку я, все еще самый молодой в роте, зажег на елке белые свечи.

Рождественская речь гауптштурмфюрера Шрёделя была краткой и не содержала высокопарных слов. Он вспомнил погибших в боях товарищей и зачитал с краткими паузами их фамилии. И снова ожили воспоминания о майских и июньских днях боев под Катильоном и Камбре, под Аррасом и Бету, у Ла-Бассе-Канал, под Парадизом, Дюнкерком и Лионом. Примечательным в празднике было то, что вспомнили не только погибших, но и подумали о тихой печали матерей, которых до сих пор не упоминали. С последовавшей рождественской песней они стали главным пунктом нашего скромного праздника.



На Новый год тоже никого не отпустили в отпуск, хотя нам казалось, что обстановка спокойная. Хотя наши части, выставленные для охраны побережья, обстреливали из противотанковых пушек разведывательные торпедные катера противника, и при этом один потопили, других боевых действий не было. То и дело появлялись высоко над облаками разведывательные самолеты противника — в этом и заключались его основные действия.

Так мы и сидели в своих помещениях за более или менее крепкими напитками и праздновали Новый год.

Я все время перечитывал письмо от девушки, полученное мной как раз под Новый год. Я не только радовался словам, я наслаждался даже узнаваемым почерком руки Эрики. Еще к Рождеству пришло письмо с фотографией, которая теперь в аккуратной рамке стояла на маленькой импровизированной тумбочке. Как это всегда принято у солдат, каждая вновь появившаяся фотография девушки не остается без внимания. Дружная рота представляет собой одну большую семью.

Из-за выпитого хорошего вина наступает сентиментальное настроение, я рифмую пару строф и подшиваю маленький листочек к последним страницам нового карманного календаря 1941 года.

Чувствовал ли я тогда, как трудно придется в Новом году?

Из всех беспечных праздновавших со мной товарищей, окружавших меня, каждый третий не доживет до конца года.

СОЛНЦЕВОРОТ 1941 г.

Серым и угрюмым начинал 1941 год свой разбег. Насколько Франция может быть прекрасной летом, настолько отвратительной зимой. День шел за днем, ничего особенного не происходило. Только когда я на свое восемнадцатилетие пригласил несколько товарищей на индейку и выпивку, это внесло какое-то разнообразие в наши будни. Так прошел ледяной месяц, а в феврале уже весна показала свое нежное начало.

В результате монотонной службы и свободного времени в каменных помещениях монастыря начали распространяться всякие слухи. Они подкреплялись из канцелярии, потом изменялись, опровергались и заново распространялись. Нам снова предстояло идти на Англию — отмена занятий по посадке и высадке предназначалась только для сокрытия намерений. Нет, не Англия (у нас камень спал с души!). Отправляемся в Норвегию. В северные льды! Это что-то новенькое! Что касается мест нашего назначения, то они менялись в этих слухах с удивительной быстротой.

В начале мая, наконец, действительно пробил час. Мы с радостью покинули монастырь и отправились по шоссе на север. В районе Бордо мы погрузились на товарный поезд и отправились в направлении дома.



Это была прекрасная весенняя поездка. Наш серый зимний монастырь мы вскоре позабыли. Пока наш поезд, уставленный автомобилями и вооружением, ехал по территории Франции, мы неоднократно пересекали рубежи, на которых воевали год назад. За нами остались могилы наших павших товарищей.

Германия! И здесь зеленые луга и долины, покрытые свежей листвой виноградушки, работники на полях, женщины и девушки нам приветливо махали руками.

Некоторые товарищи проезжали мимо своих родных мест, не имея возможности оставить поезд на остановках. Если бы они заранее могли предупредить об этом своих родных и близких! Но задача секретна и никто о маршруте и месте назначения не объявлял. От станции до станции наш воинский эшелон двигался дальше.

Тюрингия, Саксония — мы ехали все дальше на восток. Уже появились новые слухи: Россия разрешила проехать нам по своей территории для охраны Бакинских нефтепромыслов. Слух этот держался крепко. Когда утром мы проснулись в кабинах наших машин, то мы ехали уже по Западной Пруссии, по прекрасной озерной области. Последние километры мы преодолели на своих машинах и наконец остановились в маленькой деревне. Я с Бффом, Миком и Буви разместился на квартире у доброжелательных крестьян. Кривоножка тоже присоединился к нам, и наша французская компания, таким образом, была в полном составе. «Бордо» мы привезли с собой в огромных количествах, и тут началась оживленная меновая торговля — меняли вино на гусей. Из окрестных озер мы сами ловили рыбу. Рай, да и только!

В эту местность постоянно прибывали новые, вооруженные по штату военного времени части. Две великолепных поездки в Кёнигсберг и Мариенбург увенчали наше пребывание в Пруссии. От Мариенбурга было совсем недалеко до Ризенбурга, родного города Буви. Но



не было никакой возможности отлучиться из части. Мы сочувствовали ему, потому что там жили не только его родители, но и девушка модельной внешности по соседству. Он даже не мог сообщить о месте своего нахождения, чтобы они могли приехать к нему! Черт возьми, это уже полный идиотизм!

Через несколько недель мы отправились дальше на восток, на самую литовскую границу. Нашу роту разместили на большом конном заводе. Остальной батальон расположился в окрестностях по конюшням и хуторам. Опять появился новый слух: Советский Союз на 25 лет уступит Германскому Рейху Украину для сельскохозяйственных потребностей. Взамен Германия поможет Советскому Союзу в развитии промышленности. А мы в этом будем участвовать в качестве войск для обеспечения порядка. Мы просто ухватились за этот слух, и любой признак использовали для его подтверждения.

Наступили жаркие деньки июня 1941 года. Никакой особой служебной деятельности не было. Никто не должен был покидать расположения роты. Автомобили были полностью загружены и подготовлены к маршу. Все, что не относилось напрямую к полевому снаряжению, было погружено на отдельный грузовик. Кроме карабинов и пулеметов, каждый должен был иметь при себе штык, лопату, противогаз и штурмовое снаряжение. Последнее особенно сильно нас тревожило и постепенно заставляло сомневаться в правдивости слуха.

Для чего нам для выполнения задач по охране порядка тяжелые минометы, тяжелые полевые гаубицы, машины ВВС, подход которых мы наблюдали? Война с Советским Союзом исключена, у нас же с ним заключен договор о ненападении! Но куда же нас тогда отправят воевать? Значит, все же задачи по охране бакинских нефтепромыслов? Война против России в любом случае исключена, она же простирается аж до самого Берингова моря!



На конном заводе жизнь шла по-прежнему. Кобылы с жеребьятами паслись на выгонах, чистокровные тракенские жеребцы крыли породистых лошадей, производя новую жизнь.

От дневной жары и изрядно выпитого бордоского вина повалившись вечером на солому, мы тут же засыпали. Мик, Буви и Бфифф еще нерешительно продолжали сидеть на своих стальных шлемах. Рядом сидели товарищи и пели под аккордеон. Через широко открытые раздвижные ворота нам было видно светлое ночное июньское небо. Мы на вершине лета, скоро дни снова станут короче, а ночи станут прибывать, чтобы после созревания и сбора урожая снова усыпить природу к зиме.

К поющим присоединились работники имения. Шума и веселья прибавилось. Когда пара тирольцев начала плясать чечетку, мы тоже присоединились к развеселившемуся народу.

Вдруг хлопки в ладоши были прерваны резким свистком. Что бы это значило в столь поздний час?

Вокруг было тихо. Пугающе тихо. Мы почувствовали, что сейчас что-то произойдет. Сейчас все прояснится. Теперь будет принято решение: мир или война на этой стороне Германии. Смерть или жизнь для многих — для большинства из нас.

Дежурный унтерфюрер потребовал от работников имения покинуть расположение роты. В наступившей тишине раздался голос унтершарфюрера:

— В 22 часа, то есть через десять минут, общее построение батальона для зачитания приказа фюрера на просеке за задней стеной имения. 4-й роте строиться немедленно!

Те, кто расположился уже для сна, с руганью стягивали с себя спортивные костюмы и переодевались в серую полевую. На бегу застегивали поясные ремни и надевали головные уборы.



В 22 часа батальон открытым каре стоял перед своим командиром. К тому времени уже стемнело. На проселочной дороге остановилась машина — это приехал командир полка. Командир батальона доложил ему, последовали краткие приветствия офицеров. В синем освещении замелькали белые листы бумаги.

— Первый батальон! Товарищи! Моя задача — довести до вас приказ фюрера! — Последовала пауза, напряжение нарастало, кровь стучала в ушах.

«Приказ фюрера от 21 июня 1941 года.

Солдаты Восточного фронта!

Подавленный тяжелыми заботами, обреченный на многомесячное молчание, я решил, что пришел час, когда я с вами, мои солдаты, могу говорить открыто. На нашей границе стоят 160 русских дивизий. В течение многих недель постоянно происходят нарушения этой границы, не только у нас, но и на Крайнем Севере, и в Румынии. Уже русские дозоры выдвинулись на немецкую территорию, и их удалось отбросить назад только после длительного боя.

В этот момент, солдаты Восточного фронта, осуществляется развертывание, крупнейшее по своему размаху и охвату, из тех, что когда-либо видел мир. В союзе с финскими дивизиями стоят наши товарищи с победителями Нарвика на Северном Ледовитом океане.

На Восточном фронте стоите вы. В Румынии на берегах Прута до его впадения в Черное море объединились немецкие и румынские солдаты под командованием руководителя государства Антонеску. Если этот крупнейший фронт мировой истории выступит теперь, то это произойдет не только для того, чтобы создать предпосылки для окончательного завершения крупнейшей войны вообще или для защиты стран от угрозы, возникшей в данный момент, но и чтобы спасти всю европейскую культуру и цивилизацию.



Немецкие солдаты! Тем самым вы вступаете в жестокую и ответственную борьбу. Так как судьба Европы, будущее Германского Рейха, существование нашего народа находятся отныне только в ваших руках.

Да поможет нам всем в этой борьбе Господь Бог!

Адольф Гитлер».

«Солдаты Восточного фронта!» Солдаты Восточного фронта. Это война с Советским Союзом! Приказ фюрера звучал в моих ушах: 160 дивизий Красной Армии у немецкой границы! Большевистская опасность, которую следует устранить раз и навсегда! Вся судьба нашего народа и всей Европы только в наших руках!

Ни радости, ни воодушевления, ни радостного предвкушения борьбы. Только возмущение коварством русских, которые пытаются использовать нашу борьбу с Англией, чтобы напасть на нас с тыла. Мы думали, что другого решения не существовало, кроме как идти в наступление, пока превосходство врага не стало еще больше и всякая борьба с ним полностью не потеряет смысл. Еще была надежда, молниеносными ударами удержать в рамках этого колосса, объединяющего Европу и Азию.

Батальон в ночной темноте летнего солнцестояния 1941 года двинулся торжественным маршем. От головной роты донеслась песня, которую мы подхватили с чистым сердцем: «...и пока урожай на полях не созреет, мы их защитим от врага».

Когда мы вернулись в расположение, была объявлена готовность к выступлению. О ночном отдыхе нельзя было и думать: все кинулись лихорадочно упаковывать свои вещи, некоторые поспешно писали домой последние письма с немецкой территории. Выдавались остатки маркитантских товаров — вайнбранд, сигареты, шоколад. Распределялся «неприкосновенный запас»,



«девственно неприкосновенный», как точно комментировал Цигенфус. Эти маленькие банки свиной тушенки путешествовали в сухарной сумке, плитки шоколада, вопреки наставлениям, — в защитной накидке, а сигареты могли оставаться сухими только в противогазной коробке — всё уже опробовано. Проверяют кожаный ремешок, на котором висит на шее личный номер, «чтобы и сто лет спустя знали, чьи это кости», и солдатскую книжку, «так как Господь Бог так любит СС!», как говорит Кривоножка. В последнюю очередь надеваем маскировочные чехлы на каски и одеваемся в маскировочные куртки. Нервно перепроверяем, как сидит штурмовое снаряжение. Все оно висит на плечевых ремнях. Как для водителя вездехода «Адлер» эта штука мне не требовалась. Вечно мешающий, давно устаревший штык навсегда исчез в коробке для инструментов.

Я присоединился к моим товарищам, посыльным мотоциклистам. Пустили по кругу бутылку «трехзвездочного». Задымили сигареты, и в животе у нас было одинаковое беспокойное чувство. Запели песню о матросе, который «сразу за Австралией» выблевал свою душу в море. Теперь бы только не грустить!

В углу сидел Мёллер в сдвинутой на затылок каске. Его руки машинально вытягивали одну за другой длинные соломинки из матраса.

— Эх, парень, парень, из этого дерьма домой нам уже не вернуться!

— Брось каркать! Тебя положат в братскую могилу сверху, если будешь настолько любезен и сейчас же заткнешься!

Каждый по-своему готовился к неведомому.

В 3.15 артиллерия из тысяч стволов нанесла удар по русским позициям по всей ширине фронта. Загорелись леса, вспыхнули нефтехранилища. В свете этого пламе-



ни волны бомбардировщиков в сопровождении истребителей потянулись в глубину территории противника. Танковые соединения уже в первые часы глубоко прорвались в оборону противника.

Мы с нетерпением ждали нашего часа. Для солдата нет ничего хуже, чем выносить дни или часы перед предстоящим наступлением. Ведь только в ходе него проходят страх и нервозность. Наконец пришел приказ: «К машинам!» Короткое бесшумное движение. Мы готовы.

«По машинам!»

«Заводи!» Сотня моторов батальона загудела в теплой ночи, прогреваясь на холостом ходу.

«Марш!» В свете фар, закрытых светомаскировочными приспособлениями, колонна пришла в движение.

Заключительные слова в приказе фюрера: «Да поможет нам всем в этой борьбе Господь Бог!»

И только для меня одного: «Господи, не оставь меня!»

Мы поняли, что не все так серьезно. Слишком далеко и слишком быстро ушли наши танковые соединения вперед. От такой мощной группировки противника мы ожидали большего сопротивления. До сильно укрепленной линии Сталина еще сотни километров. Тогда, наверное, придется действительно трудно.

После длившегося несколько дней моторизованного марша мы переправились через Двину. Над нашей двигавшейся колонной постоянно висело густое облако пыли. Несмотря на защитные очки, у многих воспалились глаза, что мешало следить за дорогой. Приборы ночного освещения теперь снова были погашены, ночью мы ехали совершенно без света. Только не как во Франции по хорошим дорогам с твердым покрытием, а по глубокому слою пыли. В темноте и пыли дороги совершенно нельзя было различить. Я ориентировался по



верху. Если вдоль «дороги» стояли деревья, то на фоне более светлого неба я мог разглядеть их кроны. Между ними находилась дорога. Метр влево — метр вправо — не играло никакой роли. Встречного движения не было. Офицер справа от меня взял на себя задачу наблюдать, чтобы предотвратить столкновение с впереди идущей машиной.

На этот раз таблеток первитина не давали. И несмотря на это, мы должны были двигаться за нашими танковыми частями до того момента, пока не окажемся в авангарде. Во время необходимых остановок мы на машинах съезжали в придорожный лес и маскировали их от воздушной разведки противника. Уважение к русским ВВС было очень велико, так как нам говорили, что численно они превосходят нас в несколько раз.

Едва мы хотели продолжить марш, как пришло сообщение о приближении крупного соединения русских бомбардировщиков. Мотоциклист, доставивший это сообщение, одновременно передал приказ, что в случае атаки бомбардировщиков марш не должен останавливаться ни в коем случае.

Когда появилось около 30 двухмоторных бомбардировщиков, они атаковали нас в поперечном направлении к нашему движению. Все бомбы попадали в болотистые луга справа от дороги. Никаких потерь у нас не было. Если бомбардировщики противника всегда будут так атаковать, то немецким истребителям и появляться не надо. Пока мы думали о том, не перестать ли нам уважать вражеские ВВС, эскадрилья «мессершмиттов» атаковала улетающее соединение и подбила почти все бомбардировщики. Превосходство нашей авиации было подавляющим. Дымящийся самолет, на малой высоте, медленно снижаясь, летел прямо на нас. Мы видели остановившиеся пропеллеры, и то, как экипаж выбрался из кабины и лег на плоскости, держась за их пе-



реднюю кромку. Парашютов у них не было. Самолет тихо и медленно планировал на ольшаник в стороне от дороги рядом с нами.

По глубокой пыли ухабистой дороги змея нашей колонны продолжала ползти дальше на северо-восток: болото, песок, сосновые леса, луга, березняки, ольшаники, редкие низенькие домишки с маленькими садиками.

Потом — первый русский солдат: он лежал на спине поперек проезжей дороги. Казалось, что его глаза уставились в небо. Рядом с его телом — маленькая лужица запекшейся крови. Небольшое тело окоченело в льняной форме оливкового цвета, торчащие из рукавов грязные руки вцепились в землю. Глубокие колеи прочертили полукруг вокруг его тела. Бесконечно просторная одинокая страна и одинокий мертвый — потрясающая картина для того, кто был способен это видеть.

В БОЛОТАХ И ЛЬДАХ ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Через броды и наскоро наведенные мосты в последующие дни дивизия преодолевала ручьи и реки перед старой русской границей. Мы приближались к Себежу, то есть линии Сталина. В связи с этим у нас возникали в памяти воспоминания о линии Мажино или о «Западном вале».

Мы встретили саперов, действовавших под Даугавпилсом. Один фельдфебель рассказал нам об остановленном товарном поезде, запертые «скотовозы» которого были набиты битком мертвецами всех возрастов. Тот, кто не был расстрелян, просто задохнулся в этой давке.

Этот рассказ, быстро распространившийся по войскам, внес новый элемент в нашу борьбу с русскими.

Шестого июля мы вышли к ужасавшей нас линии Сталина. Эта была линия долговременных огневых точек, протянувшаяся через луга, поля и леса в несколько эшелонов. Тут мы показали, на что способны хорошо подготовленные, полные молодых сил солдаты.

Обозные грузовики спрятались под покровом густых лесов. Рядом с наступающими войсками остались только боевые машины.



Разведывательные дозоры вскоре наткнулись на русское боевое охранение, едва приблизившись к оборонительным сооружениям. Позиции боевого охранения были мастерски замаскированы. Мы понесли первые потери от замаскированных на деревьях снайперов.

Из тыловых районов ударила русская тяжелая артиллерия. Снаряды ложились далеко позади, приблизительно там, где размещался наш обоз.

Позиции боевого охранения противника были вскоре преодолены. Показания пленных помогли нам выяснить положение хорошо замаскированной линии укреплений. Расчеты тяжелых пулеметов и минометов моей роты были приданы другим ротам батальона для усиления. Оставшись один в машине, я поехал на моем «Адлере» в укрытие в лощину, а потом с опушки леса наблюдал за боем. Я чувствовал себя снова оказавшимся на полигоне в Мюнзингене. С высот пулеметы вели точный огонь по амбразурам дотов, а минометы своим огнем перед амбразурами «ослепляли» их гарнизоны, позволяя саперам и пехоте преодолеть находящиеся перед ними заграждения из колючей проволоки и приблизиться к дотам.

Я видел, как на удобное для стрельбы по укреплениям расстояние подъезжали трехосные тягачи с 37-мм противотанковыми и легкими 75-мм пехотными орудиями на прицепе, как из них выпрыгивали расчеты, наводили орудия и вели огонь по тем дотам, которые не могла взять пехота. Однако ожесточенный огонь противника с незаметных позиций наносил чувствительные потери умелым канонирам. Один из водителей трехосных тягачей пехотных орудий направил свою машину в укрытие в лощину, где укрывался и я. По его диалекту я определил в нем уроженца Верхней Австрии. Он был из Зальцкаммергута, недалеко от родины Мика. Мик выпи-



сывал фигуры на своем мотоцикле с коляской где-то на равнинных просторах, подвозя боеприпасы для пулеметов и эвакуируя раненых на перевязочные пункты.

Посыльный мотоциклист привез приказ гауптштурмфюрера Шрёделя: «Как только оборона на линии дотов будет подавлена, полностью загрузить машину боеприпасами для миномета, посадить два минометных расчета и проехать за первую линию обороны противника».

«Прекрасно! Загрузить полный кузов фугасных мин, и проехать между еще ведущими огонь дотами! Это способствует прекрасному вознесению на облака! Но сначала пара глотков «боевого духа» из «трехзвездочной»!

Когда я выехал из лощины, передо мной пару раз грохнуло. Но я уже ехал вдали от какого-либо укрытия. Значит, вперед! Под высокими соснами я загрузился боеприпасами: тридцать оцинкованных коробок с тремя 81-мм минами в каждом доверху наполнили мой автомобиль. Мне надо было еще выяснить, где мне посадить два минометных расчета. Вот бы еще машина это выдержала! Минометное отделение должно было сесть где-то в глубокой лощине на первом рубеже у самой линии дотов, которые якобы уже подавили. Прекрасно, прямо как в кино! Еще глоток «трехзвездочного»... Боже мой! Я же герой!

Когда я подъехал к означенной лощине, по ней уже пару раз ударила русская артиллерия и причинила потери. Я, проклиная все, понял, что я сюда на своих плечах наверняка притащил еще артиллерийского огня!

Раненые остались позади, а десять (!) человек с двумя минометами погрузились на мою машину, и мы рванули! Я почти не видел узкой лесной дороги, настолько плотно вокруг меня сидели солдаты. Огонь пехоты противника вреда нам не причинял. На сильно перегруженном автомобиле мы, не сломав мостов, проехали между дымящимися и еще местами ведущими огонь дотами.



Вот и приехали! Рядом с тропинкой в сосновом лесу — убогая землянка, из всех дыр которой несся ураганный огонь. Быстро задний ход до первого поворота.

Мгновенно возникает план: один миномет занимает позицию и кладет мины прямо перед амбразурой этого дзота. После этого я подъезжаю как можно ближе к зоне досягаемости его огня. После разрыва шестой мины мы на полном ходу (с чертовой матерью!) под прикрытием миномета проезжаем находящийся под обстрелом участок дороги. Это должно получиться, если, конечно, иваны не предпримут чего-нибудь, мешающего нашему маневру.

Наряду с великолепной маскировкой доты на линии Сталина часто имели неприятную возможность вести огонь не только с фронта, но и с тыла. Если это мы и не приняли в расчет, то из невидимого холмика под корнями деревьев ударила очередь как раз в тот момент, когда нам казалось, что линия обороны уже преодолена. Она ударила по короткому участку дороги, прикрытому со всех сторон стволами деревьев, но тогда можно сказать, что мы уже были в безопасности.

Как только люди из двух минометных расчетов снова уселись рядом со мной, мы рванули дальше. Связь с нашей ротой я уже давно потерял. Она уже должна была быть где-то впереди, потому что мы — войска моторизованные, а противника перед нами нет. Значит, полный газ, и за ним!

Укреплений не видно. Значит, мы уже их проехали? В соответствии с полученным приказом, я снова выехал на автомобильную дорогу и в сотне метрах от деревни высадил оба расчета, не без желания пополнить запасы боеприпасов за счет нового подвоза. Пока мы обсуждали, где мне выгрузить имеющийся запас в безопасном месте, по занявшим огневые позиции минометам открыла огонь противотанковая или полевая пушка. Ее ог-



невой налет стоил нам троих раненых. Наскоро перевязанных, их посадили ко мне в машину, чтобы я сразу отвез их на перевязочный пункт. Стоны раненых способствовали тому, чтобы я ехал как можно быстрее. Я выжимал из машины все, что было можно. Вероятно, что мы все еще были целью для невидимого противника. Назад я ехал той же дорогой. Но после изгиба дороги, идущей в горку, я заметил 37-мм противотанковую пушку на огневой позиции. Ее командир сидел за ее щитом на корточках, ствол был направлен на нас. Только когда он привстал, показав тем самым, что узнал нас, опасность была позади. На его удивленное:

— Откуда вы взялись здесь, дети человечьи?

Я гордо ответил:

— С передовой, унтершарфюрер! — Я сообщил ему, где позиции наших минометов и об обстреле из полевых или танковых пушек.

Кто-то из нас был неправильно сориентирован. Или он, как передовое охранение, стоит слишком близко к своим, или я ошибся, введенный в заблуждение имеющимися следами от машин и не по той дороге уехал слишком далеко вперед.

Продолжая свой путь с ранеными, я снова выехал на линию дотов. К нашему удивлению, некоторые из захваченных уже в ходе штурма сооружений были вновь заняты противником. Я дал полный газ, и мы проскочили их не слишком просторные секторы обстрела, не получив ни одной пробоины. Только когда саперы снова штурмовали доты и подорвали их, я смог на моей машине, доверху нагруженной боеприпасами к миномету, снова двинуться в путь.

Наступила ночь, и шум боя в темноте усилился. Поднявшийся ветер доносил до нас вонь чадящих глинобитных хижин и горящих полей. Где-то горели леса, и пламя отражалось темно-красными всполохами от облаков.



У дороги горели, дымя густым черным дымом, машины и танки. Начал моросить дождь. Впервые мы почувствовали этот типичный запах войны в России — смесь запаха гари мокрых соломенных крыш, горящего леса и горящего раскаленного железа танков.

В ходе дальнейшего наступления на огромных лесных просторах, перемежающихся небольшими полями, часто приходилось вести ожесточенные ночные бои. Я на своем «Адлере», окончательно откомандированный для выполнения специальных задач, был привязан к дорогам и не мог миновать очаги сопротивления, так как, кроме и без того труднопроходимого «шоссе», других путей не было, а вокруг него во все стороны простиралось болото. Стоило только в него попасть, и без гусеничного тягача было из него не выбраться.

Наши спешившиеся роты получили задачу продвигаться вперед, а борьбу с оставшимися очагами сопротивления противника предоставить следующим сзади войскам. Но на практике получалось так, что перед обороняющимися населенными пунктами создавались зазоры техники. Объезд по лесу или болоту был исключен. Если кто на это решался, то садился на своей машине по самые оси в вонючую болотную жижу.

«Дерьмо проклятое! Может быть, нам нужно уничтожать очаги сопротивления?» Если только одна из машин ломалась, то она сразу преграждала узкий путь другим через болото.

Когда русские трассирующие пули веерами неслись над нашими головами, офицер нашего дивизиона пехотных орудий пробрался вперед, чтобы выяснить обстановку. У него была задача выдвинуться со своими 150-мм орудиями, чтобы участвовать в бою под Опочкой. Мы поднялись с ним на ближайший холм и показали на давно выявленные русские полевые укрепления, откуда велся пулеметный огонь.



— Сейчас мы это легко устроим, — сказал он спокойно, — мальчики, вы со своими непригодными к местности машинами должны съехать в болото. Потом вас оттуда достанут, когда папочка выгонит с насиженного места злых иванов!

Его мотоциклист помчался вдоль колонны назад, указывая машинам съехать с дороги, и вскоре вернулся с двумя тяжелыми пехотными орудиями. Тягачи быстро выехали на просеку, где был более или менее твердый грунт, а потом сразу же возвратились на дорогу. Плышались короткие команды. Готовые к бою орудия, предназначенные для ведения огня по крутой траектории, подняли свои стволы в ночное небо. Быстро протянули кабель к холму, где расположился наблюдатель. Уже через несколько минут после прибытия офицера СС первый 150-мм снаряд отправился к противнику. Мы с напряжением ждали разрыва. «Бум!» Снаряд лег за целью. *Корректировка. «Огонь!»*

Когда на востоке забрезжил рассвет, последние огневые точки противника были уничтожены точными попаданиями из тяжелых пехотных орудий. После того как ни одна из пулеметных точек противника вести огонь уже не могла, два гусеничных тягача снова вытащили на проезжую дорогу машины, съехавшие в болото. Еще до того, как полностью рассвело, мы покинули эту негостеприимную местность. Теперь все было как в мирное время, и мы в свете начинающегося дня мчались на север.

Снова мы могли хоть немного уделить внимание окружающему ландшафту. До горизонта тянулись поля ржи, их сменяли леса и болота. Кое-где попадалась уже высокая кукуруза, росшая почти у самой дороги. Маленькие приветливые озера, окаймленные березовыми рощами, приглашали освежиться. Мы быстро срывали с



себя обмундирование и бросались в теплую темную воду, чтобы смыть накопившиеся пыль и пот.

Как раз в тот момент, когда я голый вылезал из воды, чтобы снова приступить к своим обязанностям, подъехал Кривоножка, любимый мотоциклист-посыльный нашего ротного, тарахтя своим «дикообразом», 350-м «Триумфом».

— Приятно ли, господин барон, провели ночь? Что пожелаете после приема ванны? Быть может, английский завтрак со скромным прусским кофейным суррогатом?

Понаблюдав немного за купающимися, он вылез из своего прорезиненного плаща, так как солнце уже хорошо припекало.

— Несчастный, ты мирно подремал ночь на мягком мху, в то время как остальная наша славная дивизия истекала кровью из-за того, что ты не подвез боеприпасы к пукалкам! У меня почетная задача снова сопроводить тебя к нашей компании, чтобы ребеночек не заблудился в лесу!

Говоря это, он разделся до кальсон, ни на секунду не снимая стального шлема. Перед отъездом во Францию гадалка нагадала ему, что в будущем ему надо особенно беспокоиться за голову. Если наш Циги и так уже сам по себе был комичным, то его появление в кальсонах и каске вызвало бурю смеха. Прихватив под мышку газету «Фёлькишер беобахтер», он оглядел окрестности и пошел в тень дуба, объявив во всеуслышание, что роттенфюрер Цигенфус желает отложить утреннее яйцо. Вскоре из листвы торчала только его довольная рожа.

Вдруг в воздухе загудело и грохнуло. Во все стороны полетели щепки и сучки от дуба Цигенфуса. От звука подлетающего снаряда мы моментально бросились на землю. А Цигенфус сел прямо в конечный продукт своего обмена веществ. На другой стороне маленького озе-



ра мы увидели, как упряжка коней поспешно увозит за холм легкое пехотное оружие.

Чтобы обезопасить себя, мы спрятались за холмиком, где нас не могли достать снаряды крупновской пушки, сделанной для русских. Циги оглядывал себя с сожалением. Стальной шлем печально висел на затылке.

— Роттенфюрер Цигенфус, выйти из боя! — с издевкой заметил я. — Мик и Буви больше с тобой и разговаривать не станут, если узнают об этом.

Он кивнул, печально соглашаясь со своей неудачей.

Себеж и Дубровка остались далеко позади. Наш удар был направлен вдоль Великой на север.

В один из дней мы выехали на перекресток сильно разбитого шоссе. Перекресток находился под своеобразным артиллерийским обстрелом. Точно каждые две минуты со свистом прилетал тяжелый «чемодан» и разрывался рядом с перекрестком. За это время через него одна из машин могла между воронок проделать путь вперед. То есть полминуты на то, чтобы подъехать, одна минута, чтобы проехать, и полминуты, чтобы уехать. Все остальное — была игра в «русскую рулетку», это доказывали горящие и разорванные в клочья машины на перекрестке. Слава богу, что русские канониры не изменяли свой план ведения огня. Вот уже несколько часов каждые две минуты тяжелый снаряд бил в старые воронки. Цигенфус проехал уже через перекресток два раза.

Я все ближе подъезжал к перекрестку. Передо мной только три машины. Еще шесть минут до смерти? Я стал искать возможность объехать этот перекресток. Нечего не получится! Болотистый луг и поваленные деревья не давали съехать на другую дорогу.

Еще четыре минуты. Если бы снаряды, приносящиеся с завыванием сюда, не были такими тяжелыми! Машина



впереди меня поехала. Нужно ли мне сесть ей на хвост? Я сразу отказался от этой мысли. Если мы помешаем друг другу, то это приведет к гибели нас обоих. Я подчеркнуто хладнокровно дрожащими пальцами сую в рот сигарету «Юно», хотя у меня самого «задница уже ушла в землю». И вот время пришло, путь свободен, газу и вперед!

На полном газу и пониженной передаче я терзал машину, проводя ее по пустынной дороге, несколько раз на кромках воронок погружаясь в грязь по самые оси. Еще до места падения снарядов вдруг глохнет мотор. Запуск! Не заводится! Запуск, запуск! Я проклинаю всех святых и пытаюсь завести мотор снова и снова. Две минуты истекают! Тут подъезжает Циги на своем «Триумфе». Я прыгаю на заднее сиденье, и мы удираем.

«Бабах!» — метрах в пятидесяти перед моим «Адлером» взлетают ошметки земли и дорожного покрытия. Дорога блокирована моей машиной. Кажется, в задней части под машиной оборвался бензопровод. Я его как-то уже ремонтировал на скорую руку куском пластиковой трубки. Сразу после следующего удара я снова прыгаю на мотоцикл Цигенфуса. Быстрее к машине! Сую голову и руки под кузов. Из разорванного бензопровода тонкой струйкой стекает бензин. Дрожащими руками мне удастся снова его соединить. Прыгаю в кабину. Заводись, заводись, заводись! Мотор заурчал, Циги, назад! Уйди с дороги!

И вот я выезжаю на перекресток! Хватит ли времени? Или я снова застряну посреди воронок? Колеса буксуют. Машина медленно движется вперед мимо свежих воронок. Времени хватит? Времени хватит? Господи всемогущий!..

Пока я проехал «на ту сторону», весь взмок. Только теперь я заметил, что ветровое стекло разбито осколками снарядов, машина полна грязи, а рука, порезанная осколками стекла, — вся в крови.



После следующего удара снаряда ко мне опять подскочил Кривоножка. Сколько же раз он сегодня проскакивал через этот проклятый перекресток? Вместе мы допиваем остатки «трехзвездочного».

Только сейчас я подумал о минометных боеприпасах в моей машине. Попал бы снаряд рядом — и я сразу бы вознесся на небо!

Перед Опочкой мы догнали роту. Я получил разнос от гауптштурмфюрера Шрёделя и сразу же со своим грузом был отправлен на позиции минометов.

На своей машине я выполнял «особые задачи»! Через горящую Опочку в контратаку пошли вражеские танки. Немедленно на передовой потребовались противотанковые снаряды! Между крышами, обрушающимися в языках пламени, я искал указанную дорогу вперед. Огонь, дым, крики раненых, крики команд, гром со всех сторон. Теперь куда? Где наши, а где иваны? Только бы не уехать к ним! После линии Сталина я стал внимательнее.

— Где пушка? — крикнул я ковыляющему в тыл раненому. Он показал куда-то на кучи соломы с крыш и деревянных обломков. Я наткнулся на разорванные тела в лужах крови, в тот же момент все закрыли густые клубы дыма. Кто-то полз на четвереньках по кровавому месиву, по телам своих товарищей, пока и сам не упал в эту кучу. Пушка казалась целой. Я сбросил с машины ящики с бронебойными снарядами, затащил того, упавшего, на заднее сиденье, остальные номера расчета были мертвы. А потом — по газам, пока не достали из вражеского танка. Все новых и новых раненых выносят к сельской улице. Неспособных идти я усаживаю на сиденья, те, кто могут держаться, устраиваются на капоте и багажнике, кто еще может стоять — на подножках. Говорят о сильной контратаке противника. Против русских танков наши 37-мм противотанковые пушки совершенно бесполезны!



Недалеко от полкового перевязочного пункта находится склад боеприпасов.

— Только для 3-го батальона! — Хотели отделаться от меня.

— Да, да, как раз для него! — соврал я. Да мне вообще все равно! Пока грузили мою машину ящиками с патронами и гранатами (у этих молодцов пулеметные ленты выдавали уже снаряженными), я сел в придорожную канаву, чтобы наскоро перекусить. Я подобрал одну из лежавших здесь же ручных гранат и засунул ее за пояс «на всякий случай».

Вдруг в кроне дерева бабахнуло. Меня ударило в живот. «Ранило в живот!» — подумал я, перекатился на бок, хватая воздух ртом, расстегнул пряжку ремня. Из разбитой оболочки гранаты сыпался желтый порошок. Пряжка ремня была рассечена снарядным осколком. В коже ремня, сложенной под пряжкой вдвое, торчал зазубренный кусок металла. Какой-то сантиметр определил, жить мне или умереть: если бы осколок ударил по запалу гранаты, то меня, наверное, разорвало бы на части.

Если бы, да кабы! «Жизнь — это жребий, и мы его тянем каждый день!» — поется в одной нашей песне.

В роте благодаря «организованным» боеприпасам меня встретили радостно. Спасительный смертоносный груз распределили по подразделениям. Иванов снова отбросили за Великую. К вечеру мы вновь прочно удерживали Опочку по обе стороны реки.

Пока боевые части собирались в населенном пункте после тяжелых потерь, разведывательный батальон пытался догнать отходившего противника. В ночь на 12 июля к его преследованию присоединились и мы. Нашей целью стал Остров. Местность была труднопроходимой, и машины вынуждены были двигаться только по дорогам.



Активизировались бомбардировщики противника. Прорвавшиеся бипланы громко тарыхтели с неба своими звездчатыми моторами, казалось, будто они с трудом летят против ветра. Однако ни они, ни их бомбы особенно нас не пугали.

Когда солнце встало, нас посетил У-2, старый дряхлый биплан. Он медленно летел с заглушенным мотором, совершенно неслышно в шуме колонны, очень низко вдоль нее. Мы заметили зашедший сзади летательный аппарат только тогда, когда он оказался перед нашими глазами. Нас поразила храбрость, с которой этот пилот осуществлял свой разведывательный полет. Его даже не обстреливали. Он сбросил бомбочку на головную машину и исчез за ближайшим лесом. Мы были ущемлены в нашем солдатском тщеславии. По крайней мере, эта старая ворона не должна была от нас скрыться просто так!

Вторая часть представления была нам дана через полчаса. Во время привала машины съехали с проезжей части по твердой почве под кусты и деревья, когда вдруг бешено начала колотить легкая зенитная пушка. Далеко и достаточно высоко в наш тыл мимо нас пролетало соединение Ил-2. Я видел, как наши зенитчики, разместив свои пушки на огневой позиции посреди наших машин, в полном составе оставались у своих орудий. Не ожидая ничего хорошего, я заехал на моем «Адлере» поглубже в лес. Выехав из сосредоточения машин.

Минут через пять «голубчики» снова показались. Звено заходило на бреющем полете, каждый самолет просыпал на место нашей стоянки град мелких осколочных бомб из своих 400-килограммовых запасов. Они умело держали дистанцию, чтобы не попасть под разрывы от бомб впереди летящего самолета.

В пределах видимости они пошли на разворот для нового захода. На вираже один из самолетов загорелся и камнем рухнул на землю.



Наши зенитчики были хладнокровными парнями. Я не видел ни одного, который бы отскочил от орудия во время града осколочных бомб. Они стояли у орудия и сопровождали его стволом атакующее соединение, ожидая, очевидно, когда оно приблизится.

И вот они возвращаются. Заходя со стороны солнца, атакуют под острым углом. По восемь раз блеснуло под плоскостями каждой из машин, и 82-мм реактивные снаряды с огненными хвостами, оставляя за собой серый дымный след, устремились к цели. По самолетам была 20-мм зенитная пушка, бронебойные снаряды которой отлетали от плоскостей и брюха самолетов. Это что-то новенькое! Но одна 37-мм пушка достала один уходящий Ил-2, от правого руля высоты отлетел большой кусок, самолет сразу же свалился на левое крыло и с кратким воем устремился к земле. За еще одной уходящей машиной потянулся дымный след, но она не горела, когда она уже почти исчезла за восточным горизонтом, раздался взрыв.

Два захода — три подбитых самолета. Неплохо для противовоздушной обороны нашей дивизии, стволы зениток которой уже гордо украшают белые кольца.

Оба налета имели плохие последствия. Отовсюду звали санитаров. Я счел, что все пока закончилось, и выехал к командному пункту роты. Кое-где начинал гореть лес. Нам необходимо было как можно быстрее отвести свои машины от тех, что загорелись, пока и их не охватило пламя. Машины с боеприпасами начали взрываться. Машина-цистерна горела неугасимым пламенем, потому что из-за жара к нему невозможно было приблизиться, чтобы потушить. Густые черные клубы дыма обволокли места попаданий. Имеющиеся санитарные машины были не в состоянии перевезти всех раненых на перевязочный пункт. Я получил приказ, отвезти легко раненных после оказания им первой помощи.



Я посадил трех способных сидеть тяжело раненных, на подножках разместились легко раненные. Мы первыми покинули место побоища. Лесной пожар разгорался, охватывая все новые и новые машины, взрывались ящики с боеприпасами.

Не успели мы проехать и пару сотен метров, как над нами пронеслись многочисленные тени. Штурмовики снова оказались здесь. По-видимому, исчезнув за горизонтом, они описали большую петлю и вернулись с западной стороны. Мы их заметили только тогда, когда они уже пролетели мимо нас и обрушили огонь своих пушек и пулеметов на места стоянок машин, обозначенные черными клубами дыма. Наша зенитная артиллерия, менявшая позиции и ничего не видевшая из-за клубов дыма, атаку самолетов отразить не смогла.

Открытый сарай у дороги послужил нам укрытием. Ничего другого не оставалось, как заехать в него, так как штурмовики наверняка налетят снова. Отсюда мы наблюдали за происходящим. Осмелевшие от отсутствия сопротивления, самолеты зашли для еще одной атаки. Но уже на подлете один из шести штурмовиков был подбит зениткой. У Ил-2 начались неконтролируемые движения, но из строя он не выходил. Вдруг он резко повернул в сторону и столкнулся с соседней машиной. Оба самолета сейчас же вспыхнули и с коротким воем рухнули на землю. Потом мы слышали, как остальные четверо обстреляли из пулеметов и пушек место стоянки, прежде чем на бреющем полете уйти на восток.

Мы приехали на перевязочный пункт как раз в тот момент, когда он менял свое месторасположение. Он переезжал в подходящий лесок и снова разворачивался, ожидая наплыва раненых.

Один из мотоциклистов, остававшихся на месте стоянки, когда я вернулся, рассказал мне, что первый налет Ил-2, просыпавший град осколочных бомб, причинил



наибольшие потери в технике и вооружении, однако не в личном составе, так как солдаты оставили машины и укрылись в лесу. Раненые и убитые были в расчетах зенитных пушек. Но от атаки реактивными снарядами, рвавшимися в кронах деревьев, убитых и раненых было больше всего, так как от их осколков укрыться было негде.

Приблизительно так же, как этот описанный день, выглядели и другие дни. Мы постоянно продвигались на север, атакуемые штурмовиками и устаревшими бомбардировщиками, а также танками из засад, подъезжавшими к нам по бездорожью и исчезающими, прежде чем наша противотанковая артиллерия могла открыть по ним огонь.

Просторные, тянущиеся часто до самого горизонта поля постепенно стали встречаться реже. Грубо говоря, мы двигались вдоль Великой и прилегающей к ней болотистой низменности. Девственные лиственные и хвойные леса подступали к нашей дороге. Местами они были непроходимы, сойдя с дороги можно было сразу провалиться по колено. Погода в те дни была переменной: то на нас нагонял апатию нестерпимый зной, то дожди, шедшие сутками напролет, приклеивали одежду к телу. Все сильнее одолевали москиты. Хотя своевременно были выданы накомарники, совсем от этих кровососущих тварей защититься не удавалось. Особенно они докучали по ночам, когда тонкий писк болотного комара то и дело предвещал о новом укусе.

Остров мы захватили. Сопrotивление противника было упорным и ожесточенным. Потери приняли такие размеры, когда никакой выигрыш территории не мог их оправдать. Русские искусно укрывались в родных для них лесах, избегая невыгодных для них положений, с тем чтобы атаковать нас ночью.



В один из вечеров было прервано продвижение вперед по лесной дороге севернее Острова. Хотя грунт был песчаный, но твердый, и машины могли идти по нему на полной скорости, о продолжении марша, принимая во внимание действия противника, нельзя было и думать. Кроме того, с имеющимися отвратительными картами ориентироваться на местности было трудно и днем. Батальон занял круговую оборону. Мик, Буви и Бфифф еще ездили на своих мотоциклах, развозя донесения. До их возвращения я выкопал в сером песке глубокое укрытие в форме звезды, так, чтобы у нас была защита в случае атаки с любого направления. Я позаботился о пропитании и горючем для наших машин. После того как все покрытые пылью, в наступившей темноте они подкатили на своих мотоциклах, сил им хватило только на то, чтобы съесть свой айнтопф и с полным брюхом завалиться в подготовленную яму. Бфифф и я заступали в караул с часу до трех. До нас службу несли Мик и Буви. Когда нас разбудили в положенное время и мы постепенно приходили в себя, нам сказали, что водитель обозной машины, резервист, не вернулся из ближайшего лесочка. Очевидно, он заблудился и прошел за посты охранения, поэтому были введены дополнительные меры по осторожному применению оружия.

Мик и Буви, которых мы сменили в дозоре, расположенном в кустарнике, сообщили о каком-то незначительном нарушении спокойствия в их секторе. Но о пропавшем никаких вестей. Наш дозор был передовым постом прослушивания и располагался впереди цепи постов охранения. Когда я и Бфифф, совсем одни вдали от лагеря, попытались сориентироваться по звездам, чтобы в случае чего знать, где мы, а где противник, ясное небо заволокли облака. Когда мы еще пару раз повернулись туда-сюда вокруг себя, то уже не знали, откуда мы пришли. Мы стояли спиной к спине, чтобы в



этой ночной тьме уберечься от внезапного нападения. Мы даже не разговаривали, потому что каждое слово, оброненное в этой ночной тишине, слышалось на десятки метров. Теперь я понял, что подразумевается под фразой «природа задерживает дыхание». Мы даже не хлопали по лицу, чтобы прибить комаров, а потихоньку растирали их по щекам.

— Камрад, — послышалось мне. И еще раз: — Камрад. — Скорее вздох, чем слово. Бфифф это тоже должен был слышать. Он надавил мне локтем в спину, я ответил ему так же. Когда мы взяли карабины на изготовку, прорезиненные плащи очень громко зашуршали.

Больше ничего не было слышно. Мы устали в темноту, сдерживая дыхание. Мне было слышно, как у меня в ушах пульсирует кровь. Меня охватил страх перед лесом. С Бфиффом происходило то же самое. Быть может, мы сами усиливали свою нервозность.

Вдруг вдаль в тишине леса раздался жуткий нечеловеческий крик. Так может кричать человек только от ужасной боли или от страха смерти. Это были не слова, а только повторяющиеся ужасные крики, которые, казалось, тянулись бесконечно.

С одного из направлений послышались шум и приглушенные приказы на немецком языке. Теперь мы, по крайней мере, снова знали, в какой стороне наш лагерь. Крики продолжались, пока не ослабели и не затихли. Что же случилось?

Пошел сильный дождь, забарабанивший по каскам, прорезиненным плащам и по листве, гася все остальные звуки. Это было избавление! К исходу ночи мы постепенно стали различать наше окружение. Вернулось чувство безопасности. Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. Со стороны лагеря до нас донесся рокот прогреваемых моторов. Потом появился Цигенфус, снимавший посты.



Когда мы вернулись, батальон уже стоял в колонне у дороги, готовый к выходу. Буви и Мик уже подготовили для нас горячий «кофе» и намазали маслом булочки. Обжигающий эрзац-кофе потек в желудок, вытесняя холод из организма. Начался день, и жизнь вернулась к нам.

Подъехал мотоциклист и передал распоряжение. Два взвода спешили и отправились в то направление, откуда ночью доносились крики. Как сказал посыльный, боя с превосходящими силами противника следовало избегать. Возвращение ожидалось через час. Все спешили, машины были поставлены в укрытия от авиации, подразделения заняли позиции охранения.

Еще до указанного срока подразделение вернулось из поиска. Совсем неподалеку они наткнулись на оставленный бивак русского подразделения. Следы его были совсем свежие. Нашли нашего пропавшего товарища. Он был привязан к поваленному дереву, кишки вытащены на метр из распоротого живота, голова превращена в сплошную кровавую массу, носа, ушей, глаз и языка не было, половые органы отрезаны. Потрясенные, мы стояли вокруг трупа. Лица моих товарищей побледнели, некоторых начало тошнить.

(По сообщению одного товарища, пропавший солдат моего батальона через пару дней снова вернулся в часть. Изуродованный до неузнаваемости труп принадлежал другому солдату вермахта.)

Будет ли в будущем жестокость противопоставляться жестокости? Будет ли немецкий солдат способен на такое? Конечно, нет, но в другом виде, кажется, уже он к этому готов. Борьба теперь с обеих сторон будет беспощадной. Лица моих товарищей это ясно отражали.

Вера в существование недочеловеков получила свое подтверждение, а для сомневавшихся в нашей войне было представлено оправдание. Режим преступников



должен быть уничтожен до того, пока они окажутся в состоянии уничтожить всю Европу. Мы, представители света, боремся с тьмой.

Мы отправились дальше на север, оставляя за собой след из редких могил, украшенных березовыми крестами. В спокойные минуты мы пытались их сосчитать, тех, кто уже ушел от нас, погибший или раненый. Прекращали, а потом считали снова. Таких уже набиралось много. Наш опыт ведения боя в лесу рос вместе с тем, как уменьшалась численность нашей роты. Пополнения в солдатах не поступало.

Однажды утром один из наших взводов на просеке застал врасплох отдыхающую роту противника. Вместо того чтобы использовать преимущество и с ходу атаковать роту, командир взвода решил предложить русским сдаться, чтобы избежать кровопролития. Это требование, переданное через нашего переводчика-фольксдойче, было принято, и нам ответили, что всем уже надоела эта проклятая война. Красноармейцы сложили оружие. Когда наш взвод вышел из леса и начал приближаться к численно превосходящему противнику, они по команде снова схватились за оружие. Но едва они смогли его применить, как по стоящему плотным строем подразделению с руки ударил наш пулемет. Русские снова побросали оружие, и огонь был сразу прекращен. Один из советских солдат на отличном немецком закричал:

— Больше не стреляйте! Не стреляйте!

Это был чистокровный немец из Сибири, он назвался Йозефом Ваалем. Такой же молодой, как и мы, он был призван в армию и отправлен на этот участок фронта. Перед тем как мы его взяли с собой, он обратился к своим прежним товарищам, чтобы те позаботились о раненых. На носилках, которые они быстро сма-



стерили из веток, раненых, после оказания им первой помощи, отнесли к лесной дороге, чтобы потом отправить в лазарет для военнопленных. Ваалю отправили в штаб дивизии. Потом с его согласия он был переодет в немецкую форму и прикомандирован к нашей части. Знания иностранного языка сделали его чрезвычайно ценным.

Позднее болотистый лес остался позади. Покрытие дороги стало твердым и она (о, чудо!) перешла в широкое шоссе с асфальтированным покрытием. По нему мы смогли действительно ехать, а не тащиться. Дивизия помчалась с ветерком! Слева рассеялся туман и открылся вид на город, а за ним чудесно сверкало синевой под синим небом море. До самого горизонта никакой земли — только чудесное синее море!

Если бы мы могли остаться здесь! Хотя бы на пару дней или хотя бы на пару часов. Но колонна нашей дивизии мчалась дальше, не останавливаясь и не глядя на красоты природы. Впервые никакого болота и непроходимого леса, никаких комаров на этом высоком открытом пространстве, засеянном пшеницей и льном.

Шоссе кончилось. Опять пошла проселочная дорога с болотом, лесом и комарами, мечта кончилась, и война снова приняла нас в свои объятия.

14 июля мы доехали до Порхова. Кажется, противник отступил. В то время боев не было.

На открытом поле погиб наш славный 2-й полк. Он понес большие потери, его было решено расформировать, а остатки повзводно были переданы другим полкам. Это было само собой разумеющееся и совершенно будничное дело. Но вместе с тем многим товарищам, долгое время служившим вместе, пришлось прощаться друг с другом. Не было никаких театральных сцен, просто кто-то цедил сквозь зубы: «Дерьмо!», провожая взглядом уходящих товарищей, и это показывало, что



происходит в наших душах. Большая семья разлучалась.

С Буви, Миком и Бффиффом я перешел в 12-ю роту 3-го пехотного полка, в его 3-й батальон, то есть снова в минометно-пулеметную роту. Мой «Адлер» остался при мне, мотоциклы — при своих прежних наездниках.

При расформировании ко мне в машину попала карта, из которой я, к своему разочарованию, узнал, что та синяя сверкающая водная гладь, которую мы проезжали, была не море, а Псковское озеро.

Мы оказались севернее реки Шелонь, впадающей в озеро Ильмень. В последующие ночи начались тяжелые бои в труднопроходимых лесах. Из-за переформирования слаженность подразделений нарушилась, их боеспособность заметно снизилась. Офицеры и младшие командиры не знали способностей и умений своих новых подчиненных, и даже не всех знали по фамилиям, что приводило к дополнительным трудностям.

В ночном бою наш батальон понес тяжелые потери. Обе стороны вели борьбу с немыслимым ожесточением, пока не рассвело и не оказалось, что один батальон воюет против другого.

1 августа мы взяли Уторгош, неприметное местечко, но важный узел шоссейных и железных дорог, ведущих на Ленинград. За Уторгошью мы вышли на лесистую местность и вынуждены были сразу же окапываться, чтобы получить хоть какое-нибудь укрытие от штурмовиков. Полевая кухня укрылась в овраге и выдавала еду на «позиции».

Внезапный огневой налет русских полевых 76-мм пушек застал нас сидящими на корточках с котелками, полными перлового супа, на коленях. В перерывах между канонадой я начал окапываться глубже, потому что боялся снарядов. А Бффифф использовал «полное укры-



тие» полевой кухни и принес себе еще один котелок густого супа и доедал его, скрючившись в своей ячейке.

Потом русская батарея снова открыла огонь. Потерь не было. Где же мог прятаться этот чертов наблюдатель-корректировщик, что так точно мог наводить огонь своей батареей. Наверное, иваны его специально оставили где-нибудь за нашими линиями.

Я бросил короткий взгляд вокруг, не покидая укрытия. Все спрятались в земле, не доверяя наступившей тишине. Бфифф глубже окапываться не стал, его и так не было видно, кроме каски, которая опускалась и поднималась в такт движения ложки. При первом ударе неподалеку от наших укрытий из окопа Бфиффа вылетел котелок. Время от времени снаряды стали падать вокруг. Предупредительного свиста снаряда не было: сначала раздавался взрыв, а потом доносился звук артиллерийского выстрела. Во время перерыва в стрельбе мы подбежали к ячейке Бфиффа, чтобы посмотреть, что с ним. Мы подняли его. Взгляд его был остановившимся, губы говорили непонятные слова, стальной шлем был пробит осколком снаряда, когда я снял его с головы, в его углублении остался небольшой кусок мозга.

Пока я бежал к своей машине, хорошо переждавшей огневой налет в овражке, товарищи положили Бфиффа на носилки. Мы положили его поперек «Адлера», Буви и Мик крепко его удерживали, пока мы поспешно покидали место расположения. Когда мы сворачивали на дорогу, огневой налет начался снова. На перевязочном пункте врач не дал нам никакой надежды. Вдруг Бфифф начал ужасно орать. Это были одинаковые ритмичные крики. Без пауз, крик за криком, в то время как тело продолжало лежать спокойно.

Вечером первого августовского дня он скончался. Его крики стали слабее, но ритм был прежним, потом они сменились хрипом.



Первый из нашего тесного товарищеского круга покинул нас. В сумерках мы оставили его в вечном покое под Уторгошью. Саперы завершили нашу проклятую работу.

Через несколько дней в продолжение начавшегося переформирования меня вместе с машиной перевели в штаб 1-го батальона. Когда я доложил батальонному адъютанту о прибытии, я узнал командира. Это был гауптштурмфюрер Кнёхляйн, тот самый, что учинил убийство в Парадизе и которому я, в нарушение дисциплины, крикнул: «Это же женщины!», когда он стрелял в женщин из пистолета.

Мика тоже постигла участь переформирования. Он отправился в 4-ю роту «моего» батальона, снова это была минометно-пулеметная рота, снова он был мотоциклистом-посыльным на 500-м ДКВ. В двенадцатой роте остался только Буви. Теперь нас полностью разлучили, но мы виделись, посыльные всегда в дороге, и время от времени делали крюк-другой, чтобы навестить старого приятеля.

После небольшой паузы наш удар был направлен на северо-запад по большой дуге в направлении Луги. Мы с ожесточением пробирались по грязи во время дождей и по густой пыли, когда солнце припекало с неба.

Моя задача теперь состояла в том, чтобы возить офицера для поручений штаба батальона. В его задачу входило также разведывать дорогу для продвижения батальона. Унтерштурмфюрер (лейтенант) доктор Грютте на самом деле не очень мне «подходил». Он был ботаником и профессором. Профессор! Ботаник! Как такой человек может быть хорошим солдатом?

После того как я ему представился, тоже все началось не очень хорошо. Он протянул мне котелок, чтобы я



и для него получил еду с полевой кухни. У меня в некоторой мере даже отнялся язык. Я что, его денщик или старый роттенфюрер с контрактом на 12 лет? Унтерштурмфюрер Грютте получил, наверное, офицерское образование на одногодичных курсах на основе высшего образования и очень быстро был произведен в офицеры. И если бы не так, то он был бы сейчас «Стрелок Задница в третьем ряду», и тогда бы я его посылал за едой.

Полевая кухня была хорошо замаскирована на местности, покрытой кустарником. Кормежка сегодня была неплохая: сочное жаркое, картошка в мундире и кислая капуста. Преисполненный хитрости, я протянул повару котелок доктора Грютте и попросил его наполнить в определенной последовательности: сначала жаркое, потом картошка, потом сверху — кислая капуста, и все это густо полил соусом. Следующий раз профессор меня за едой не пошлет!

Когда унтерштурмфюрер Грютте с удовольствием хотел приступить к трапезе, то с удивлением увидел мешанину в своем котелке. Я ожидал жестокого разноса. Но он спокойно стал выискивать картошку под капустой и соусом, чистить ее руками, которые становились все грязнее и грязнее.

— Разве это должно быть так? — И это было все, что он мне сказал с укором. Я с удивлением понял, что он совсем не думает о том, чтобы представить себя офицером и начальником.

Часом позже Грютте вызвали к командиру. Он получил задачу на проведение разведки, и мы сразу же поехали. На некотором расстоянии за моей машиной ехал посыльный мотоциклист. В случае встречи с противником он должен был сразу же развернуться и ехать назад, чтобы доложить об этом, если мы будем уже не в состоянии.



Задача состояла в том, чтобы проверить состояние обозначенных на карте дорог и мостов и проверить, насколько далеко определенные для наступления пути свободны от противника. Такая задача могла в любой момент способствовать зачислению нас в «команду для вознесения».

В те послеполуденные часы снова сильно припекало. Дорога была покрыта густым слоем пыли. Мотор работал с трудом и выдавал хлопки, слышавшиеся за километр. Грязно-белый шлейф пыли тянулся за нами. Чтобы не заметить наше приближение, иваны должны были быть слепыми и глухими одновременно.

Наша «дорога» была нанесена на карте толстой линией, все равно как шоссе на карте Германии. Но здесь она временами совсем исчезала в траве и сорняках. Поэтому мы время от времени спрашивались у местных жителей, действительно ли этот путь ведет нас к поставленной цели. Опрошенные, к нашему удовольствию, подтверждали, что русские солдаты давно уже ушли из этих мест и что в округе русских войск нет. Я подъехал к колодцу с журавлем и обрадовался, что можно будет глотнуть холодной воды. Ведро скользнуло в глубину, но никак не хотело зачерпнуть воды. Когда же наконец это удалось, мы подняли ведро и с жадностью пили воду прямо из него, не касаясь краев посуды губами. Черпали воду руками и брызгали себе в лицо, пытаясь смыть пыль.

Надо было продолжить удовольствие. Но ведро упало с крюка в колодец. Недолго думая, наш мотоциклист соскользнул по веревке вниз, чтобы наполнить ведро и прицепить его к крюку. Потом он выбрался на поверхность и торопливо стал помогать поднимать, до тех пор, пока мы не вытащили на свет висевшего, зацепленного за брючный ремень, мертвого ивана.

Такого опыта с водой у нас было немало. После Уторгоши мы стояли несколько дней в одном местечке. Наши



повара брали воду для готовки из пруда, потому что вокруг других источников не было. Кофе из этой воды имел такой отвратительный вкус, что наш повар из судетских немцев из-за постоянных жалоб был очень огорчен. Когда перед нашим уходом из почти вычерпанного пруда показался разложившийся труп лошади с всадником, загадка была решена. Наверное, наш самолет обстрелял кавалерийскую часть, при этом всадник с лошастью упали в воду.

Мы продолжали путь в послеполуденной жаре. Вокруг, насколько хватало глаз, не было ни души. У дороги стоял одинокий дом, покрытый старой соломой. В его дверях стояла бедно одетая старуха с высоко поднятым распятием в руках. Правой рукой она широко нас крестила. Откуда старая женщина узнала о нашем приближении?

В следующей деревне на въезде стоял народ со старостой во главе и ждал немецких солдат. Короткой остановки у колодца хватило, чтобы весть о нас разнеслась по окрестностям. Люди были приветливыми, с удовольствием отвечали на вопросы и с напряжением смотрели на пришельцев. Немногие большевики ушли из деревни вместе с Красной Армией.

Мой взгляд остановился на курицах, которые беззаботно ходили по улице и что-то клевали. От крепкой девицы не ускользнуло мое желание поесть курятины, и она ловким движением поймала одну из куриц за ноги. На какое-то время я запер птицу в багажнике машины. Староста рассказал, как называется деревня и рассказал про дорогу, которая шла дальше. В благодарность мы раздавали леденцы, спички, зажигалку с маленькой коробочкой, полной кремней, которая была принята с большой радостью. Хотя к нашим сигаретам и проявили любопытство, но курили их без особого удовольствия.

Офицер для поручений отправил мотоциклиста с подробным описанием дорожных условий и протоколом



опроса старосты в штаб батальона. Теперь, после того как люди заверили и здесь, что советские солдаты ушли, мы продолжили путь одни. Вскоре за деревней мы въехали в глубокий овраг, дно которого было покрыто валунами, которые оторвали глушитель с моей машины. Преодолев в брод ручей и поднимаясь на другой склон оврага, наш двигатель ревел, словно небольшое танковое подразделение. По обе стороны дороги простирались поля подсолнечника. Через пару километров мы подъехали к небольшой деревне. Прежде чем въехать в нее, мы на приличном удалении пристально осмотрели ее в бинокли. Никакого движения среди домов не было. Когда мы подъехали к первым домам, из них выскочили человек двадцать красноармейцев и пустились наутек в подсолнечники и кукурузу. Некоторые из них были вооружены. Моральное воздействие нашего лишнего глушителя «Адлера» было налицо. Мы пришли к выводу, что здесь было какое-то потерявшееся и лишнее командования подразделение или группа дезертиров. Населения в деревне не было.

Так как все нам показалось спокойным, мы на полном газу проскочили пустынную деревню и исчезли в ближайшем лесу, который кончился через пару километров, и перед нами открылся широкий вид на холмистую равнину, покрытую кустарником и прозрачными березняками. Я остановил машину в лесу, укрыв ее от авиации. Деревянный мост обозначал переход из леса на открытую местность, на которой паслось несколько тучных коров. По поводу грузоподъемности моста наши взгляды разошлись. Я считал, что он еще может выдержать транспортер с личным составом, а унтерштурмфюрер Грютте, осмотрев опоры моста, как ответственный офицер, счел их слишком слабыми. Когда мы возвращались в лес, чтобы отправиться с добытыми сведениями в обратную поездку, за нами увязалась любопытная корова.



Мы уже хотели привязать ее к ближайшему дереву, чтобы потом сдать ее на кухню, как она через пару шагов по только что пройденному нами мосту взлетела на воздух. На наше счастье, корова своим весом привела в действие противотанковую мину.

Это первое вместе пережитое опасное приключение способствовало стиранию граней между офицерским и солдатским званиями, а также между человеком с высшим образованием и едва закончившим школу.

В ходе тяжелых боев мы прорвали оборону русских по реке Мшага под поселками Угорелый и Закибье. Слева от нас находилась Луга, а справа — озеро Ильмень. Теперь у меня была возможность ежедневно изучать карту. Иногда это были оригинальные русские карты, иногда — новые немецкие. И те и другие были неточные и путаные. Лучше всего было положиться на советы населения. Бывший советский сибирский солдат Вааль из дивизии был переведен в наш штаб, чтобы оказывать нам помощь в наших разведывательных поездках.

Теперь Вааль по своему согласию носил форму войск СС. Мы уважали нового товарища за его простоту и прямоту в общении. Было трудно себе представить, чтобы так хорошо в Сибири он сохранил способность говорить по-немецки. Он много рассказывал нам о своих родных местах, которые он, казалось, любил и куда хотел вернуться. Его рассказы способствовали тому, что мы кое-что вычеркнули из наших представлений о «недочеловеках». По его убеждениям, русские в своей массе — люди хорошие, а негодяи среди них — лишь отдельные явления. Я был убежден, что он верно нам служит, но не будет стрелять в своих вчерашних товарищей.

Мы стремительно наступали, и вдруг остановились. Была середина августа. Дивизия собирала и приводила в порядок части, потери которых снова оказались боль-



шими. Наш бывший уважаемый командир роты гауптштурмфюрер Шрёдель во время атаки русских был тяжело ранен, и лишь после рискованной контратаки его людям удалось его отбить и спасти. С простреленным легким он был первым же транспортом отправлен в тыловой госпиталь. Так наш Буви потерял своего начальника, которого все мы очень любили.

За дивизией «Мертвая голова» тянулся необозримый след — могилы. Молодые люди, преисполненные воодушевления и веры в правильность и необходимость этой навязанной борьбы, героизма и порыва, оставались навсегда в русских болотах, песке и лесах.

На моем «Адлере» Вааль и я были переданы в распоряжение штурмбаннфюрера Петерсена для проведения поиска. Задача состояла в том, чтобы направиться в тыл, в район Стольцови, отыскать на месте прошедших боев погибшего или пропавшего без вести офицера. Задача была поставлена лично Петерсену, который хорошо знал эту местность. Приехав на место, мы долго осматривали место боя. Ориентируясь по сильному трупному запаху, я наткнулся на пропавшего без вести молодого унтерштурмфюрера. Тяжело раненного, из-за контратаки противника его не смогли спасти.

Это было пять дней назад. А теперь сын любящей матери, гордость отца, лежал у моих ног. Его тело раздулось как бочка. Из раны тысячами выползали извивающиеся белые черви. Его открытый рот и ноздри тоже были белыми от множества этих мелких тварей.

Я смотрел на эту вечную жизнь и на мертвое тело. Что есть человеческая жизнь? Незначительное, подчиненное обычным законам природы НИЧТО. Смерть бросает нас, потерявших важность, в землю. Природе поручено растворить нас в отсутствие нашей значительности. Поручено личинкам, червям, копошащимся



жукам, солнцу и иссушающему ветру. Из прекрасных, благородных черт лица, любимых женщиной, возникает серый пергамент, кусками и складками лежащий на контурах черепа. Тело, принадлежащее к элите, лежит здесь с вывернутыми членами и отвратительно воняет, разлагаясь. Ничто не отличает нас с момента смерти от других живых существ.

Мы подложили под то, что было человеком, ветви и отнесли труп к ближайшей деревне, где его и погребли. Одна женщина непрошенно принесла закопченный горшок со свежесорванными цветами и поставила его на маленький холмик. Молча она стояла вместе с нами у могилы молодого офицера. Во всем мире матери незримо несут самый тяжкий крест войны. Милосердно им сообщают о том, как умер их сын: «Смерть наступила мгновенно», или «Он не мучился», и: «Он погиб за Бога, Императора и Отечество» (как прежде) или «Он погиб за фюрера и народ» (как сейчас).

Вот проклятие! Мы умираем не от желания смерти! Мы умираем, потому что должны! Без пафоса, преисполненные ужаса и бессилия перед вечной Голгофой, которую мы, люди, проклинаяем, и сами же всегда снова и снова готовимся к ней.

Поблизости от Луги колонны нашей дивизии поехали обратно на юг. По обочине шла наступающая пехота вермахта. На лицах ее солдат — только пренебрежение. Кто-то с издевкой крикнул: «Элите надо отдохнуть!» Они были изнурены длительными маршами и боями. Они не скрывали своего озлобления нашим кажущимся преимущественным положением. Нас стыдили, но не могли ничего ответить, потому что не знали, куда едем, но уж, во всяком случае, не в отпуск и не на отдых, как думали наши товарищи из вермахта. Судя по положению солнца, общее направление движения вскоре изменилось.



На следующее утро оно спряталось за темными тучами и пеленой дождя перед нашими машинами. Курс — на восток!

Наконец, положение прояснилось. Русские нанесли контрудар в северо-западном направлении по немецким соединениям, находящимся под озером Ильмень. В связи с большим превосходством противника в силах, они попали в сложное положение. Вместе с 3-й пехотной (моторизованной) дивизией мы играли роль фронтовой пожарной команды, прошлись по наступающим клиньям противника с запада на восток и отрезали их от тыловых коммуникаций. Если бы нам молниеносно не удалось провести этот маневр, то мы попали бы в «котел», это значит, что русская 34-я армия окружила бы нас и уничтожила.

Наш батальон на нашем участке шел в авангарде, а авангардом авангарда были мы — унтерштурмфюрер Грютте, переводчик Вааль и я. Двигаясь впереди батальона, при обнаружении противника мы должны были немедленно отправить сообщение следующей за нами части через мотоциклиста, ехавшего на некотором расстоянии за нами.

Неожиданно мы натолкнулись на горящий восьмиколесный разведывательный броневедомитель 3-й пехотной дивизии, которая должна была находиться справа от нас. Это заблудились мы или их разведка? Рядом с броневедомителем лежал мертвый экипаж без мундиров, в одних белых вермахтовских нижних рубашках. Через пару километров — полковой перевязочный пункт, захваченный русскими врасплох: все раненые перебиты, никакой «Красный Крест» им не помог. Вид на кучу лежавших друг на друге убитых укреплению нашего морального духа не способствовал. Мы сильно нервничали и были настороже. Мы часто останавливались, сверялись по карте с местностью, доставали из карто-



фельных погребов рядом с разрушенными домами испуганных жителей и расспрашивали их о состоянии дорог и мостов впереди. Многого добиться от них не удавалось. Незадолго перед этим волна прорвавшихся русских расстреляла всех жителей, заподозренных в помощи немцам, в том числе женщин и детей. Доносчиков хватало.

Моторизованный марш продолжался и ночью. Я имел счастье и ночью работать в качестве подопытного кролика. Один раз все должно было получиться! На средней скорости наша машина с погашенными фарами двигалась по песчаной лесной дороге. Глаза перенапряглись от постоянного высматривания и от пыли. Шум мотора действовал на нервы. Постоянно всплывала картина добитых раненых. От вида непроглядной тьмы меня охватывал беспокойный страх.

Когда я заметил, что дорога передо мной стала темнее, остановился. Это — деревянный мост. Он снова заминирован? Выдержит он нас или нет? Выключил мотор. Позади доносится слабый шум моторов идущей за нами колонны. Что делать этой темной ночью? Имеет ли вообще смысл ехать в этой непроглядной темноте? Но боевая задача! Мой профессор с затемненным фонариком пошел проверять опоры и несущие балки моста. Я остался в машине. Вааль должен был при этом стоять на мосту и прикрывать нас. Вдруг тишину ночи разрезали выстрелы пистолетов-пулеметов и винтовок! Противник? Кто мог это с абсолютной точностью сказать? С тех пор как в темноте в лесу два наших подразделения вели бой друг с другом, мы стали осторожнее. Мы поехали назад и в ближайшем населенном пункте встретили нашу часть. Унтерштурмфюрер Грютте доложил командиру. Он действовал правильно. Батальон занял круговую оборону и расположился для отдыха. Все оставались в полном снаряжении, водители спали в маши-



нах, остальные — в домах. Одна рота находилась в боевом охранении. По населенному пункту ходили двойные патрули. Мы с Ваалем пошли в караул в первую смену, в надежде потом немного поспать. Кое-где в домах взрывались мины-сюрпризы, установленные в дверях и в печных трубах. Два дома загорелись. У-2 облетел нас на малой высоте и сбросил бомбы на освещенную теперь деревню. Один из наших двойных патрулей был обстрелян на окраине деревни. Были захвачены трое гражданских, вооруженных пистолетами и с сумками, полными ручных гранат, пытавшихся убежать в лес. Последовал краткий суд. Как партизаны, они были немедленно казнены.

На рассвете нас снова разбудил дежурный. Профессор должен был идти к командиру. Там был получен из полка приказ немедленно продолжить движение. Доктор Грютте, пользуясь случаем, принес с кухни в консервной банке горячий эрзац-кофе и выданную поваром «в приказном порядке» из его запасов копченую ливерную колбасу и (о, чудо!) бутылку коньяка из французских запасов. Получив такое обеспечение, я очень был доволен своим пассажиром.

Впрочем, продолжение вчерашнего. Проклятие! Я мерзну из-за того, что не выспался. Но на этот раз нас сопровождает целое отделение мотоциклистов. Это, правда, не делает утро теплее, однако притупляет чувство того, что нас абсолютно беззащитными подают на тарелочке.

Мы ехали впереди, за нами — три мотоцикла с колясками и вчерашний мотоциклист-посыльный на мотоцикле без коляски.

Тот мост, от которого мы вернулись несколько часов назад, был не заминирован, и противника рядом не было. Через несколько километров мимо нас пролетел наш самолет ближней разведки, возвращавшийся со



стороны противника. С длинным хвостом дыма рядом с нашей дорогой упала капсула с сообщением: «В 10 км крупные силы танков и мотопехоты противника». Посыльный помчался назад в батальон. Мы на время свернули с дороги в лес, дожидаясь нового приказа. Противник установлен, опять начнем с ним меряться силами со всеми сопровождающими это дело последствиями. В дневнике мы записали: «19 августа 1941 г.».

В ходе трехдневных тяжелых боев мы прорвались через захваченные врасплох русские наступающие дивизии и отрезали их от снабжения. В самый разгар своего мощного наступления в северном направлении многократно превосходящие нас силы противника из-за отсутствия снабжения вынуждены были прекратить свои действия. В свою очередь, они оказались со всех сторон в окружении, были разгромлены, а их остатки отведены в плен. Мы впервые участвовали во внезапных действиях такого размаха, которые привели к таким же внезапным результатам.

В трудные недели кровопролитных боев мы перешли реки Полисть, Редья и Ловать и вышли в район Валдайской возвышенности, который нам не суждено было покинуть в течение года.

Наша дивизия «Мертвая голова» храбро сражалась, с полной отдачей молодого задора своих солдат и сильно поредела в огне пулеметов и снайперов, под обстрелом артиллерийских орудий, танков и штурмовиков. Тщетно товарищи пытались отыскать друг друга в постоянно меняющих свой состав подразделениях и частях. В ответ на расспросы только и можно было услышать: «погиб», «пропал без вести», «в тыловом госпитале» или «больше не вернется, потерял обе ноги».

Мы знали, что наша борьба станет тяжким жертвенным путем, которым мы пошли в день солнцеворота, а



теперь находимся на оборонительных позициях в районе Демянска, с роковыми названиями населенных пунктов в его округе: Лужино, Кириловщина, Горшковичи, Красея, Михальцево и Каменная гора. Все это в сводках вермахта проходило под названием «Южнее озера Ильмень». Мы оказались там как раз в конце лета. Тогда мы пришли в деревню Горшковичи, расположенную на склоне невысокого холма. Там же встала на позицию наша 88-мм зенитная пушка, ежедневно наносившая ущерб соединениям вражеских бомбардировщиков. Легкие и тяжелые зенитные пушки были гордостью дивизии, так как они далеко опережали по числу сбитых самолетов войсковую противовоздушную оборону других дивизий.

Спустя много недель в Горшковичах я вновь повстречался с Миком.

— А ты знаешь, Шрёдель умер! — была первая фраза, которую я от него услышал.

Гауптштурмфюрер Шрёдель уже написал в свою роту, что вскоре снова вернется на фронт, но жребий выпал иначе. Во время тренировки по бегу рана в легком открылась, и он умер от внутреннего кровоизлияния. В лице этого молодого офицера мы потеряли товарища; под командованием которого мы никогда не чувствовали себя «перегретыми», который никогда не заказывал себе жаркое, когда его солдаты давились пустой перловкой, и который при всей авторитарной строгости никогда не допускал придирок.

Жертвы роты, вытащившей его, раненого, с позиций противника, оказались тоже напрасными.

Тяжелая артиллерия противника причиняла тяжелые потери. Несмотря на то что проходившая через Горшковичи дорога противником не просматривалась, в момент проезда по ней колонн снабжения по ним откры-



вался точный огонь. Было ясно, что в окрестностях деревни надо искать русского корректировщика, но найти его никак не удавалось. Наконец, подразделение радиоразведки довольно быстро и точно установило место расположения радиопередатчика противника. Он оказался в саду, поблизости от нашего командного пункта. В неприметной землянке, одной из тех, что население устраивало себе для собственного укрытия, сидел седой, всегда приветливый старый русский, у которого и был радиопередатчик. Антенна была продета в один из засохших стеблей кукурузы, росшей поблизости от его укрытия. Здесь искать корректировщика вообще никто бы не додумался. Поскольку захваченный русский был в гражданской одежде, за это он заплатил жизнью. Вообще-то, по моему мнению, он заслужил не веревки, а пули. Но меня потрясло то, что население пришло смотреть на повешение своего односельчанина, словно на ярмарочное представление.

Мы получили приказ создать на окраине Горшковиной круговую оборону, чтобы в случае прорыва русских удержать расположенный на важной высоте населенный пункт. Вместе с товарищем из Баварии на огороде мы выкопали землянку и попытались ее получше приспособить к русской зиме. Сейчас можно говорить об опасном пробеле в нашей подготовке в том, что касается простой дощатой двери, открытом очаге и тонком слое земли поверх простого наката из бревен. Но тогда еще была осень.

Со своей машиной я находился в постоянной готовности к выезду по вызову из штаба батальона. То мне приходилось везти в тыл раненого, то подвозить боеприпасы. Потихоньку я сделал собственный «нелегальный» склад боеприпасов, не учтенный полевым писарем. То же самое в своем хозяйстве устроил и повар, то



же самое делали в ротях, батальонах и полковых штабах, потому что в кризисные моменты всегда запасы превышали то, что проходило по документам.

Наш обоз, чтобы укрыться от бомбардировок противника с воздуха, разместился на местности, покрытой кустарником. Все думали, что их машины хорошо укрыты с воздуха, однако среди редких крон берез и ольхи они хорошо просматривались. Когда меня туда откомандировали, я там сидел как истребитель «в полной готовности». Если подлетало звено двухмоторных бомбардировщиков, то уже на большом удалении я рассчитывал направление их полета. Если они направлялись к нам, то я вскоре мог видеть, как открываются бомболюки. Это был самый последний сигнал тревоги. Я включал передачу и на полной скорости отъезжал в направлении, перпендикулярном линии атаки бомбардировщиков. Так мне до сих пор удавалось предохранить мою машину от воздействия бомб противника. Для этого требовалось, естественно, правильно парковать машину. Но при атаках Ил-2 такие маневры не удавались. Они прилетали настолько внезапно, что каждое движение опаздывало.

Над моей стрелковой ячейкой я построил низкую остроконечную крышу из березовых стволов и обложил ее битым кирпичом и землей. От осколков она давала надежную защиту. А от прямых попаданий мне требовалось три-четыре наката, чего делать мне было невыгодно, так как меня сюда откомандировали на короткий срок.

На мое несчастье, рядом с моей ячейкой оборудовали уборную в соответствии с планом лагеря, разработанного одним из кандидатов в офицеры (штурманном).

Штурманном был наш Франц Винер, у него была не только такая фамилия, но и на самом деле его так звали (Винер — *нем.*) венец). На гражданке он был успешным экспедитором. Что может быть лучше, чем этому испы-



танному резервисту поручить обустройство автомобильного парка, для начала хотя бы штабной роты батальона, с ближайшей целью сделать его в дальнейшем батальонным техником. Когда он для этого внезапно сделал большой шаг от штурманна до унтершарфюрера, то это произошло вполне по его понятиям. Но от этого он окончательно свихнулся.

Получив галуны, он стал подсиживать своих товарищей, прослуживших гораздо больше его, карабкаться наверх и топтать тех, кто внизу, чтобы поскорее сделать еще один шаг вперед по карьерной лестнице. Так как по простествии некоторого времени он в себя не пришел, мы перешли к делу.

У Винера была одна слабость: он брезговал сидеть с другими в сортире. Поэтому он обычно справлял нужду на рассвете. Что может быть проще, чем по обычаю Первой мировой войны подпилить лаги под полом сортира? Прошло немного времени, как появился наш надутый суперпруссак в полном обмундировании в мягком блеске своих новых галунов у «жертвенной ямы». Спустил штаны, нежно присел на белое бревно, и как раз в момент, когда он уже хотел начать извергать вчерашнее, выпучив глаза и довольно урча, беспомощно выбросил вверх руки и исчез с поверхности.

Однако изменить нам его не удалось. Он еще отпустил себе усики, чтобы и под носом походить на своего Верховного главнокомандующего. У нас появился прилежный техник, но мы потеряли хорошего товарища.

Через пару дней как из ведра полил дождь. Все, что было на колесах, оказалось привязанным к дорогам с покрытием. Через заболоченный лес к нашим позициям не было ни шоссе, ни гати. Боеприпасы и продовольствие, убитых и раненых приходилось тащить по бездонному болоту. Этим болотом отвратительно воняло



повсюду, и оно постоянно засасывало в себя все ему чужеродное: танки и машины, которые могли заехать в него, но выбраться уже были неспособны, разорванные тела солдат и трупы лошадей. Запах падали смешивался с сырым запахом леса, пороховых газов, снарядной начинки, всепроникающей гари соломенных крыш — таким был сентябрь 1941 г. в Северной России.

Поскольку при такой погоде с моим «Адлером» я остался совершенно без работы, командование назначило меня старшим команды носильщиков. Во главе со мной колонна ковыляла по лесу. Хотя мы давно проторили тропинку, нам все время приходилось проявлять осторожность, чтобы не сойти с нее и не оказаться у хорошо замаскированных позиций противника. Так мы и прыгали с одного корня дерева на другой, по возможности стараясь не наступать на обманчивый ковер мха в заболоченном лесу. Местами едва различимая тропа терялась в стоячей воде. Это были те места, куда сталинские оргбны швырнули свой грозный груз.

У «мертвого русского», оставшегося непогребенным погибшего солдата, мы всегда останавливались, чтобы передохнуть. Это было как раз на полдороги. Труп ивана давно уже был ориентиром в бесконечном лесу и совершенно нам не мешал. Три раза мы пытались заложить его мхом, так как запах его разлагающегося тела в непосредственной близости от тропы стал совершенно невыносимым. И три раза артиллерийские орудия Красной Армии снова выбрасывали его из грязи. Время личинок и червей прошло, и безжизненное тело целыми днями лежало, медленно разлагаясь, на тропе. Тысячи раз через него переступали сапоги, прежде чем оно окончательно не разложилось на солнце и не провалилось само в себя.

Сегодня мы опять в старом составе, а вчера среди нас был батальонный врач, гауптштурмфюрер. От гаупт-



штурмфюрера Кнёхляйна я получил приказ доставить его на командный пункт для вручения Железного креста 1-го класса. Врач прихорошился, для торжественного случая надел лучшую форму и начищенные сапоги, приготовившись идти с нами. Хочу сказать наперед, что мы заранее договорились так протащить его через болото, чтобы полностью испортить ему праздник награждения. Мы без предупреждения заставляли его прыгать на обманчивые кочки, плававшие в бурой болотной жиже над старыми воронками от бомб и снарядов. Он погружался в них до глубины орденских планок, а мы с ухмылкой смотрели, как он при каждом завывании снаряда плюхался в болотную жижу. Нам этот человек не нравился. Со своим швабским диалектом, вечно бледным испытанным лицом, он действовал на нас как чуждый элемент. Было общеизвестно, что в критической обстановке на его помощь можно было не рассчитывать, особенно тогда, когда он думал, что его жизнь находится в опасности. За него должны были подставляться другие, чтобы за их решительность и храбрость он символично получил награду за храбрость. Настроение солдат соответствовало этим обстоятельствам. Наши люди после невыносимых мучений и демонстрации неслыханной и ставшей уже само собой разумеющейся храбрости отправлялись безо всяких Железных крестов в могилу, а этот хлыщ через пару дней в блеске своей награды будет фланировать по Курфюрстендамму.

Когда мы, нагруженные тяжелыми канистрами и ящиками с боеприпасами, пришли на командный пункт батальона, нас уже с нетерпением ждали с пустыми котелками и флягами. Через час появился наш доктор при полном параде и полагающимся по случаю запахом шампанского, с явным ожиданием поздравлений, удивления и восхищения. Поскольку никто и не подумал их выражать, это подействовало на него несколько отрез-



вляюще. Мы освободились от тяжелого груза боеприпасов и продовольствия, а вместо него собрали пустые пулеметные ленты, чтобы дать работу обозникам с их зарядными машинками. Я собрал письма товарищей со всего батальона. Они отправятся кратчайшим путем на родину авиапочтой. Один способный ходить тяжело раненный пойдет с нами в полевой госпиталь, а трех погибших придется донести на импровизированных носилках до разрастающегося кладбища у главного перевязочного пункта. Вчера убили одного, а завтра, может быть, их не будет вообще, а так — кто его знает.

На самом деле мы уже замыслили произвести над доктором повторный обряд крещения. Но проделать такую шутку в присутствии сопровождаемых нами убитых показалось нам фривольным. Однако нашу роль приняли на себя сталинские орбны, дождь и болото.

Если мы думали, что обратная дорога с пустыми канистрами и термосами для еды будет легче, то мы жестоко обманывались. Две пары человек несли убитых, уже освобожденных нами от тяжелых сапог и привязанных ремнями от противогазных коробок к примитивным носилкам. Нам постоянно приходилось отмахиваться от роя мух, гнездившихся на их ранах. Еще шесть человек несли канистры, термосы, ящики с пустыми пулеметными лентами и «отдыхали», потому что через четверть часа наступала их очередь нести убитых. Я шел во главе с автоматом, обеспечивая охранение. В качестве груза я нес сломанный пулемет и пытался оказать носильщикам помощь тем, что отыскивал в окружающей трясине кочки понадежнее. Однако предотвратить неоднократное падение носилок с убитыми в наполненные водой воронки не удалось, потому что носильщики теряли равновесие на краю воронок и на время исчезали в бурой жиже. Единственным, нагруженным Железным крестом 1-го класса, оставался доктор.



Снова отправились в Горшковичи: осенний дождь, начинающийся в этих краях уже в августе, на некоторое время прекратился, и чувствительные к дорожным условиям обозы смогли переместиться в примитивные дома окрестных деревень. Там, где это было возможно, главная линия обороны была отведена из заболоченного леса, потому что наладить там бесперебойное снабжение частей было невозможно. При этом были заняты все высоты, обеспечивавшие круговой обзор, все населенные пункты в этом районе и соединяющие их дороги.

Теперь мы ночевали в тех хатах, которые летом считали непригодными для постоя. Наши первые землянки, построенные без опыта и надлежащего руководства, для житья оказались совершенно непригодными. После первых сильных дождей мы должны были покинуть их бегом, чтобы не утонуть.

Теперь я квартировал вместе с длинным Клееманом, водителем Кнёхляйна, настоящим берлинцем, и ординарцем командира в одной бедной и грязной хате с ее хозяевами-крестьянами. Пол был загажен и много лет не мылся. Покрытый шелухой семечек подсолнечника, он был похож на часть огородной земли. Под столом и скамейками, хрюкая, бегал маленький поросенок, каждый раз распугивая кур. На столе стоял только что научившийся ходить годовалый ребенок без штанов, сверху замотанный в грязные тряпки. Поросенок и ребенок писали, куры — гадили: животные — на пол, а человеческое дитя — на грязный стол, попадая при этом в картофельное пюре, приготовленное к обеду. «Приятного аппетита!» — вырвалось у меня. Однако Виггерль Вольварт из Юденбурга в Штайермарке заметил:

— Ну, мы же тоже несколько дней пили кофе и варили суп из воды, взятой из пруда, в котором утонул целый эскадрон казаков со своими жеребцами.

Гауптштурмфюрер Кнёхляйн, новый офицер для поручений и получивший должность батальонного адью-



танта мой доктор Грютте расположились в каменном доме неподалеку. Самый большой и важнейший комфорт у них состоял в колодце, расположенном рядом с домом, и в отличной изразцовой печи, отапливавшей четыре комнаты. Когда-то этот дом принадлежал помещику, а наш — его слугам. Мы повесили одеяла и отгородились им от русских, поросенка и кур переселили в хлев.

Целыми днями противник атаковал наши позиции, пытаясь найти в них слабое звено. Доставлять в войска снабжение на автомобиле с каждым днем становилось все труднее. Круглосуточно минометы и артиллерия противника вели огонь по опорным пунктам и дорогам. Иногда под обстрел попадали и обозы.

Однако то, что разразилось над нашей дивизией на рассвете 24 сентября 1941 года, до сих пор не имело примеров. Отдельных разрывов было уже не разобрать. Над фронтом стоял сплошной грохот. Давно ожидавшееся нами наступление противника началось. Впервые мы перешли к позиционной обороне. Хотя из допросов пленных мы знали, что готовится наступление, однако о его силе мы не имели никакого представления.

Как только открыла огонь артиллерия, я выскочил из избы и бросился в окоп под стоявший в нем укрытый от осколков «Адлер». Машина стояла под брезентом, надежно защищавшим ее от дождя. Но сейчас разрывы снарядов русской артиллерии обрушили на него тонны грязи. Если я и уцелел под этим градом снарядов, то это было просто чудо.

Но вскоре мне не захотелось, чтобы надо мной был автомобиль. Если в него угодит снаряд, то он загорится, и меня просто зажарит. Черт возьми! Выбираться мне надо из этой ловушки! Я выбрался из окопа и укрылся за защитным валом за машиной. Но когда на меня обрушились камни и земля, я снова спрятался в окопе под ма-



шиной. Убьет осколками, камнями или сгоришь — не все ли равно? Чему быть, того не миновать.

Наша артиллерия все еще молчала. То ли связь с ней прервалась, то ли она пала жертвой русских тяжелых снарядов?

И тут позади меня и надо мной завывало и протянуло по небу в направлении противника густое огненное и дымное покрывало. А потом снова завывало таким звуком, от которого кровь стынет в жилах. На широком фронте взлетели смертоносные реактивные снаряды, оставляя за собой дымный след. Их разрывы добавились к грохоту битвы. Это было оружие, тщательно замаскированное и сохраненное в глубокой тайне, размещенное на позициях позади нас и полностью отгороженное от окружающих.

А вот, наконец, бабахнуло далеко позади нас: наша тяжелая артиллерия начала обстрел выявленных огневых позиций русских. Теперь над нашими головами с гулом понеслись 105-мм снаряды наших полевых гаубиц навстречу наступающему противнику.

Когда я высунул голову из моего укрытия, чтобы посмотреть, не подошли ли иваны на расстояние, с которого они кричали свое обычное «Руки вверх!», меня почти выбросил из моей щели мощный четырехкратный залп. Ночью незаметно позади меня заняла огневые позиции батарея длинноствольных орудий, метнувших первый залп в дальнюю цель. Эх, парень, парень. А ты и не знал, что позади собрался целый арсенал тяжелого вооружения!

Хуже всего гремело сражение к северу от меня. Я со своего места еще мог видеть участок у Дубровки. Там где-то должен был воевать первым номером пулеметного расчета наш Буви. Мик сказал мне как-то, что наш товарищ пошел в пулеметчики, чтобы отличиться на этой должности. Если бы его не отделили от нас, он бы не решился на смену должности.



Где-то в небо выбросили трассы своих снарядов 20-мм спаренные зенитные пушки. Хотя в дыму горящих домов и машин не было ничего видно, то услышанное было верным знаком того, что штурмовики снова где-то над нами. Было бы удивительно, если бы они не вмешались в происходящее.

Посыльный мотоциклист в забрызганном грязью плаще бросился в мою ячейку и прокричал:

— Приказ командира! Ты должен немедленно отвезти раненых в тыл! Русские напирают с такой силой, что могут в любой момент прорваться! Поэтому раненых срочно надо вывезти с передовой! Черт, моему мотоциклу тоже досталось — осколок в заднее колесо!

Ну, вот! Быстро выскакиваю из ячейки, сбрасываю камни и землю с крыши машины. Завожу. Слава богу, мотор сразу запускается. Отправляться в дорогу в этой мешанине всегда хорошо — теряется своеобразное чувство страха, корнящееся в желудке. И прежнее удальство, с которым я уже не раз отправлялся в поездки под огнем противника, возвращается ко мне. Мотоциклист обнаружил между сиденьями бутылку «трехзвездочного» и изрядно из нее отхлебнул. А я опустошил бутылку доктора Грютте. Когда в животе теплеет, становится полегче.

Дорога к командному пункту батальона, по которой я проехал пару дней назад, вся изрыта воронками, что вынудило меня съехать в болото. Замечаю самые плохие места, которые надо будет объехать на обратном пути. Когда приехали на командный пункт, русские прорвались и захватили один из опорных пунктов. Тем не менее на передовой в круговой обороне еще держались наши люди. Мой ботаник доктор Грютте собрал всех, до кого мог докричаться, в том числе и меня, и во главе смешной разношерстной горстки с криком «Ура!» пошел в контратаку. Создав видимость крупных сил и хра-



бро применяя ручные гранаты, удалось обмануть прорвавшегося противника и выбить его с первой линии обороны. На самом деле мы значительно усилились за счет тех, через кого прорвались русские и кто остался в живых. И иваны побежали. Им еще добавил запала уцелевший пулемет, да так, что они побросали оружие и остановились с поднятыми руками. Пленных заставили отнести на командный пункт всех наших многочисленных убитых и раненых. Наши позиции снова были заняты нашими подразделениями, хотя и ослабленными. Исход первого дня сражения был решен.

Командный пункт узнать было невозможно. Раньше он располагался в укромном месте лесной чащи. Теперь вокруг из земли торчали только обугленные пни деревьев. Два блиндажа получили прямые попадания, и находившиеся в них были разорваны в клочья вместе с радиостанциями. Все телефонные провода были перебиты. Два артиллерийских разведчика были убиты. Только в штабной роте батальона в тот день было одиннадцать убитых. Штурмовики тут тоже хорошо поработали и собрали свой урожай жертв.

Раненые лежали в глубоких воронках и ждали отправки в госпиталь. Тех, кому требовалась срочная помощь, я забрал с собой в первую очередь. Двух лежачих я положил на носилках поперек машины, а двух сидячих — чтобы их придерживать, и поспешно отправился в тыл, пока на опорный пункт снова не обрушился огневой налет.

Такой маневр мне удалось совершить и во второй раз. И я только после этого заметил, что два запасных колеса пробиты. То, что пробито второе, я заметил на главном перевязочном пункте в Красее, когда переносил раненых в землянку. Хорошо, что мне удалось еще уехать оттуда, потому что вид страданий может даже настоящего солдата довести до полной потери боеспособности.



Когда я хотел уже в третий раз повторить свою поездку по пустынным дорогам и сырым от дождя полям до опорного пункта, доехать туда мне не удалось, потому что иваны все же его захватили. Командир со своими офицерами сидел на корточках в придорожной канаве и пытался выяснить обстановку.

Там, где были опорные пункты рот, еще шла ожесточенная перестрелка, но пулеметные очереди к ней уже не примешивались. Это можно было ясно услышать. Из района Лужино, дальше к северу, стрельба наших пулеметов еще доносилась, однако ее забивал треск пистолетов-пулеметов противника и выстрелы танковых или полевых пушек. Доктор Грютте поручил мне немедленно ехать назад, забрав с собой раненых и донесение для передачи в штаб полка, раздобыть и привезти боеприпасы, добавив: «Все равно как!» В ротах патროнов совсем не осталось, а связи с командным пунктом полка никакой не было.

Когда я ехал назад, то увидел, как солдаты из вермахта на дороге разгружают подбитый тяжелый грузовик с боеприпасами. В Красее я выгрузил раненых и поехал дальше на командный пункт полка с донесением, сдал его и получил устный приказ для батальона: «Продолжать удерживать позиции!» Назад поехал той же дорогой. Из Горшковичей в Красею строем шли солдаты нашего обоза: сапожники, портные, оружейные мастера, водители — из всех рот. Все, кого можно было собрать, шли на передовую. Они шли быстрым шагом по сторонам дороги. Это было лучше, чем ехать на машинах, притягивавших к себе огонь из всех видов оружия. Штурмовики господствовали над дорогами и налетали всегда неожиданно, в то время как о нашей авиации нельзя было и мечтать.

На складе боеприпасов вермахта никакой охраны. Быстро выясняю: есть все виды боеприпасов для пехот-



ного вооружения, включая снаряды для «танковых молоточков» и легких пехотных орудий. Ящики с патронами для карабинов в обоймах, «лимонки» и (какая прелесть!) снаряженные пулеметные ленты! Гранаты на длинных ручках я отставляю в сторону: они занимают слишком много места. Мимо меня проезжает штурмовое орудие. Его командир спрашивает меня, где находится мой батальон. За ним едет взвод мотоциклистов. Я прошу их взять с собой как можно больше боеприпасов. После этого я выезжаю вперед. Полностью нагруженный, я еду не быстрее штурмового орудия. Еще до ската высоты, которую иван полностью просматривает, нас уже ждали и показали, куда ехать. Подносчики боеприпасов быстро расхватали мой смертоносный груз. Меня обругали дырявой задницей за то, что я не привез минометных мин. Ладно, зато есть чем стрелять пулеметчикам.

Быстро формируются ударные группы. На место выбитых офицеров встают умелые унтерфюреры. И они идут снова на врага. Он тоже уже устал и заплатил хорошую кровавую цену за свои успехи. От моего участия отказались. Я должен был снова ехать обратно с сидячими ранеными и снова получил приказ привезти боеприпасы.

Подъехали санитарные автомобили и стали забирать тяжело раненных. Наконец-то! Они уже несколько часов лежат на сырой земле, потому что носилки использовали для отправки в тыл неспособных передвигаться.

Со штурмовым орудием во главе, охраняемым сопровождающей пехотой, наш последний резерв обрушился на удивленного противника и к вечеру отбросил его на исходные позиции. Его огромные людские потери оказались напрасными. Начиная с раннего утра скашивалась одна наступающая волна за другой, до тех пор, пока не кончились боеприпасы, включая скрытые



«запасы на черный день» каждого пулеметчика, каждого командира взвода, каждого ротного. Сквозь их позиции прорвались, но они продолжали держаться, пока не погибли, заколотые гранеными штыками красноармейцев и забитые прикладами их винтовок, погребенные под кучами мертвых советских солдат, имевших семикратное превосходство.

Это был первый день боев за Лужино, незначительный населенный пункт, ставший краеугольным камнем обороны этого участка фронта. В последующие дни и ночи натиск противника не ослаблялся. С первых часов наступление его семи дивизий поддерживалось танковой и кавалерийской дивизией. Неприятным сюрпризом для нас были большие количества его новых танков Т-34. Этот танк был способен быстро передвигаться и по труднопроходимой местности, имел надежное бронирование и мощную пушку. Он представлял собой большую опасность для наших окопавшихся стрелков и пулеметчиков. Те, кто не становился жертвой осколочных снарядов и пулемета, наматывался на гусеницы. Наша никуда не годная 37-мм противотанковая пушка была бессильна против мощного бронирования. Она еще что-то могла сделать против американского танка «Генерал Ли», представлявшего собой хорошую цель с его трехэтажной высотой и плохой проходимостью, если сама до этого не становилась жертвой двух его пушек и 12-мм пулемета.

Наша оборона становилась все более уязвимой, расстояние между окопами стрелков и пулеметчиков все больше. Если 25 сентября еще удалось снова захватить Лужино, то уже через короткое время противник обрушился на нас со всей мощью, проводя массированные атаки с большим количеством танков. Снова разыгралась та же горькая игра, что и в предыдущий день. Противник прорывался густыми, следующими из леса у Лу-



жино одна за другой цепями, подгоняемыми комиссарами, стрелявшими из пистолетов. Снова та же мясорубка, что и в предыдущий день. Наши тяжелые пулеметы накрывали цепи уже на большой дальности и скашивали их в буквальном смысле этого слова. Обороняющиеся знали, что это такое: наши враги «жгли» волну за волной. Своих павших атакующие русские использовали как укрытие и как упор для стрельбы, и атаковали дальше, пока сами не становились укрытиями и упорами. Такое использование людей представить себе было невозможно. В наших рядах крики «Санитар!» и «Патроны!» становились все чаще. Т-34 стреляли по каждому, появившемуся на открытой местности, не давая эвакуировать раненых и поднести боеприпасы. Наш новый батальонный врач доктор Бутцаль на самой передовой ухаживал за тяжело ранеными, пока при благоприятной возможности (когда враг залегал под заградительным огнем нашей артиллерии или когда он допускал вынужденную передышку) их не относили в тыл.

Тщетно наша 37-мм противотанковая пушка пыталась отбиться от нового Т-34. Снаряд за снарядом посылал наш отчаянно воюющий орудийный расчет, пока его не давили гусеницы. Только новые 50-мм противотанковые пушки, которых было недостаточно и которые находились на вооружении истребительно-противотанкового батальона дивизии, могли еще справиться с тяжелым советским танком. Еще вчера, когда началось наступление, наводчик штурманн Кристен из 15 танков в ближнем бою подбил семь и предотвратил прорыв. Сегодня утром снова десять Т-34 попытались провести за собой сопровождающую пехоту и прорвать немецкий фронт обороны. Под свинцовым градом вражеского стрелкового оружия погиб весь расчет, штурманн Кристен был тяжело ранен, оптический прицел разбит. Кристен открыл затвор, навел пушку по каналу ствола на



танк и снова подбил семь колоссов, некоторых почти в упор. Он вынудил остальные танки отступить, и атака противника захлебнулась.

Фриц Кристен, простой солдат с ефрейторской нашивкой на рукаве, остался со своим расчетом один, когда соседний пулемет расстрелял все боеприпасы и вынужден был отойти. «Противотанковая пушка из Дубровки» вошла в историю. Кристен стал первым кавалером Рыцарского креста в солдатском чине в войсках СС.

Бои продолжались до 29 сентября. Оборона и контратаки следовали друг за другом. Когда через шесть дней противник истощил свои силы и его атаки прекратились, на поле боя остались тысячи убитых. С наступлением темноты мы еще выносили раненых, которых удавалось приметить. Огромное количество истекло кровью, оставшись без помощи. Никто не обращал внимания на их крики и стоны, заглушаемые разрывами снарядов, когда целыми днями приходилось отражать атаки сильного и беспощадного врага.

В последующие дни мы постоянно беспокоили сильно ослабевшего противника своими разведывательными и ударными группами, пытались выяснить начертание переднего края его обороны, вытаскивали своих убитых из зоны досягаемости его огня. В Горшковичах, Красее и других населенных пунктах производили массовые захоронения. На кладбища поступали все новые и новые павшие. На поле боя дождь смывал с них насыпанную землю, постепенно показывались сапоги, головы или руки, указывая на то, что здесь лежит павший.

Сегодня я отвез своего профессора ботаники в Горшковичи. У соседней избы саперы готовили одно из многочисленных вспомогательных кладбищ, потому что там земля была мягкой. Там уже рядами стояли наши похоронные значки из березовых бревнышек. Пока я ждал унтерштурмфюрера Грютте, помогал саперам в их пе-



чальной работе. Некоторые из моих молодых товарищей были изуродованы до неузнаваемости разрывами снарядов, на других смертельные раны были совершенно скрыты камуфляжной расцветкой курток. Все их лица были серыми, серыми были отдельно лежащие части их тел, серой была форма, серыми запачканные сапоги, если они не были сорваны с ног.

Последний мертвый был совершенно неузнаваем. Его светлые волосы были черными от запекшейся крови. Половины лица, плеча и руки не было. Мы заботливо заворачивали погибших, как если бы они были еще живы, в плащ-палатки, прежде чем опустить их в могилу. Потом быстро закапывали, чтобы побыстрее закончить эту неприятную работу. Один сапер сунул мне в руки заготовленный намогильный знак. Он был для одного из 12-й роты. Я воткнул его в мягкую землю. И только стоя перед готовой могилой, я прочитал надпись на табличке: Зигфрид Папенфус, 12-я рота 3 пп д.СС «МГ», 25.9.1941.

Я только что закопал нашего товарища и друга. 1 августа погиб Бфифф. Наша «французская» компания развалилась. Кто следующий? Я? Мик? Три месяца продолжается кампания в России. Численность дивизии сократилась вдвое. Каждый убитый товарищ оставляет за собой выжившим пустоту, которую уже нельзя восполнить. Пусть роты «по списку» пополняют за счет вновь прибывших подкреплений, или из одной роты делают одну, но потеря остается для тех, кто выжил, невозполнимой. Остается память о товарище, так же, как о погибшем члене семьи. Нарастает страх о собственной безвестной смерти, не выраженный, ограниченный, но явный.

Рано или поздно мы тоже пойдем тем же путем. Когда? В шуме дождя, в грязи заболоченного леса, на трескучем морозе приближающейся зимы или позже, на



летнем солнцепеке? Будем ли мы уничтожены по одному мановению великих, или постепенно, медленно и беспомощно по их же велению? Где же Бог? Что есть Бог? Что есть человек в судьбе такого мира?

В то время как мы на этом участке северного фронта отчаянно удерживали позиции, в соседней полосе Группа армий «Центр» перешла в наступление на Москву. Если бы Красной Армии удалось на нашем участке прорваться в юго-западном направлении, возникла бы опасность большого окружения. Так мне сказал адъютант оберштурмфюрер Грютте.

Теперь противник перед нами был измотан и обескровлен. На нашем участке был лишь слабый шум боя. Команда с помощью русских военнопленных на нейтральной полосе складывала погибших русских в ямы и воронки и засыпала их землей. Холмиков оставаться не должно было, чтобы наступающие не использовали их в качестве укрытия. Пленные вызвались добровольно на эти ночные работы и получили такой же паек, как и мы. Их комиссары поставили перед ними задачу «добыть продовольствие у немцев», так как обозы Красной Армии могли везти только боеприпасы и оружие. Вместе с тем многие красноармейцы, шедшие на штурм нашей обороны, были сильно пьяны.

Через стереотрубу мы смотрели, как окапывается противник. Мы тоже закапывались глубже в землю и надеялись, что это будет наша окончательная линия обороны.

Начало октября ничем не отличалось от сырого сентября, но уже явно указывало на приближение зимы.

За вражеские линии обороны отправлялись разведгруппы, чтобы выяснить замыслы ивана и взять «языка». Русские продолжали придвигать людские массы к фронту. Это было заметно по новым солдатам и технике, вое-



вавшей против нас. Мы отшибали этой Гидре головы, а они снова отрастали. Американские танки «Генерал Ли» и «Генерал Грант», американские грузовики, Т-34 снова и снова появлялись перед нами. По ночам доносился лязг гусениц и шум моторов.

По показаниям пленных и перебежчиков, на наш участок подошли четыре новые дивизии, среди которых был наш «конкурент» — «Сталинская дивизия». Казалось, фронт на нашем участке замер.

Но тихие дни остались позади. В середине октября под проливным дождем мы пошли в наступление. Теперь мы познали мощь пристрельного артиллерийского огня, убийственные минные и огнеметные заграждения и действие стрелкового оружия из искусно оборудованных дзотов. Нам не удалось выполнить поставленную цель наступления. После трех дней ближнего боя у дзотов и в окопах мы вынуждены были перейти к обороне. Мы прочно сели на захваченной территории и снова окапывались. Обмундирование и снаряжение за несколько недель полностью пропитались грязью. Теперь, когда внезапно ударил мороз, они замерзли и превратились в жестяные доспехи, а сапоги раза в два прибавили в весе.

А противник дрался с небывалым ожесточением. Если мы во время контратак натыкались на солдат «Сталинской дивизии», на поднятые руки рассчитывать не приходилось. Они оборонялись до последнего и предпочитали погибнуть в своей ячейке, чем сдаться. Один офицер, такой же молодой, как и его солдаты, выхватил гранату и лег на нее, чтобы погибнуть от взрыва. Эта гвардия — и она заслужила такое наименование — явно отличалась от того противника, которого мы встречали раньше. Ее выделяла не только храбрость, но и внешний вид. В каждом из этих молодых солдат угадывался будущий офицер. Грубые неотесанные черты лица, прису-



щие большинству виденных нами красноармейцев, отсутствовали совершенно. Нельзя было их недооценивать и ставить себя выше их, так как этих «примитивных» отличала невероятная жесткость по отношению к самим себе, связанная с максимальным отсутствием потребностей и сопротивляемостью всем тем лишениям, связанным с ведением войны, боевой обстановкой и природными условиями, влияющими на человека.

Напротив, наше здоровье из-за того, что мы неделями не снимали с себя нашу промокшую одежду, сильно пошатнулось. Больных с признаками сыпного тифа становилось все больше. Сменить их на передовой, чтобы они могли привести себя в порядок, подлечиться, помыться, сменить белье, выстирать и высушить обмундирование, из-за высоких потерь было невозможно. У многих от простудных и кишечных заболеваний возникло недержание. Они так и ходили в полностью обгаженных штанах. Мы стали похожи на заросшую, грязную, вонючую, залитую дерьмом орду. Но это было лучше, чем вернуть противнику однажды завоеванное.

Моя машина, ставшая совершенно бесполезной на этой обледеневшей грязи, продолжала стоять в укрытии, в то время как я участвовал в действиях разведывательных и ударных групп, нес караульную службу в окопах или помогал вытаскивать из зоны огня раненых и убитых, которых потом отвозили в тыл на полугусеничных машинах.

Наконец-то прибыло пополнение из Рейха. Это были еще молодые добровольцы, поступившие на службу в войска СС. Однако они могли лишь частично восполнить потери. Их хватило только для того, чтобы постепенно сменять постоянно сидящих в окопах солдат, чтобы те смогли пройти санитарную обработку, сменить обмундирование и отдохнуть.



После отражения попытки прорыва русских войск и нашего перехода в оборону на замерзшей местности на нашем участке фронта стало значительно тише.

Это значит, что мы, как и прежде, лежали в окопах под градом бомб вражеской авиации, отражали попытки русских ударных групп нащупать слабые участки в нашей обороне, перерезать наши линии телефонной связи, прятались от снарядов и мин противника, слушали разлагающую пропаганду, которую противник вещал через громкоговорители на прекрасном немецком языке, обещавшую хорошее обхождение с пленными и перебежчиками, еду, крымское вино, женщин и самое главное: жизнь и возвращение на родину. В полосе соседней 30-й дивизии противник подстрекал теми же средствами против нас: «Вы, храбрые солдаты вермахта, истекаете кровью на фронте, в то время как эсэсовцы едут в отпуск, чтобы по заданию Гиммлера оплодотворять ваших жен для воспроизводства нордического пушечного мяса. Вы голодаете, тогда как ваш паек отдают в качестве дополнительного пропитания эсэсовским убудкам. Не давайте этому продолжаться! Вы тоже имеете право на отпуск, общение с женами и пропитание!»

И так — каждый день.

На деревьях еще кое-где сохранилась листва, когда начались первые снегопады. Уже в конце октября термометр показывал минус десять градусов. Грязь под ногами превратилась в камень. Все водители должны были следить за тем, чтобы их машины не вмерзли в грунт, чему способствовали перепады температуры.

Мы снова стали строить зимние землянки. К тому времени мы уже кое-чему научились. Саперы не могли работать за всех. Они еще иногда занимались тем, что при слякотной погоде строили гати из бревен, чтобы обеспечить движение по дорогам весной. Все свидетельствова-



ло о том, что мы надолго останемся на достигнутых позициях, и это было для нас хорошо. Это бы внесло снова порядок и организацию в наше снабжение.

Михальцово — маленькая точка между находящейся на дороге к Красее и находящейся по ту сторону Каменной Горы у теперешней линии фронта. Доктор Бутцаль, в то время унтерштурмфюрер СС и батальонный врач, его санитар унтершарфюрер Ваннер с помощью пленных советских солдат приступили к строительству зимней землянки.

Сначала мы целый день жгли огромный костер на размеченной площадке между развалинами домов. После того как оттаял верхний слой, мы начали кирками и ломami разбивать землю и вынимать ее лопатами из ямы 4 на 4 метра. Я был постоянно с добровольными русскими помощниками, наблюдал за ними и работал вместе с ними. Они получали такое же пропитание, как и мы, для них было большим преимуществом быть командированными к дивизии. За ночь дно ямы снова замерзло. Но наученные горьким опытом, мы еще вечером вырыли в дне глубокие узкие шурфы, в которые утром заложили ручные гранаты, которые подорвали взрывом еще одной гранаты. Благодаря этому удалось хорошо разрыхлить землю.

После нескольких неудачных попыток мы построили землянку отчасти по русскому образцу, отчасти по немецкому практичному разумению. Землянка была сделана в три наката из тщательно подобранных бревен, наматы были пересыпаны слоями земли. В обозе мне удалось «организовать» большой кусок трофейного брезента, который мы положили сверху на земляную насыпь для защиты от дождя.

С помощью пленных я начал складывать большую печь. В то время как снаружи в большом котле разваривали глину, чтобы скрепить ею добытые в руинах дере-



венских домов кирпичи, в землянке подрастала моя первая конструкция. Это была комбинированная печь — спереди помещалась большая топка с плитой, добытой в разрушенном доме, а за ней — многоходовая печь двухметровой высоты. К Рождеству мы закончили последние работы по сооружению нашего жилища. Доктор Бутцаль и Ваннер пригласили пленных к столу. Пока они пробова-ли с ними разговаривать по-чешски, они смогли поесть досыта и получили еще еды с собой, когда я отводил их в охраняемую землянку. Потом мы попробовали провести первую топку, которая, к моему разочарованию, совершенно не удалась. Каждый раз пламя вырывалось из топки наружу и наполняло землянку дымом, пока санитар не догадался снаружи сунуть в трубу комок горячей бумаги. Тогда возникла тяга, печь растопилась и раска-лилась плита. Почти торжественно мы поставили на нее котелки, наполненные снегом, и стали наблюдать за его превращением в воду. До сих пор мы были вынуждены разогревать все на открытом огне снаружи. Это можно было делать только днем, вечером на костер обычно сразу же слетались «подарки» с другой стороны. Втроем мы стояли вокруг нагревающейся печи и радовались как дети тому, что можем уже не мерзнуть на улице. Ранняя зима принесла нам уже температуру ниже 30 градусов. Ну и что такого, что наша печка дымила изо всех швов и делала похожей нашу землянку на сауну? Три наката бревен, толстая дверь, утепленная тряпьем, отделяли нас от ледяной ночи, а ясный огонь в топке не давал нам больше замерзнуть. Чего еще не хватало нам?

По случаю сочельника сегодня выдали маркитант-ские товары: шнапс, вайнбренд, сигареты и шоколад. Как стемнело, подъехал тягач с полевой кухней, в кото-рой было великолепное свиное жаркое с гарниром. Раз-дали рождественскую почту. Мне пришли письма от ма-тери и от Эрики.



Чехословакия, Польша, Франция, Советский Союз. Куда еще забросят наши войска? Из узкого круга моих товарищей вырвало уже двоих. Бфифф лежит уже далеко позади в Уторгоши, а Буви в двух километрах за мной в Горшковичах. Где приютился Мик в эту рождественскую ночь? Где-то гремит артиллерия. Фронт продолжает действовать и в эту ночь. Дальше к юго-востоку наши товарищи воюют в излучине Волги при тридцатиградусном морозе и пурге. А мы можем сидеть в земном лоне, в нашей землянке, под тремя накатами бревен и у теплой печи.

После Рождества температура постоянно снижалась. Сильный ветер нес кристаллики льда, и с открытыми глазами ходить было невозможно. Нам противостоял новый противник — зимняя ударная группа, хорошо обученная, вооруженная, стойкая и жесткая, как сталинская гвардия. Ее солдаты атаквали днем и ночью на лыжах, неприметные в своих маскировочных халатах.

Советы своевременно позаботились о своих солдатах. Валенки, ватные штаны и телогрейки, меховые рукавицы и шапки, лыжи и сани были их стандартным оснащением. Оружие их тоже хорошо стреляло на морозе. А мы без зимнего обмундирования лежали в наших ледяных пещерах. На летние шинели мы набрасывали одеяла, словно накидки в армии Наполеона. Через до смешного тонкие шерстяные перчатки продувал ледяной ветер. В окаменевшие от мороза сапоги мы закладывали газеты. Единственной пригодной частью обмундирования на таком холоде были шерстяные подшлемники, на которых у рта постоянно нависали сосульки.

Мороз пробирал до костей. Наброшенные одеяла деревенели на морозе. На затворах замерзала даже жидкая смазка. После первого выстрела пулеметы без-



надежно клинило. Серая полевая форма на белом снегу делала из нас великолепные мишени для противника. С горечью мы признавали неспособность руководства.

Разнесся слух, что рейхсфюрер СС Гиммлер приедет на фронт. Я бы его с большим удовольствием поводил бы по заболоченному лесу.

Насколько мы уважали своих фюреров, настолько мы не любили Гиммлера. Причина этого заключалась не в последнюю очередь в том, что одно время нас заставляли охранять концлагеря. А его мы считали за это ответственным.

— А он что, будет здесь гулять в черном летнем пальтишке? — спросил нас доктор Бутцаль.

— И завернутым в «Фёлькишер беобахтер» вокруг живота, — добавил Ваннер.

Ужасный мороз способствовал быстрому сокращению снабжения войск. Казалось, что мы надолго сели на сушеные овощи и сыр в тюбиках. Поддерживать машину на ходу становилось все труднее. Аккумулятор приходилось хранить у теплой печи. Но даже с помощью заводной ручки он с утра не смог завести мотор. Со свечой всю энергию на себя забирал стартер. Жидкого зимнего моторного масла не было. Только с большим риском разведя огонь под картером, можно было рассчитывать на перспективу запустить мотор. Последствием этого было неизбежное сжигание изоляции и короткие замыкания проводов. К несчастью, из-за этого вышел из строя «Мерседес» командира, и он ухватился за меня с моим «Адлером». Поэтому я стал часто бывать в Демянске — маленьком городке южнее нашего района обороны. На самом деле это местечко на Валдайской возвышенности было «задницей дивизии». В нем сидели все службы: командный пункт дивизии, колонны снабжения, ремонтно-восстановительная рота, хлебопекарная рота



и колбасный завод, госпиталь, лазарет для военнопленных, короче все, что на солдатском немецком обозначается словом «сзади».

Слух, что «там у них сзади есть женщины», подтвердился. Чтобы «экономить солдат», некоторые штабы брали на работу в качестве уборщиц русских девушек.

К моему удивлению, у тыловиков я увидел то, чего не было на передовой: пожертвованные населением на родине теплые вещи и лыжные костюмы. Когда командир дивизии узнал, как «распределили» «зимнюю помощь», он приказал в каждом полку создать специальные команды, которые действовали внезапно и безжалостно, даже против старших офицеров, снимая шерстяные свитера и меховые тужурки прямо с тела отсуживающихся в тыловых бункерах «обозных прислужников».

При следующей раздаче мне достался теплый шерстяной пояс — мелочь, но какая радость для человека! И какая жалость была, когда я в тот же вечер почувствовал, что пояс для героя за несколько часов превратился в пучок скрученных ниток, в котором с удовольствием могли гнездиться только гниды и вши.

Кстати, о вшах: они стали мучительным и небезопасным бичом. Пока находишься на морозе, это насекомое ведет себя смирно, но когда приходишь в тепло землянки, начинаются невыносимые укусы. От дивизионного командира до «рядового Задницы» существовала единая гимнастика: обнять себя обеими руками в области груди и растирать ее круговыми движениями, в зависимости от стадии, быстрее или медленнее вокруг героического сердца. Такое занятие приводит бойца в нарастающий экстаз и часто кончается тем, что страдалец в бешенстве срывает с себя одежду и начинает ловить крошечных мучителей. А по слухам, в лазарете для военнопленных началась эпидемия желтухи.



На передовой стало сравнительно спокойно. Разведгруппы (как русские, так и немецкие) вели разведку. Чтобы отличаться от противника в наших новых маскировочных халатах, на плечи мы нашивали черные полосы. И, несмотря на это, каждый раз приходилось долго всматриваться, прежде чем открыть огонь по замеченному на снегу солдату. Под завывание пурги не всегда можно было расслышать пароль, и вот в ночь на Новый год случилось это свинство. Разведгруппа не смогла вернуться на исходный пункт, так как пороша замела следы от лыж. Группа вышла на позиции соседнего полка, но не смогла ответить на пароль, ее приняли за русскую и почти полностью скосили хорошо пристрелянным замаскированным пулеметом. Оставшимся в живых мы оказывали помощь у себя в землянке, прежде чем отправить их в госпиталь.

Мы втроем жили очень дружно. Леня нашего доктора из Брно постепенно начала передаваться и мне. Он был настоящим «разложенцем боевого духа», и его «неестественный» конец был предсказуем.

Как-то раз в поисках чистого снега для воды я свалился в неприметный колодец и не мог из него выбраться. На крик никто не отвечал, тогда я начал стрелять вверх трассирующими пулями, чтобы привлечь внимание. Когда меня наконец нашел доктор Бутцаль, он, недолго думая, стянул с себя брюки, приказал мне забросить наверх карабин, снял с него ремень, привязал его к штанине и опустил мне эту конструкцию вниз. С помощью доктора, карабкаясь по стенке колодца, мне удалось выбраться наружу. При этом ремень карабина так сильно затянулся на штанине, что сразу его развязать не удалось. Доктор без всякого стеснения в белых кальсонах и стальном шлеме ходил по ходам сообщений между землянками мимо некоторых офицеров корпус-



ной артиллерии вермахта, забавлявшихся внешним видом этого редкостного вояки. При этом не хватало только взаимных воинских приветствий.

В ночь под Новый год, в 24 часа дивизия выполняла тяжкую работу. Канониры у своих орудий, экипажи танков и штурмовых орудий, расчеты реактивных минометов, стрелки и пулеметчики ждали начала Нового, 1942 года. Ровно в ноль часов с наших позиций сорвался короткий огневой шквал. От него иваны побежали, охваченные паникой, далеко в тыл, как позже рассказывали пленные.

В первые дни 1942 года я получил письмо от родителей Буви. Оно прилагалось к маленькой посылке, которую я должен был получить к Рождеству. Сильный мороз и занесенные дороги задержали ее прибытие. Эта рождественская посылка была собрана с такой любовью, как будто предназначалась для собственного сына.

Я написал родителям Буви о его смерти. После шокирующего похоронного извещения, отправленного командиром роты, это были строки, которые хоть как-то их успокаивали. Это было первое Рождество, которое они отмечали с сознанием того, что их светловолосый единственный сын уже никогда не вернется с этой войны. Они смотрели на фотографии, которые я им отправил — их сын в виноградниках во время беззаботного времени оккупации во Франции, Буви — мотоциклист под Лугой в заляпанном грязью плаще, и могила Буви с точным указанием ее местонахождения. Саперы как всегда образцово оформили место захоронения.

Сколько незаметного мужества потребовалось от матерей и отцов с осени 1939 года! Сколько горя и отчаяния принесли им постоянно приходящие известия о смерти! Алтарь фатерланда велик, и одинокая жертва теряется в оргии массовых смертей. Потом, после



войны, подсчитают, зарегистрируют, занесут в статистические таблицы и, может быть, составят доклад, оценивающий жертвы. Но сегодня матери на родине молятся: «Сделай так, чтобы война прекратилась! Сделай так, чтобы они вернулись домой!»

На входе в землянку пришлось делать вторую дверь. Холод стоял ужасный: минус 45 градусов! Тепло из землянки выходить было не должно, потому что там размещались раненые и обмороженные. Приходилось выходить на мороз в поисках дров в развалинах деревни, а потом пилить их — хорошая возможность согреться в летнем обмундировании. Так, постепенно, Михальцово и Каменная Гора исчезали в печах нашего батальона.

Дни нового года отличались необыкновенной красотой искрящегося снега, которую можно наблюдать только на бескрайних просторах России.

У ивана что-то происходило. Кое-где на фронте было беспокойно. Попытки нащупать слабое место в нашей обороне, шум моторов, доносившийся из глубокого тыла по ночам при благоприятном ветре, появление все новых батарей противника и показания захваченных разведчиками пленных заставляли нас быть настороже.

Ваннер как раз оперировал русского военнопленного, извлекая из его спины пулю из пистолета-пулемета, вошедшую в грудь. Раненый сидел на табурете посреди землянки, за ним сидел Ваннер и делал скальпелем крестообразный разрез в том месте, где пуля угадывалась по маленькому бугорку. При этом он разговаривал на чешском языке с тяжело раненым, чтобы отвлечь его и что-нибудь узнать о противнике. Уже вскоре наш санитар взял пинцет и вытащил пулю из спины. Русский, даже не поморщившийся во время всей этой операции, сам рассказал нам о своих боевых буднях. Он сильно голодал, все транспортные средства были задействованы



командованием под перевозку боеприпасов, а им говорили, что пропитание они вскоре захватят у врага. Такой важный для нас ответ на вопрос «Когда?» был ему неизвестен.

Прошла первая половина морозного января. В два часа ночи, сменившись с поста, я брел в землянку. На фронте было почти по-мирному тихо. Я пришел в землянку, снял шинель и шлем, отогревшись в «подарке с родины» вши сразу же впились в тело. И тут мне пришло в голову, что надо снять аккумулятор с машины. Черт возьми! Может же она до рассвета остаться на месте! Меня ждал куль соломы и теплые одеяла. Однако я все же вылез из-под них и вышел на мороз. С сознанием выполненного долга всегда спится легче.

Когда я подошел к машине, то все вокруг озарилось красным светом. Казалось, что крики доносятся из-под земли. Густой дым и языки пламени вырывались из землянки по соседству. Я разбудил доктора и Ваннера и бросился туда, откуда доносились крики и вырывалось пламя. Я остановился перед лазом в землянку, из которого шел вонючий дым и вырывались языки пламени, как из ада. Залить их не было возможности — воды не было. Сквозь них не мог бы прорваться ни один человек. Но я все же попытался. Пыхнувший мне в лицо жар опалил брови и волосы. Крепкая рука схватила меня за ворот шинели и вытащила из дыма. Ваннер накричал на меня и обозвал дураком. На следующее утро, когда бункер выгорел, но еще дымил, мы вытащили оттуда восемь скрюченных обугленных трупов и разложили их на снегу.

Толстые искусно связанные соломенные маты, придававшие этой землянке особый комфорт, и одна упавшая свеча отправили всех ее жильцов в ад. Разбуженные огнем, в густом дыму никто из них не смог найти выхода. Все они задохнулись и сгорели.



За завтраком мы молчали. Запах горелого мяса, гари и крики товарищей не оставляли нас. К тому же я упрекал себя: выйди я на пару минут раньше к машине, я, может быть еще смог бы им помочь.

И еще одно: ни миномет, ни артиллерия иванов не сделали ни единого выстрела, хотя Михальцово хорошо просматривается русскими артиллерийскими наблюдателями, и они не могли не заметить пожара в землянке. Это было необычным для них и не предвещало для нас ничего хорошего.

КОТЕЛ ПОД ДЕМЯНСКОМ

Разрывы артиллерийских снарядов вырвали нас из сна. Это был не беспокоящий огонь, который вскоре прекращался. Это началась массивная артиллерийская подготовка к давно ожидавшемуся наступлению противника.

Мы соскочили с нар и приготовились. Снаружи обрушились еще стоявшие руины Михальцево, и в них загорелось то, что еще могло гореть. 172-мм снаряд ударил поблизости, угрожая вырвать нашу «крепость» из земли. Выструганная из толстых досок внутренняя дверь влетела в землянку, пропуская за собой клубы пыли и порохового дыма. С потолка через треснувшие балки посыпалась земля.

Ваннер начал выбрасывать за дверной проем налетевшие куски мерзлой земли, а я по почти завалившемуся ходу полез наверх, чтобы посмотреть, что с моим автомобилем. Остатки двух кирпичных стен, между которыми я ставил машину, во вспышках разрывов показались мне еще целыми.

С большим трудом мы подняли тяжелую дверь и навесили ее на временные петли. Доктор Бутцаль развел посильнее огонь, чтобы вскипятить побольше воды и нагреть выстуженную землянку. Когда сверху рвались снаряды, из всех щелей печи вырывались густые струи



дыма, выталкиваемые ударной волной, бившей через трубу. Когда прямое попадание русского миномета потрянуло блиндаж и просыпало порцию земли через балки потолка как раз в котелок Ваннера, он пробормотал только: «Милости просим!»

Под тремя накатами бревен мы себя чувствовали защищенными. Разнести их могли только снаряды тяжелых 172-мм русских гаубиц, да еще тяжелые минометы, разрывы мин которых оставляли в мерзлом грунте воронки, в которых мог бы поместиться маленький домик.

При свете дня огонь стрелкового оружия тоже стал нарастать. Противник перешел в наступление! Снова «спокойные» деньки остались позади. Эти первые часы 8 января 1942 года стали началом борьбы не на жизнь, а на смерть в невиданных до сих пор условиях.

С того происшествия в ночном лесу под Уторгошью мы знали, что попавшего в плен солдата СС не ждет ничего хорошего. В лучшем случае — после обычных допросов — пуля в затылок у следующего штаба. Другие варианты тоже заканчивались только одним, правда, набор жестокостей у них был различным.

Жестокость не происходила только из менталитета противника — она была еще и продуктом пропаганды, представлявшей солдата с черепом на фуражке беспощадным убийцей детей, насильником беззащитных женщин. Несколько дней назад советский самолет сбросил листовки с фотографией солдат из «Лейбштандарте», маршировавших по Ростову с грудными детьми, насаженными на примкнутые штыки карабинов. И поэтому действовал лозунг: «Никакого прощения солдатам с рунами на каске, даже раненым!» Для наших товарищей из вермахта был, по крайней мере, хоть какой-то огонек надежды на выживание в плену. Хотя и их раненых тоже добивали.



Такой была наша дрянная война, которую мы вели на Востоке и о которой мы еще пели с юмором висельников: «...лет через сто все пройдет!»

Когда я приходил в нашу землянку, меня все чаще отправляли с ранеными в Крассею на главный перевязочный пункт. С 8 января от задач не было отбоя — раненых в тыл, боеприпасы на передовую. Моя машина была как дуршлаг от пробоин. Мощь огневой подготовки противника через пару дней ослабла. Она уступила место кратковременным огневым налетам. Противник с большим численным превосходством атаковал наши позиции. Боеприпасов снова не хватало. Необходимое количество на передовую доставить не удавалось. Артиллерийский огонь противника достал до складов боеприпасов и продовольствия в глубоком тылу, и они сгорели. Холод стоял убийственный. Первое время раненых можно было укрыть в уцелевших избах, но противник систематически своим огнем уничтожал все строения, чтобы выгнать нас всех на мороз.

После четырех суток непрерывных поездок меня на пару часов для сна подменил Клееман, водитель командира.

Ночью меня разбудил батальонный адъютант оберштурмфюрер Грютте, мой профессор ботаники:

— Крафт, немедленно подготовьте автомобиль. Вы поедете с командиром. Его «Мерседес» вышел из строя. В семь часов быть готовым к выезду. Русские прорвались севернее нас и в полосе 123-й дивизии и уже находятся в 60 километрах позади нас. Наш район обороны принимает вермахт. Мы отправляемся в Ульяново или что-то вроде того. Игры в пожарную команду, как и раньше.

Такие новости сорвали с мест не только меня, но и всех, кто ночевал в землянке. Самые ужасные прокля-



тия, какие только могли исторгнуть солдаты, полетели в воздух. Легкораненные должны были идти пешком по морозу в тыл, пока их где-нибудь не примут. «Легко раненым» считался всякий, кто еще мог идти, даже если у него не было рук. А мы должны были идти куда-то маршем, чтобы предотвратить распространение прорыва противника и создать новую линию фронта. Проклятие, и это все при морозе минус сорок!

Обстановка была достаточно отвратительной: между озером Ильмень и верховьями Волги десять обескровленных немецких дивизий должны были противостоять шести армиям противника. Далеко выдававшаяся на северо-восток дуга фронта железно оборонялась нашей дивизией. Но южнее, по промерзшему на два метра озеру Селигер и на северо-западе, через озеро Ильмень, берег которого с осени обороняли лишь немногие опорные пункты, хлынул поток наступающей Красной Армии на лыжах, танках, аэросанях.

Пока я возился с машиной, разогревая воду и масло, офицеры в легких шинелях, пытаюсь согреться, прыгали вокруг меня. Теплая одежда была только у командира, получившего посылку от родных из Мюнхена.

Тем временем прибыла часть вермахта, сменившая нас на позициях, которые теперь были заняты плотнее — хороший знак, вселявший надежду.

Пока я заводил машину, замерзшие офицеры отправились пешком на сборный пункт батальона. Из остальных подразделений докладывали, что тоже пока не могут завести машины. Первые подразделения собирались передо мной на дороге и отправлялись пешком в Баляевщину.

Из нашей землянки я забрал свои скромные пожитки, погрелся чуть-чуть напоследок у плиты, забрал с собой вещи доктора и Ваннера, сложил их в багажный ящик.



Русские начали атаковать, а мотор все не запускался. Противник уже занял наши прежние позиции у Каменной Горы и открыл огонь из танковых пушек по нашему Михальцово, находившемуся выше.

Мимо меня в панике бежали солдаты с криками: «Танки, танки!»

Наконец мне удалось завести машину, и, несмотря на неразбериху на дорогах, к вечеру 13 января мне удалось снова присоединиться к моему батальону.

Наш новый район обороны находился теперь в маленькой, но важной деревушке южнее озера Ильмень и западнее реки Ловать. Я встал на постой в одной из бедных крестьянских хат, а машину поставил в пристроенный к ней хлев. Нашему батальону здесь удалось отбросить прорвавшегося противника и занять позиции вдоль дороги. «Больше ничего не случилось». Лишь наши погибшие лежали в пустом хлеву, дожидаясь, когда земля в погожий солнечный день сможет принять их. Они лежали кучей, так, как их сложили. Шинели серого полевого цвета замерзли и стали как камень. А мертвые лежали так, как умерли: один с широко раскинутыми руками, другой скрючившись так, как он был ранен в своем окопе, а потом замерз. Запачканный кровью голый живот сверкал в темноте. Сапог, из которого торчало голое колено и кусок бедра, лежал сверху. Может быть, в день погребения разберутся, кому он принадлежал, а может, это было всё, что осталось от солдата. Вчера еще они длинной колонной проходили мимо меня, пока я в Михальцово безнадежно пытался завести замерзший мотор и ехать с ними. А они отпускали в мой адрес едкие шутки. Один еще заносчиво бросил мне лимонку: «Лови! Пригодится вместо шпор!» Молодой парень лежал у самой деревянной стены, через щели которой ветер гнал снежную пыль, покрывшую ему волосы, брови и ресницы, придав ему вид Деда Мороза.



18 января 1942 года, мороз подбирается к 50 градусам. Эта русская зима беспощадна. Пулеметы теперь стоят не на позициях, а в иглу. И из-за сильного мороза их выносят только тогда, когда противник действительно атакует, то есть тогда, когда иваны в своих белых маскхалатах уже стоят у дверей.

Все наше внимание приковано к автоматическому оружию. Если оно откажет, то при девятикратном численном превосходстве противника дело наше будет безнадежно, и нас порежут как скотину. Часовых меняем каждые полчаса. Лишь столько времени человек может выдержать в нашем негодном обмундировании на таком морозе. Если есть возможность достать вторую шинель, то мы носим две. Снимаем их с убитых товарищей, пока они еще теплые. Но трупы на морозе коченеют так быстро, что не всегда удается раздобыть эту спасительную одежду. Многие преодолели себя и носили ватные куртки и валенки, снятые с убитых красноармейцев. Носить прекрасные русские меховые шапки, защищающие уши, было запрещено. А поверх ватной куртки надо было обязательно носить немецкую шинель.

Теперь, когда заметало дороги, я возил боеприпасы на санях, впрягая в них худую старую лошадку. Таким транспортом теперь обзавелась почти каждая рота.

20 января потеплело. Было всего 30 градусов мороза. Это обстоятельство использовали для того, чтобы вывезти на трофейном грузовике убитых в тыл, где саперы оттаяли и с помощью взрывчатки отрыли братскую могилу, в которой и погребли окоченевшие трупы.

Последовали три ночи, когда мороз опускался до минус шестидесяти градусов. Термометр находился на артиллерийской позиции неподалеку от нас. Когда на батарее как-то открыли заградительный огонь, снаряд разорвался в стволе первого выстрелившего орудия, при этом погиб почти весь расчет. Из-за этого было ре-



шено во время сильных морозов отказаться от артиллерийской поддержки.

Противник перерезал все наши коммуникации. Его лучшие вооруженные силы от озера Ильмень прошли по долине реки Ловать с целью объединиться со своими войсками, воюющими по ту сторону Ловати, и замкнуть котел под Демянском. Русские атаковали и перемалывали нас со всех сторон.

В первую ночь февраля мы осторожно отошли с дороги Старая Русса — Холм и перешли в находившиеся на западном берегу Ловати Черенщицы. Этот марш мы проделали по снежной пустыне с большим трудом, забрав с собой всех раненых и автомобили. Нам пришлось обходить населенные пункты и тащить машины мимо них буквально на себе, пока не удавалось снова выйти на проезжую дорогу. На последнем участке пути нам пришлось пробиваться к защитникам Черенщиц, которые нас дружески приветствовали. Теперь мы соединились с главными силами, находившимися в котле, и смогли передать раненых на главный перевязочный пункт.

8 февраля русские далеко позади нас перерезали дорогу, которую удавалось до сих пор оборонять. Это была последняя связь с внешним миром. Котел оказался закрытым.

Мы стояли в 80 километрах впереди главной линии фронта, словно волнолом, о который бились в семь-девять раз превосходящие нас силы противника. Продолжалась в буквальном смысле слова убийственная зима. Дивизии больше не было. Ее остатки получили гордое название «боевые группы». Включая тыловые части и подразделения, в «котле» с 300-километровым фронтом оказалось почти 100 тысяч человек. Прежние роты к началу образования котла, несмотря на имевшиеся возможности снабжения после сражения под Луж-



но, насчитывали лишь половину от положенной численности.

Продовольствия стало еще меньше, хотя повара пустили в дело свои «черные» запасы, сделанные за счет погибших. С самолетов сбрасывали продовольствие. Но ветер часто относил их к русским позициям. И наоборот, русские самолеты сбрасывали нам русские продукты: хлеб, воблу, сухую колбасу.

В моем маленьком карманном календаре сохранилась запись: 2 февраля. «Выход из Ульяново (правильно: Еваново) на Черенщицы». 6 февраля написано просто: «Бой под Кулаково».

Сплошной линии фронта больше не существовало. Отдельные боевые группы обороняли свои опорные пункты вокруг деревень. Как-то раз, отвозя раненых в тыл, во время пурги я заблудился и заехал к русским. Мне встретился их обоз, я выехал на их позиции, но помахал рукой их артиллеристам, и меня приняли за своего. Потом развернулся и по следам своего же автомобиля вернулся назад к своим.

Наш суточный паек состоял теперь из 400 граммов хлеба, столовой ложки мармелада, искусственного меда или сыра в тубиках, 25 граммов масла или маргарина. Голод преследовал нас днем и ночью. На таком холоде голодный паек становится еще чувствительнее. Несмотря на такое количество еды, находились некоторые, способные разделить ее на три «приема пищи». Я к ним не относился. Лучше один раз поесть посытнее, пусть даже потом голодать целый день. Мы охотились на все — кошек, собак, сорок, ворон, зайцев. Мы воевали, голодали и замерзали, но ни разу не было случая воровства продовольствия у других. Помощь и вера в товарища — это основа успеха наших войск.

Среди нас все больше было убитых, раненых и обмороженных. Защитников в кольце оставалось все мень-



ше. Противник постоянно атаковал. Это была просто бойня. Наш новый MG-42, имевший скорострельность до 25 выстрелов в секунду, колотил и колотил по массам наседавших с криком «Ура!» красноармейцев.

Если у меня не было заданий на поездку, я с товарищами лежал в карауле у пулемета «гитлеровской пилы» — как окрестили его враги. Все, что нам удалось добыть из оружия в бою, мы использовали в обороне. Патронов к русским пулеметам и автоматам у нас было больше, чем наших. Наши доставлялись к нам самолетом. Ребята из истребительно-противотанковых подразделений заменили вышедшие из строя 37-мм противотанковые пушки на советские 45-мм. Отразив ночную атаку, мы выползали в нейтральную полосу и стягивали с убитых солдат противника валенки, маскхалаты, телогрейки. Запрет на ношение русских меховых шапок тоже обошли. С тех пор как мы разжились меховыми рукавицами, снятыми с убитых русских, — обмороженных рук у нас не стало. Я лично предпочитал оставаться в немецком барахле.

Даты моего календаря перемешались. Но это все равно. Была вторая половина февраля, я постоянно стоял в дозоре у пулемета на дороге Калиткино — Демянск, за мной находился хлев, наполненный убитыми и замерзшими. На другой стороне дороги стояла наша трофейная русская противотанковая пушка. До сих пор работы у нее было мало. Из тыла котла танки нас пока не атаковали. Поэтому пушку для ведения огня поворачивали в разные стороны, позиция это позволяла.

Из тыла к нам приближаются двое саней с сеном. При ясной видимости четко вижу в бинокль лошадей перед санями. Предвкушаю, как обрадуются наши клячи, когда получат вместо гнилой соломы с крыш душистое сено. Сдавленный крик вырывает меня из мечтаний. Расчет на другой стороне улицы разворачивает пушку и направля-



ет ее на сани. Зарядили первый снаряд. Командир орудия медлит, высматривая что-то в стороне от снежного холма в стороне от приближающихся саней.

— По вторым саням, четыреста. Огонь!

Моя первая мысль: «Ему что-то показалось!» Первый осколочный снаряд ударил в сани и сорвал с них стог сена. Оказалось, что это вовсе не сани, а легкий танк с 45-мм пушкой и пулеметом. Выпущенный им снаряд со свистом пролетел над нами. Я смотрю на пушку. Расчет, словно единый организм, действует за ее щитом. От второго попадания вражеский танк разлетелся на части, загорелся и дымил до следующего утра.

Внимание командира орудия, крестьянского сына из Баната, привлекли подозрительно свободно висящие построшки «саней». Он не дал захватить нас врасплох. Две лошади, воз сена и мясо убитых лошадей были великолепными трофеями.

Находящиеся на левом берегу деревни Кобылкино и на правом берегу — Коровищино, оборонявшиеся несколько недель силами саперного батальона и дорожно-строительной роты, пришлось оставить из-за недостатка боеприпасов и измотанности людей постоянными боями в ночь с 22 на 23 февраля. Убитых похоронили в снегу, всех раненых забрали с собой. Всех их довели до Робы, пробиваясь через противника, действовавшего в нашем «тылу». Изголодавшиеся, измученные боями, эти солдаты заняли снова оборону у Кукуя, по соседству от группы Кнёхляйна, оборонявшей опорный пункт в районе Козлово, Великое Село на юго-западной оконечности «котла». Только из Робы удалось отправить тяжело раненных на полевой аэродром в Демянске.

Превосходящие силы противника прорывались в котел. После сдачи Кобылкино и Коровищино путь ему был бы свободен, если бы его не остановил гарнизон в Бяко-



во. После сдачи населенных пунктов на Ловати мы еще удерживали Кулаково, далеко впереди от нового фронта «котла», проходившего по Робье, «Вися свободно в воздухе», как сказал командир боевой группы штурмбаннфюрер Хартъенштайн. Пару недель я был откомандирован в боевую группу в качестве водителя командира, ездил для установления связи с разведывательными дозорами, провозил раненых и боеприпасы через русские позиции.

Теперь противник оседлал вдоль прямую дорогу Коровицино — Великое Село, закрывая нам сообщение с новым рубежом по Робье. Закрыто было сообщение и с полевым аэродромом в Демянске, спасительным местом для раненых и базой снабжения всех окруженных войск.

Боеприпасов у нас было пока достаточно, но врача у нас не было. На снабжение можно было не рассчитывать. Днем нас обстреливала русская артиллерия и гонялись за нами Ил-2, а ночью нас атаковали красноармейцы в свете трассирующих пуль. Между Черенщицами и Кулаково уже лежали сотни убитых. Доклады о запасах боеприпасов настораживали. Снабжение по воздуху совершенно прекратилось. Уже можно было рассчитать, когда у нас кончатся патроны и нас можно будет насадить на штыки. Нам снова удалось разжиться русскими боеприпасами для трофейных пулеметов и достать у убитых русских вяленой рыбы. Мы голодали. Давно уже нам выдавали по 400 граммов хлеба и больше ничего. Тех лошадей, запряженных перед русским танком, съели до последнего волокнца мяса, а кости выварили и начисто обглодали.

Вечером 28 февраля было принято решение оставить Кулаково и пробиться к новому фронту окружения. Ночью, во время ожесточенных атак противника, раненых положили на сани. К нашему удивлению, гражданское население еще до нашего отхода покинуло дерев-



ню и пошло к немецким позициям тем путем, которым нам предстояло пробиваться. Русские жестоко обошлись с гражданским населением деревень Кобылкино и Коровищино, из которых мы ушли шесть дней назад, потому что оно якобы помогало ненавистным «германцам». Чтобы спастись, местные жители доносили друг на друга. Как сообщал один перебежчик, целые семьи были повешены и расстреляны. Такие новости среди населения окрестных деревень распространялись с быстротой молнии.

Фактически ни один из наших опорных пунктов не смог бы держаться так долго, если бы не местное население, расчищавшее пути подъезда и ходы сообщения от снега, погибавшее при этом от налетов краснозвездных штурмовиков. Мы хорошо относились к местному населению и к пленным, если у них не было комиссарских замашек. Многие добровольцы из тех и других присоединялись к нам для службы без оружия. На то, что все они апостолами нашей расовой пропаганды были зачислены в категорию «недочеловеков», никто уже не обращал внимания.

Сараи, в которых были сложены убитые, мы подожгли — лучше огненная могила, чем никакой. Немногие оставшиеся дома заминировали таким образом, чтобы они сгорали при попытке в них войти. Колонна со всем вооружением и ранеными отправилась маршем в юго-восточном направлении. Моя задача заключалась в том, чтобы забрать два последних пулеметных расчета, своим огнем введивших противника в заблуждение и не дававших сесть нам «на хвост». Напоследок был взорван мост на окраине поселка, чтобы избежать немедленного преследования противником. Мы минировали дорогу за собой, а потом догнали своих за ближайшим населенным пунктом, из которого наш авангард почти без потерь только что выбил русских.



К следующей ночи с многочисленными стычками и остановками мы достигли Великого Села, находящегося на новом оборонительном рубеже Робы. Здесь, хотя и прерывистое, имелось сообщение с Демянском и Старой Руссой.

За последние дни «котел» сильно сжался. Силы обороняющихся таяли как снег под солнцем. От Мика я получил весточку, что он еще жив. Цигенфус залечил свою ногу в тыловом госпитале и вызвался добровольцем лететь в «котел».

— Жив, черт! — заявил удивленно Мик при нашей встрече. Он погрузил свой мотоцикл на грузовик, а теперь ездил верхом на русском мерине.

Годилово расположено в овраге. Туда отправили нас на «отдых». Там был врач, лечивший легкие ранения и обморожения. Но чаще всего приходилось иметь дело со сложными случаями, когда требовались ампутации и отправка на самолете в тыл.

Годилово — маленькая, но ухоженная деревня. Деревянные избы чистые и опрятные, как и их жители. У-2 разбомбил конюшню. К 300-граммовому пайку хлеба несколько дней теперь прибавлялась маленькая порция конины. Сразу же улучшилось настроение, и некоторым даже захотелось снова штурмовать Москву.

В соседнем доме живет хорошенькая девушка, прямо как с картинки — воплощенная женственность! Она стирает наше окаменевшее от грязи белье и штопает рваную форму, если ее об этом попросить. Мы расплачивались с ней мелочами, которые для нее имели большое значение: кусочками мыла, спичками, кремнями для зажигалок, свечами, табаком. В остальном, к большому неудовольствию наших суперменов, она оказалась очень неуслужливой. В то время как мы привыкли к русским девушкам, как к маленьким, забитым, с курносими носами на широких лицах, не всегда опрятным,



Наташа была на вид чистокровной германкой — стройной голубоглазой блондинкой среднего роста, излучающей чистоту и просто необыкновенную красоту. Ее черты лица могли приобретать повелительное выражение, если некоторые из ее желаний становились слишком явными. Мы ее боготворили. Но однажды она вместе с одним из русских «добровольных помощников» убежала в лес к партизанам.

Противник сжимал кольцо под Демянском все сильнее. Хотя нас становилось все меньше, доставляемых по воздуху предметов снабжения все равно не хватало. Артиллерия вела огонь по вызову в случае крайней необходимости только отдельными орудиями. Как мы шутили: «Беглый заградительный, два выстрела, огонь!» Движение автомобилей было максимально ограничено. Не разрешался даже прогрев двигателей боевых машин, чтобы обеспечить их боеготовность. Мы голодали и постепенно превращались в собственные тени. Убитых осколками лошадей разделявали прежде, чем из них успевала стечь кровь. Мясо не успевало провариться, как его съедали с пылу с жару. В результате многие страдали воспалением кишечника, схожим с брюшным тифом. То, что на родине в больнице лечилось при хорошем уходе почти без медикаментов, здесь в ужасных условиях окопной жизни в грязи и холоде могло просто доконать человека. Больные тоже должны были нести службу как легкораненые, и еще пока здоровые. Если бы они получали снисхождение, то сидеть в окопах и в иглу было бы просто некому. Многие из желудочно-кишечных больных так и умирали в вонючих мокрых штанах ужасной бесславной смертью.

«Самая прекрасная смерть — смерть солдата»... Что за говнюк написал такие слова? Наверняка какой-нибудь щелкопер с комплексом утреннего самоубийцы.



Противник начал предпринимать попытки рассечь «котел». Снова каждый из опорных пунктов в деревнях был окружен. Но они продолжали держаться в Великом Селе, Демидово, Калиткино и других опорных пунктах на Робье: голодные, замерзшие, больные, отчаявшиеся, отражая атаки численно превосходящего противника. Лишь с большим трудом удалось снова восстановить связь между деревнями. Радиостанции и телефонный кабель, проложенный глубоко под снегом, позволяли получать информацию друг о друге. Кодовые телефонограммы и радиограммы содержали надежду, обещания, отказы и проклятия.

Одной из боевых групп, выбитых из деревни, с Н-111 сбросили контейнер с хлебом и сливочным маслом. И то и другое — намертво замороженное. Было совершенно невозможно отковырять что-нибудь от такого богатства или хотя бы отогреть на теле. Ночью боевая группа в рукопашном бою с большими потерями снова захватила свою деревню, захваченное продовольствие, оружие и боеприпасы врага пошли на пользу победителей.

Противник хотел овладеть «крепостью» Демянск, состоящей только из тел обороняющихся, до наступления весны. Только через Демянск дорога с твердым покрытием вела на запад. Только с ее помощью можно было обеспечить снабжение советских войск, находящихся далеко позади нас. Если противнику это не удастся, то окажется, что не он окружил немецкие войска, а немцы его, так как он будет сидеть в болоте, лишенный возможности двигаться. Как-то нам это зачитали в приказе по войскам.

В середине марта в «котел» десантировались около 6 000 советских солдат, чтобы захватить Демянск. Мой батальонный адъютант времен Западной кампании Штурцбехер стал во главе боевой группы, наскоро со-



бранной из солдат обоза и тыловых служб, но она была полностью разгромлена лучше вооруженным и превосходящим по численности врагом. Однако это позволило выиграть время, чтобы организовать оборону и удерживать солдат 1-й и 4-й парашютно-десантных бригад в районе десантирования.

Внезапно мне с моим вездеходом дали специальное задание. Группа «стариков»-роттенфюреров под командованием штурмбаннфюрера Хартенсена получила задачу пробить «наружу» новый путь снабжения. Другими словами, после того как русские перерезали дорогу через Ловать у Рамушево, предпринималась отчаянная попытка незаметно для русских проложить путь снабжения по снегу.

Из 30-й пехотной дивизии нам дали трехосный тягач с оборудованием для расчистки дорог от снега. Для этой операции было выделено достаточное количество горючего и продовольствия. Наш дом в Годилово превратился в штаб проведения этой операции. Пока штурмбаннфюрер Хартенсен по карте вычерчивал наиболее подходящий маршрут, мы готовили технику. В кузове тягача установили два пулемета, на все колеса надели цепи противоскольжения. Кроме того, мы самостоятельно заготовили большое количество сухих дров. «Замороженного ребенка огонь не согреет», — прокомментировал бы Цигенбайн эти сборы. Но было не исключено, что нам придется застрять где-нибудь на много дней.

Офицер объяснил обстановку: по данным воздушной разведки, противник сосредоточил свои силы в восточной и северо-восточной части кольца окружения. Юго-восточная часть, наоборот, почти свободна от его войск. Это дает возможность поиска связи с главными силами в этом направлении.



В одну из мартовских ночей мы в сильную метель отправились в поиск. Это было авантюрное, практически бесперспективное мероприятие, «команда кандидатов на вознесение» в тылу противника. Во время совместного ужина Хартенсен сказал мне, что я снова переведен в боевую группу Кнёхляйна, но ее штаб откомандировал меня для участия в этом задании. При этом Кнёхляйн якобы сказал:

— Возьмите с собой этого хитреца Крафта, а то ему всегда удастся отовсюду возвращаться.

До кольца окружения было около пяти километров. Исходный пункт маршрута мы разведали еще днем. Без света наш тягач со снегоочистителем свернул с дороги в поле и пошел под уклон по заснеженному полю. Наша команда состояла из офицера, пятерых роттенфюреров и двух обер-ефрейторов (водителей тягача). Пулеметчики в кузове и радисты в моей машине были фольксдойче, говорившие по-русски.

Мороз спал, было «всего» двадцать градусов. Мы двигались по узкой колее, вскоре я заметил, что есть опасность забуксовать в снегу, остававшемся за тягачом. Вскоре офицер с компасом был вынужден пересечь в тягач, так как его водитель в абсолютной темноте постоянно терял направление.

Еще до полуночи мы пересекли заметенную снегом дорогу русских. Потом нам пришлось вернуться назад, чтобы поставить за собой рогатки и замести наши следы, чтобы русским не пришло в голову свернуть на наш маршрут. Около 3 часов утра мы пересекли вторую русскую дорогу. Штурмбаннфюрер принял решение на сегодня прекратить операцию, свернуть на эту дорогу и по ней вернуться в «котел». Меня это удивило. Зачем было брать продовольствия на семь дней и двух радистов в машину? В том месте мы тоже поставили рогатки.



Возвращение прошло без происшествий. С высоких мест мы видели огни горевших изб, угадывали позиции тяжелого вооружения атакующих и обороняющихся по вспышкам выстрелов в ночном небе. Это были Калиткино и Бяково, где русские изо всех сил пытались рассечь «котел».

Выезд из нашего пути был заблокирован штурмовым орудием. Добравшись до избы в Годилово, мы повалились спать на кучи соломы. Отдельные пулеметные очереди значили, что где-то крадется разведка противника. А рокот мотора У-2 не мог помешать нашему сну.

На следующий день мы отправились к исходному пункту. И я с испугом понял, что наш вчерашний путь виден издалека на многие километры. Для У-2 его сразу же определяют как «новый», выяснят, где нас лучше перехватить или поставить мины. Русских не было видно. Очень спокойное это южное направление! Штурмовое орудие казалось нам здесь совершенно лишним.

Мне пришло в голову перед выездом облить машины водой и обсыпать снегом. «Серого полевого» уже не будет заметно. Все мы были одеты в серо-белые маскхалаты, такие же грязные, как и у русских, а черные опознавательные полосы мы с них срезали еще раньше.

На темную ночь рассчитывать не приходилось. Было полнолуние. Мы выехали из котла. На этот раз я ехал впереди, а тягач шел за нами. Мы проехали первый перекресток и снова поставили за собой рогатки. Не доезжая до вчерашнего конечного пункта, мы увидели санную колонну. Сразу же остановились и укрылись за машинами. Пулеметчики на тягаче сдернули одеяла со своих пулеметов.

Сани были запряжены исхудалыми лошадаками, правили ими старые крестьяне, закутанные в тулупы. На последних санях сидела пара красноармейцев с автома-



тами. Они помахали нам рукой, мы небрежно помахали им в ответ, мы же «моторизованные», а не какая-нибудь пехота.

Когда колонна миновала, мы пересекли дорогу, заблокировали свою колею рогатками. Через час пути мы заехали в непроходимые заросли ольхи и березы, с трудом выискивая дорогу. А затем мы вдруг выехали на глубокую и широкую долину. Это была река Ловать.

— Точно пятьдесят километров по счетчику от границы «котла», господин полковник! — доложил ефрейтор — водитель тягача.

— Спасибо, я пока еще только майор, — ответил штурмбаннфюрер сухо.

Спуск был очень крутой, и машины по нему могли еще спуститься, но обратно подняться — вряд ли.

— Моя задача — найти дорогу через Ловать. Если не получится по-другому, поедем хоть через Холмё, — упрямо возразил штурмбаннфюрер на предостережение водителя тягача.

Водитель тягача оказался очень искусным. Мы съехали в долину, но оказалось, что другой берег реки еще круче. На него подняться мы не смогли. Мы поехали вдоль берега. Стало ясно, что мы можем так ехать до рассвета, однако пока не найдем дороги, подняться на берег нет возможности. Назад мы сможем вернуться только потому, что уже проложили путь. Иначе мы оказались бы в ловушке. С огорчением штурмбаннфюрер отдал приказ возвращаться назад. С большим трудом нам удалось подняться на берег в том месте, где мы с него съехали. Вся команда встала в кузов тягача, чтобы нагрузить его оси. Тягач затащивал в гору мою машину на буксире.

Лунную ночь сменил день. Но штурмбаннфюрер принял решение возвращаться днем. Когда мы подъехали к русской дороге, по ней снова шли санные колонны без охраны. Наш переводчик задержал последние сани и,



что-то объяснив в двух словах, их почти полностью разгрузил. Сани поехали дальше, мы побросали коробки и мешки в кузов и продолжили свой путь, прежде чем появилась следующая колонна. Без помех мы пересекли вторую дорогу, которой русские, очевидно, не пользовались, и вернулись в «котел». Задачу найти дорогу из «котла» мы не выполнили. Единственный успех операции: три мешка копченой колбасы, два мешка черного хлеба, мешок вяленой рыбы и коробка немецких мясных консервов.

На следующий день я повез Хартенсена на доклад к обергруппенфюреру Айке. Встреча офицеров состоялась у входа в штаб, на улице. Обергруппенфюрер устроил разнос своему подчиненному. До моих ушей неоднократно доносилось: «Не способен! Ни на что не годен!»

Не мне судить о способностях «моего» штурмбаннфюрера, однако крутизна берегов Ловати, по-моему, от них не зависела. Крутой берег был не чем иным, как продолжением границ «котла», поэтому русские и не направили сюда крупных сил. В любом случае, в связи с возрастом Хартенсена признали негодным к фронтовой службе и отправили самолетом из «котла» в тыл. Меня вернули в мою часть. Когда я представился гауптштурмфюреру Кнёхляйну и доложил об «операции», он заметил:

— Вам очень повезло, спуститься ночью в долину Ловати и подняться из нее. Ее берега населены и, скорее всего, заняты войсками. Днем бы вас точно заметили.

У входа я заметил часть нашей «добычи». После того как она оттаяла, ее распределили между солдатами боевой группы. При голоде ради такой прибавки к рациону стоило и рискнуть.

Вторая половина марта прошла без особых событий. Как-то ночью окруженные внутри «котла» советские десантники ворвались в одну из деревень. Борьба шла за



каждый дом с невиданной жестокостью. Если десантники захватывали дом, то выбить их из него было почти невозможно. Немецкие солдаты не могли рассчитывать на подкрепление и были выбиты из деревни. В том бою погиб мой доктор Бутцаль и санитар Ваннер. На следующую ночь молодой обершарфюрер — ветеран Западной кампании — после того, как в боевой группе были убиты все офицеры, принял командование и снова захватил деревню.

Теперь мы жили вместе с водителем Кнёхляйна Клеманом, который заодно с удовольствием выполнял обязанности денщика: ходил за едой, разогревал еду, сушил сухари, грел воду для мытья и готовки, стирал белье и штопал носки, короче, заботился обо всем.

— Тебе это не противно? — спросил я его как-то.

— Ну, ты, наверное, еще та задница! Я, например, знаю, что у шефа в провиантском ящике, а ты — нет и он — тоже нет, — ухмыльнулся он. — Пильц (ротный повар) никогда не рискнет выдать только командиру сегодняшние 300 граммов хлеба. Иначе он вылетит с кухни, забудет про тепло у котла и через неделю отморозит себе задницу. Тебе еще многому надо научиться, мой мальчик.

«Мой» доктор Грютте вел себя по-другому. Он сразу понял, что в денщики я не гожусь. Я бы хотел, чтобы он стал командиром роты. Он заботился о подчиненных.

Стало припекать солнце. Началась весна. Пошли слухи, что мы до наступления распутицы должны прорвать кольцо окружения и снова стать частью главной линии фронта. На северо-западе что-то началось. Промерзшая земля вздрагивала от разрывов тяжелых бомб и снарядов в пятидесяти километрах от нас. Удастся ли главным силам сломить ожесточенное сопротивление русских? Четыре лучшие пополненные дивизии с остатками нашей дивизии, оставшимися вне «котла», проры-



вали кольцо нашей блокады. Тогда дни стояли ясные и теплые, а ночами снова был мороз до 30 градусов. Потом погода резко изменилась. Началась метель, засыпавшая снегом все вокруг.

В связи с тем что давление противника ослабело, удалось установить связь между отдельными опорными пунктами, «Висящие в воздухе» узлы сопротивления были оставлены, создана сплошная линия фронта в окружении.

Как-то я вез раненых с соседнего опорного пункта и стал свидетелем атаки «кофейной мельницы» — бомбардировщика У-2. Я загнал свою машину в сарай и смотрел, как У-2 кружит над деревней, и не поверил своим глазам, когда увидел, как один из летчиков нагнулся, достал бомбу и в тот момент, когда другой убрал газ, сбросил ее за борт. От такого необычного зрелища я улыбнулся. Мы долго ломали голову над тем, почему У-2 перед бомбардировкой почти глушат мотор, для нас это всегда было командой «В укрытие! Ложись!». Летчик-наблюдатель при вибрации и толчках от пропеллера не мог выполнить точные движения и сбросить бомбу.

Через пару секунд У-2 был сбит нашей 20-мм зениткой и пошел на вынужденную. Оба летчика были с дружескими приветствиями извлечены зенитчиками из машины. Они с почетом и уважением относились к пилотам-смертникам этих медленных самолетов.

5 апреля 1942 г., Пасха. Русские после мощной артподготовки атаковали Калиткино. Удастся ли нашим товарищам выволить нас из окружения? А русские между тем начали наступать и сжимать кольцо.

После артподготовки противник внезапно атаковал нас 16 танками Т-34. Две наши противотанковые пушки были сразу же уничтожены их огнем. Они устремились в деревню. Здесь удалось забросать пять танков бутылками с горючей смесью, подорвать минами и зарядами.



Остальным танкам и пехоте удалось захватить северную часть деревни. Немецкий гарнизон охватила паника — сказалось отсутствие офицеров и младших командиров, солдаты почти бегом отступали в юго-западную часть деревни. Но тут на месте оказался оберштурмфюрер Рихтер, командир несуществующего взвода штурмовых орудий. Опытный танкист спокойно начал собирать всех отступающих, достал и раздал сигареты, один дым которых внушал уверенность. Для каждого нашелся глоток коньяка из «последнего резерва» оберштурмфюрера. Всех поделили на группы, вооружили противотанковыми средствами, и под его уверенной командой мы обошли противника с флангов и атаковали. Танковый десант смели с брони огнем из автоматов и пулеметов. Танки оказались довольно неповоротливыми и «слепыми», когда у них закрыты люки. Под гусеницы подкладывали противотанковые мины, на корму бросали бутылки с бензином. Выскакивающие экипажи становились жертвой наших очередей. Только четверем танкам удалось уйти из Калиткино. До наступления темноты мы вновь стали хозяевами деревни. Но и у нас кончились силы. Мы засыпали там, где встали, сели или легли. Ночью я очнулся на грязном полу в избе. Принесли только что подобранных раненых, которым нужно было место. Их положили у теплой печи. Я попытался им чем-то помочь. Откуда-то появилась старая крестьянка в поношенном широком пальто. Она взяла большой чугунок, насыпала в него картошки и кусочков жирного мяса с хрящами. Она почувствовала наши жадные взгляды и приглашающе поставила чугунок на стол. Каждый получил по деревянной ложке. Вместе со старой женщиной мы опустошили этот чугунок.

Сыновья старухи воевали в Красной Армии против нас.

— Война, никс гут, — приговаривала она.



Прежде чем возвращаться в Великое Село, я должен был установить численность гарнизона. Я насчитал только 40 человек. Пути сообщения между опорными пунктами в «котле» снова были свободны. Подъехали санитарные машины, забравшие раненых. Вечером в понедельник пасхальной недели я снова был в своей части.

9 апреля я получил задание заехать в тыл противника и взорвать мост на реке Робья. Мою машину загрузили взрывчаткой, дали маленькую, но тяжелую надувную лодку. Я должен был взять с собой двух добровольцев. В моей избе таких не нашлось. Один пробормотал мне из-под одеяла:

— Мой папа сказал мне, чтобы я никуда добровольцем не объявлялся, на небо ты и так успеешь.

При этом я наверняка знал, что они отказываются не из-за трусости, а из-за того, что просто не хотят вылезать из-под теплых одеял.

Пока я думал, где мне найти друзей по несчастью, отворилась дверь, и зашли два молодых стрелка. Им было, как и мне, по 19 лет, но на фронт они прибыли недавно. Доложили, что хотят принять участие в «операции».

— Вы только посмотрите на этих рвущихся в бой. Только что попали к нам в часть, а уже хотят получить Рыцарский крест, да? — слышались подначки из угла. — Приготовиться к приему боеприпасов и пудинга! И прихватите с собой термосы, а то в Сибири холодно!

Сопровождаемые подобными шутками, мы отправились на задание. Незаметно доехали до реки, спрятали машину в амбаре. Надули лодку и спустились в ней до моста, при этом двое гребли, один с автоматом в руках наблюдал за обстановкой. Охраны на мостах не было. Я поджег шнур, и мы поспешили по снежному насту на берегу назад. Оба моста взлетели на воздух.



Нельзя сказать, что на протяжении всего поиска я чувствовал себя прекрасно. Здесь все решает не храбрость и ум, а скорее везение. Повезет, если незаметно выйдешь из «котла», проплывешь по реке до мостов, у которых не будет охраны. О том, что после взрыва удастся без помех вернуться назад, я и не думал. Около полудня доложил оберштурмфюреру Грютте:

— Задание выполнено, мосты через Робыю взорваны.

13 апреля наша боевая группа вышла в район сосредоточения северо-восточнее Калиткино. Была морозная ночь, и все вокруг еще покрыто снегом. Наша задача — прорваться через Рамушево к Ловати. После полугода обороны и борьбы за выживание мы внезапно нанесем удар противнику в спину и попытаемся соединиться с наступающими извне войсками.

На рассвете стало понятно, что мы находимся у дороги в Бяково, оставленной во время сужения фронта. Началась артподготовка. Вперед пошли штурмовые орудия и самоходные противотанковые пушки, передвигаясь от укрытия к укрытию. Вскоре противник открыл по нам мощный огонь. Это была увертюра к ожесточенной борьбе за свободу. Наши главные силы наступали вдоль дороги Васильевщина — Бяково. К вечеру удалось взять Бяково. На следующий день, пока боевые группы Бохмана и Клеффнера наступали в направлении Омычкино, я и другие водители охраняли Бяково. Через несколько дней оттаявший заболоченный лес встал преградой на пути боевых машин.

Противник оборонялся с необыкновенным ожесточением, чтобы не дать нам переправиться через Ловать у Рамушево. Наступавшая вдоль дороги саперная часть вермахта понесла большие потери. Наши боевые группы смогли взять стойко оборонявшееся Омычкино, как и



«Треугольный лесок» на дороге Омычкино — Рамушево, только при поддержке пикирующих бомбардировщиков. 20 апреля, в день рождения Гитлера, наши солдаты стояли в Рамушево у половодной Ловати на фронте шириной в три километра. Гауптштурмфюрер Кнёхляйн стал штурмбаннфюрером. Нас придали боевой группе Бохмана, мы пробирались через грязь на дороге, подрывались на минах в деревянных корпусах, которые не могли обнаружить наши саперы, и добивали все еще оборонявшегося противника в «Треугольном лесочке».

Потребовалась еще неделя для того, чтобы наладить относительно надежное сообщение через пробитый коридор. На большее при понесенных потерях наших сил не хватило. По обе стороны коридора в оттаявших болотах сидели русские и обстреливали из артиллерийских орудий и стрелкового вооружения пути снабжения. Проехать по коридору было ужасным сном для водителей и раненых, покидавших «котел». И только когда «небо, задница и разорванный облачный мостик» оказывались позади, они могли надеяться, что доберутся до госпиталя.

«Коридор», обеспечивающий наше снабжение и соединение с западом, обороняли солдаты из «Датского добровольческого корпуса СС». Они показывали чудеса храбрости, противостоя численно во много раз превосходящему противнику.

Воздушный мост сохранялся. Как и прежде, Ю-52 тянули на буксире грузовые планеры на вспомогательный полевой аэродром под Демянском. По шоссе шли колонны тяжело нагруженных грузовиков, танков, артиллерии. Еще несколько дней назад я подстрелил собаку, пару ворон и сорок. Мы их с жадностью съели, чтобы хоть как-то наполнить желудки. А теперь вдруг сразу появились горы продовольствия, шоколада и алкоголя. Такое изменение вызвало проблемы с пищеварением. Появились очереди в отхожие места.



Теперь мы жили в чудом уцелевшей во время боев глинобитной хижине. От рот нашего батальона, прежде насчитывавших по 120 человек, теперь осталось по 20, несмотря на пополнения и включение в них тыловых и обозных солдат. Большая часть нашей гордой дивизии лежала убитая, замерзшая и пропавшая без вести перед Валдайской возвышенностью и в заболоченных лесах.

Нас сняли с фронта и мы ожидали пополнения. Началась обычная казарменная жизнь. Один смотр следовал за другим. Грязные полы наших домов были добела оттерты песком. Везде пахло «Купрексом» — средством от вшей. Солдаты стояли на коленях у пруда и отстирывали не сгибающиеся от многомесячной грязи предметы обмундирования, то и дело ожидая очередного «свистка» на смотр.

Жители маленькой деревни были рады, что линия фронта снова отодвинулась от них. Наши отношения с населением были как всегда хорошие. Некоторые совершенно загаженные кальсоны теперь «сверкали» первозданной белизной, благодаря умениям дружелюбных «маток». За это мы с удовольствием щедро давали что-нибудь из наших запасов.

В течение мая и июня дивизии получили пополнение из числа фольксдойче и резервистов из Рейха. Многие вылечившиеся раненые и больные возвратились назад в «котел». Боевая подготовка и сколачивание подразделений проводились в боевых условиях. До конца июня мы выполняли только легкие охранные функции, а на следующий месяц нас снова бросили в тяжелые бои.

Для помощи в выполнении моих задач мне дали в подчинение молодого стрелка. Это был 18-летний Хуго Шрок из Баната. То, что он рассказал мне при первой нашей встрече, меня очень удивило.

«Нас с другими парнями пригласили поучаствовать в спортивных состязаниях за городом. После их окончания



нам прочли лекцию о Германском вермахте, сражающемся в тяжелейших условиях. В заключение сказали, что каждый должен проникнуться сознанием того, что необходимо защитить родину от «недочеловеков» с востока. Или есть кто-то с другой точкой зрения? Естественно, никто «о другой точке зрения» в той обстановке не заявил. Поэтому все мы, недолго думая, объявили себя добровольцами и вскоре были отправлены в разные запасные части».

Я сначала подумал, что ослышался. Спросил подробности, но к другому результату не пришел. Значит, вот такие, наши «добровольцы» из Баната. Несмотря на это, они оказались хорошими парнями и хорошо выполняли свои обязанности. Но те, кто оказался в вермахте, а не войсках СС, вытянули более счастливые билеты.

На севере «котла» опять начались бои. Противник пытался выбраться из болот, а для этого ему нужны были «наши» дороги. 13 июля мы вышли из Великого Села и разместились в районе Сорокапенно, в деревне, которая во время осенних боев запомнилась нам чистотой своих деревянных домов. Там было бы неплохо остаться, но 16 июля нас в качестве «пожарной команды» бросили в бой под Бяково, где противник всеми силами пытался ворваться в «котел» и овладеть дорогами с твердым покрытием. Уже через день мы оказались под огнем его артиллерии. Наскоро оборудованные позиции были сровнены с землей, огневое крещение наших парней оказалось ужасным. Ключья их тел были разбросаны вперемешку с разнесенными в щепы бревнами перекрытий их землянок. Только что покрывшийся листвою березово-осиновый лес превратился в поле, утыканное обугленными остовами стволов, в которых нельзя было укрыться от налетов штурмовиков.

Начались затяжные бои, продолжавшиеся несколько дней. После взаимного истощения сил наступил пере-



рыв. Мы приступили к созданию новых полевых укреплений. Землянку для штурмбаннфюрера Кнёхляйна построили саперы — четыре наката бревен, а на них — слой земли в человеческий рост. Внутри — перегородка, отделяющая спальню от рабочего помещения, стены обшиты березовыми бревнышками, печка, сделанная из металлической бочки, свет от аккумуляторов. Водитель Клееман продолжал работать как денщик, обслуживая своего шефа. Как-то я сказал ему:

— Стираешь, шьешь, готовишь еду, а на ночь поешь колыбельные?

— Обязательно! Все сделаю, а потом получу Железный крест. Первого класса!

— Не думаю, — я его подзадоривал, но мы друг друга хорошо понимали.

— Сто процентов! А ты пролетишь как фанера. Грютте тебя представлял к ЖК за твои многократные поиски и разведку на территории противника, разведку дорог и прочее. Старик отклонил: «За что? С ним же ничего не произошло?»

Позднее у меня было время обдумать этот разговор. И тогда: «Возьмите с собой Крафта, этого хитреца. Он отовсюду возвращается». Почему «хитреца»? Я еще никогда не разговаривал с командиром. Только получал приказы и докладывал о выполнении.

Из-за потерь я был назначен посыльным и должен был всегда находиться у блиндажа командира. Между посылками Клееман взял меня в оборот и просил ему помочь в его делах. Такие дела мне были ненавистны. Я бы еще сделал бы что-нибудь для адъютанта — «моего ботаника», но этого не требовалось. Я как-то сидел на краю воронки, наполненной коричневой водой, и фильтровал эту жижу через полевой фильтровальный прибор для командира по заданию командира взвода связи.



Фильтр уже был забит, я его не менял, и он цедил по капельке, пока не появился Клееман. Он сразу же поменял фильтрующий элемент, вода потекла, и он поспешил заготовить ведро теплой воды «для омовения ног» своего шефа.

Потом мы получили задачу приготовить для офицеров батальона и приданной артиллерии, выделенной для нашей поддержки, 50 тостов и сделать аккуратные бутерброды. Клееман гаркнул только офицеру для поручений свое:

— Слушаюсь, через десять минут будет все готово.

Мы аккуратно нарезали кусочки хлеба, а Клееман обдал их огнем из паяльной лампы, так что они приятно подрумянились. Потом намазали их ливерной колбасой, плавленным сыром и искусственным медом. Бутерброды подозрительно пахивали бензином. «Наверное потому, что хлеб везли в бочках из-под бензина...»

Пока я был при блиндаже, у меня была возможность изучить штурмбаннфюрера Кнёхляйна. Его тип совершенно не отвечал нашему пониманию офицера СС. Его можно было бы принять за ученого, если бы не резкий командирский голос и подчеркнуто хладнокровные действия в трудных ситуациях не выдавали в нем командира. Стыд или жалость при достижении им какой-либо цели были ему чужды. В полку его считали дельным офицером. Однако подчиненные, в том числе и офицеры, придерживались другого мнения, так как, с нашей точки зрения, быть человеком и офицером — не одно и то же. Не нашлось бы никого, кто бы пошел в огонь и спас бы его ценой собственной жизни, как это было с тяжело раненым командиром роты гауптштурмфюрером Шределем, когда его вынесли с русских позиций. С тех пор как Кнёхляйн стал командиром 1-го батальона 3-го пехотного полка, я все время был при его штабе, и лишь изредка бывал в своей 12-й роте 3-го полка



(в 3-м батальоне). А потом меня снова откомандировывали к Кнёхляйну (по-видимому, по его настоятельной просьбе). Может быть, то, что я был свидетелем бойни в Парадизе и стрельбы по беззащитным французским женщинам, заставляло его получить меня в свое подчинение? До сих пор я думал, что он про меня забыл. Но постоянные задания и бои, которые по своей природе совершенно не дают шанса остаться в живых? При этом я был прикомандирован только к 1-й роте его батальона, а не к штабу. Мои рапорта на отпуск постоянно отклонялись, хотя в отпуске я не был три года. Моя грудь была «девственно чиста» и я не имел ни единой награды, чего, честно сказать, я стыдился. Потому что даже солдаты обоза заслуженно носили Железные кресты за храбрость в бою.

Что можно рассказать о последующем времени? Мне надоело делать записи в моем карманном календаре. Нового ничего не было: постоянные бои, смерть, потери хороших друзей, атаки и отходы.

В начале августа на узком участке фронта мы перешли в наступление. Удалось расширить коридор и вернуть утраченные зимой позиции. Могил по краям дорог становилось все больше.

Один раз я с оберштурмфюрером Грютте чуть не попал в плен. Мне повезло с большим трудом развернуть машину в занятой противником деревне и уехать под огнем русских. В другой раз ночью, когда наше подразделение расположилось на отдых, по нам внезапно открыла огонь вражеская артиллерия. Наверное, мы были замечены кавалерийской разведкой.

Потом мы провели налет на артиллерийскую батарею противника. Захватили пленного и штабные документы. Некоторое время мы занимали оборону под Бяково. Жили в палатках. В качестве огневой поддержки исполь-



зовали две трофейные противотанковые пушки. 29 августа получил ранение в живот «доброволец» из Баната Хуго Шрок. Через день он скончался в лазарете. Тот спортивный праздник на его родине оказался роковым.

Русские начали широко применять против нас четырехмоторные ночные бомбардировщики. Мелкие бомбы с них сыпались так не прицельно и не регулярно, что казалось, будто экипаж бросает их как уголь в топку, поэтому самолеты эти мы называли «углекопы».

Однажды ко мне в землянку заявился Мик. Это было как раз во время артналета. Вместе с ним мы ждали, что каждый следующий снаряд пробьет перекрытие землянки. Мик все еще был посыльным в 3-м батальоне.

Он сказал мне:

— А Кнёхляйн крепко взял тебя в аренду.

В перерыв между обстрелом я сбегал в блиндаж к Клееману и принес полбутылки коньяка, которую мы с ним и «уговорили», вспоминая былые дни во Франции, Буви и Бфиффа, пока не послышался окрик:

— Посыльный из 3-го батальона!

Убитых теперь хоронили у позиций в мелких могилах. Тащить их по гати не было никакой возможности. Раненых с большим трудом удавалось доставлять по болоту в безопасное место. Сначала для каждого погибшего копали отдельную могилу. Но потом стали их просто складывать в воронки и засыпать.

Шли сильные дожди. Вода была повсюду, затопляла окопы и блиндажи, стояла по колено в ходах сообщений, а в некоторых стрелковых ячейках — по грудь. Началось то же, что и прошлой осенью. Многие заболели лихорадкой, стали страдать недержанием. Ночью от разлагающихся трупов советских солдат на нейтральной полосе распространялся ужасный смрад. Советские снаряды в который уже раз выбрасывали из могил останки



наших солдат. И нам приходилось снова и снова, извиняясь перед прахом, сваливать их в воронки и засыпать. Наш опорный пункт давно уже называли в полку «позиция мертвецов».

После атаки штурмовиков противник перешел в наступление и прорвался к командному пункту батальона. Вместе с резервной «ротой» мы остановили его и отбросили до его собственной дамбы. При этом мы уничтожили гранатами два увязших Т-34.

Вернулись отпускники. Однако они не могли достаточно восполнить потери. Я отправился в блиндаж к саперам, где вернувшийся из отпуска земляк, отец четверых детей, обещал мне рассказать о новостях на родине. Я пришел к землянке под проливным дождем, зашел в нее, и тут же вышел наружу по внезапной нужде, из-за того, что замерз. Очнулся лежащим между остатками стволов деревьев. Товарищи разбирали рассыпанные бревна наката блиндажа. Случайный отрикошетивший снаряд 76-мм пушки попал в блиндаж саперов, где находился запас ручных гранат и мин. Все это взорвалось в момент, когда я из него вышел... Слух и способность говорить ко мне постепенно вернулись. Я долго не мог написать цифру «3» и потерял способность запоминать некоторые моменты, из-за чего стал попадать в неприятные ситуации.

Дальше продолжалась ежедневная смерть в грязи и дерьме. В течение двух суток на черничной поляне лежал раненый в живот парень и просил пить и медленно умирал. Не было никакой возможности вытащить его оттуда, потому что вокруг него окопались русские.

Неделю пролежал в землянке, постоянно кивая простреленной головой и никого не узнавая, молодой штурманн, пока не умер.

Наш «старикан», худой Барним, получил извещение с родины о том, что его жена, две дочери и сын были за-



сыпаны и задохнулись в бомбоубежище. Он выскочил из траншеи и бежал в сторону русских позиций до тех пор, пока пулеметная очередь не отправила его к родным.

Реактивным снарядом, выпущенным с Ил-2, оторвало по колено обе ноги фольксдойче Шумахеру. Когда его тащили на носилках из березовых жердей, он все кричал нам, чтобы мы позаботились о его ногах. Но они лежали уже где-то в грязи. Его даже не успели донести до батальонного перевязочного пункта. Его безногое тело скатили в одну из воронок, служившей теперь братской могилой. Сверху бросили пару лопат болотной грязи. Писарь в блиндаже вывел очередное: «За фюрера, народ и фатерланд!..»

Нас уже давно должны были сменить на позициях. Была поздняя осень. Опять пришлось идти в атаку. Теперь остатки батальона должны были отвоевать более благоприятные позиции для сменяющих частей вермахта.

Солдаты вермахта заняли наши позиции, чтобы мы могли спокойно отойти. Полковник сменяющей части посмотрел сквозь кустарник на изготовившихся солдат нашей части и спросил командира «этого взвода». Ему ответили:

— Господин полковник, этот взвод — наш батальон.

В 1-м батальоне 3-го полка дивизии СС «Мертвая голова» снова насчитывалось около 40 человек.

СОЛНЦЕ В НОЯБРЕ

Через «мостик неба, задницы и рваных облаков» остатки нашей дивизии вышли из «котла», погрузились в Старой Руссе на поезд, получили последний «привет» от вражеских штурмовиков. Туманным утром мы прибыли в Ригу и через час уже проходили санитарную обработку. Наконец-то теплый душ и возможность сбрить старую грязную бороду. На выходе из душа выдавали чистое белье. Тем временем все наши вещи проходили через газовую камеру, чтобы вытравить вшей, а обмундирование — через химчистку (судя по запаху). Негодные предметы обмундирования заменяли новыми.

Нетерпеливое ожидание в вагоне эшелона: лишь бы быстрее выехать из прифронтовой полосы. Любой прорыв противника, как это часто бывало, отменит отправку на переформирование. Наконец-то мы почувствовали легкий толчок — прицепили паровоз. И опять ждем. И лишь когда наступило утро, мы поехали дальше: Латвия, Литва, Восточная и Западная Пруссия: нам никто не говорил, куда нас везут. Слухи были разные. Сухого пайка выдали на четверо суток, значит, большую часть пути мы уже проехали. Когда поезд проехал по мосту через Рейн, мы поняли, что конечная станция уже недалеко. Из Франции мы выехали, во Францию и вернулись. «Мы» — это те немногие, выжившие в этом походе.



В Ангулеме в Южной Франции мы вылезли из вагонов и выгрузили наши машины. Я и не думал, что вижу свою машину в последний раз. Даже напоследок не провел рукой по растрескавшемуся лобовому стеклу, по многочисленным пробоинам по бокам. Она мне служила как верное животное: тысячи километров по пыли, грязи, болотам, гатям, в жару и мороз. На ней я отвез Бфиффа к последнему месту упокоения. Сколько страху я натерпелся, когда на ней ехал в санной колонне русских! Я бы с удовольствием сказал ей: «Ах ты, моя любимая дрянная телега!»

Через два дня я отправился в отпуск. Запись в календаре: Мон Моро 12.40, Мюльхаузен 07.00, Линц 14.00. Прибытие: Вайдхофен 18.00.

По пути от вокзала к родительскому дому я преодолевал разочарование и готовился смириться с реальностью. Поскольку ожидать, что я вернусь живым, не приходилось, родители моей несостоявшейся невесты посоветовали ей уступить напору перспективного студента. Что это было? «Недолгая первая любовь»? Романтическое увлечение? Во Франции и России письма Эрики для меня значили очень много. Я всегда перечитывал их в тяжелые минуты и радовался мысли о том, что когда-нибудь встречу с ней. О более глубоких причинах происшедших изменений я не догадывался.

Я отправился в Штайр, где прежде служил мой отец. В рабочем поселке Мюниххольц я после долгих поисков нашел дом. Окно на первом этаже было открыто. Настольная лампа освещала удобное помещение. Седая пожилая женщина убиралась в квартире, прежде чем отправиться на работу на военный завод. В ней я узнал свою мать. Без слов она заключила меня в объятия.

Серый мрачный ноябрь я провел в доме деда, откуда мой отец в качестве младшего сына был отправлен «в люди», чтобы вести независимую жизнь строителя-



предпринимателя. Находившееся под жестким руководством моей тётки и ее мужа хозяйство было признано властями в качестве учебного и образцового. Наряду с великолепно организованным полеводством, растениеводством и скотоводством усадьба сверкала снаружи и внутри благодаря заботливым рукам практиканток.

Я приехал как раз на празднование именин одной из практиканток. Я наслаждался жизнью, сидя возле теплой кафельной печи в кругу девушек, одетых в праздничную одежду, слушая, как тикают старые часы, сознавая, что не будет никакого обстрела русской артиллерии, налета Ил-2 с их реактивными снарядами, никакого «ура!» и никакого Кнёхляйна. Жизнь была снова прекрасна!

Возвратился с охоты хозяин с горой дичи. Мы сидели с ним во главе стола в «женском царстве». В тот вечер я познакомился с Элизабет — прекрасной блондинкой, в которую сразу влюбился.

Дни отпуска в крестьянском доме пролетели мгновенно, еще несколько дней я провел в доме матери. Дом ее был пуст: мой старший брат воевал в рядах горных стрелков на юге России, 16-летний младший брат учился в авиационно-технической школе в Мюнхене, а отец, воевавший во время Первой мировой войны сапером под Адамелло, тоже воевал в России. В доме осталась только мать с нашей маленькой сестрой.

Огневая мощь рот была значительно увеличена: каждый стрелковый взвод получил два ручных пулемета MG 42, стрелки получили специальные насадки на стволы карабинов для стрельбы противопехотными и противотанковыми винтовочными гранатами. Батальоны получили 50-мм противотанковые пушки, 120-мм минометы, 75-мм пехотные орудия, собранные в «тяжелую роту». С 9 ноября наша дивизия получила наименование 3-я мотопехотная дивизия СС «Мертвая голова».



Моя новая машина была выпущена на заводе «Шкода»: с мягкой подвеской, не такая грубая, как был мой старый добрый «Адлер», тихо работающий мотор, никаких хлопков из глушителя, ни царапинки на свежем лаковом покрытии. Но если бы было возможно, я бы сразу променял ее на мой простреленный «Адлер» со всеми связанными с ним воспоминаниями.

Моему товарищу Клееману так и не удалось уехать живым из России. Он задержался в Старой Руссе, был накрыт атакой штурмовиков и умер во фронтовом госпитале. К моему неудовольствию, водителем командира стал я.

В начале января меня назначили инструктором вождения. Я учил молодых солдат водить транспортер «Опель-Блиц». Мы изъездили все окрестности, изучили старые городки с такими приятными названиями, как Коньяк и Барбекью. Франция была прекрасна с первыми весенними днями в начале января! Я получал регулярно письма от Элизабет.

В начале февраля молодые водители сдали экзамены. Моя группа была лучшей, потому что я был единственным инструктором, учившим на практике длительным ночным маршам.

Прошли смотры и проверки на пригодность к боевым действиям в Африке. Я получил африканскую униформу. Почему бы и нет? Пусть посылают куда угодно, только бы не в Россию.

В эти дни завершилась драма в Сталинграде. Все жертвы солдат оказались напрасны. Наблюдая за происходящим по сводкам вермахта, мы понимали, что там отказал не солдат, что в гибели 6-й армии виновно высшее командование, неправильно оценившее обстановку, и что оно несет ответственность за эту кровавую драму.



Катастрофа под Сталинградом повлияла на обстановку на всем юге Восточного фронта. Мы должны были сдать нашу африканскую форму и получить новое зимнее обмундирование. Широкие брюки на вате, подбитые мехом куртки, обшитые кожей валенки, теплые рукавицы и шерстяные шапки. Наши машины были перекрашены в белый цвет. Со дня на день мы ожидали приказа на погрузку. Где при таком ходе войны мы теперь должны будем втыкать в землю наши могильные кресты?

В середине февраля 1943 года я на своей машине стоял во главе батальонной колонны у северного выезда из Мон Моро. Взглянув на колонну, я в некоторых машинах видел моих бывших учеников. В тот час я не думал, что никого из этих парней не останется в живых.

В Ангулеме мы погрузились в эшелон и снова отправились в неизвестность.

ЗИМНЕЕ СРАЖЕНИЕ ЗА ХАРЬКОВ

Мы давно уже оставили позади приветливые деревни Тюрингии и Баварии, пульсирующие в военной лихорадке города Восточной Германии, проехали Катовице, Перемышль и Львов. Теперь стало ясно, что мы едем на южный русский фронт. Мы стали недоверчивыми, так как со времен весенних приказов 1941 года «о маршах к нефтяным полям Персии» мы отвыкли думать о простых ходах.

В Киеве мы пересекли Днепр по много раз залатанному мосту. Получили предупреждение о партизанской опасности. Эшелон с боевой техникой, шедший впереди нас, был пущен ими под откос и частично разграблен. С тех пор как мы уехали из Франции, все вокруг нас снова стало белым.

17 февраля поезд остановился. Внезапно мы оказались под огнем минометов и пулеметов. Из леса показались сани, запряженные лошадьми, на которых на нас неслись партизаны, желавшие разжиться легкой добычей. Под огнем наших пулеметов им не удалось не только приблизиться к эшелону, но и вернуться в спасительный лес. Через некоторое время поезд продолжил движение.

После столкновения с партизанами наше напряжение постоянно нарастало. Навстречу нашему эшелону, едва тащившемуся на восток, стали попадаться сначала



мелкие, а потом и более крупные группы безоружных немецких солдат. Наши призывы никакого дружеского отклика не встречали:

— Поворачивай, камрады! Вам надо в обратную сторону! Вам надо собраться и снова наступать! Задача — идти на восток! — кричали мы, высокомерно посматривая на побитых сверху вниз.

— Да вы уже через сутки бегом побежите на запад! — с запальчивостью кричали они нам.

Конечно, и мы отходили бы перед численно превосходящим противником, но никогда бы не бросили оружие. То, что мы видели под насыпью, — было психологическим влиянием Сталинграда. Потеряв веру в оружие и командование, они уже не могли и не хотели быть тем, чем прежде был Германский вермахт.

В ходе тяжелых боев русские взяли Харьков. Наряду с соединениями сухопутных войск под командованием генерала войск СС Пауля Хауссера его обороняли 1-я и 2-я мотопехотные дивизии СС, которые до нас были оперативно отправлены сюда из Франции. Обергруппенфюрер СС Пауль Хауссер не выполнил многократный приказ фюрера «удерживать Харьков до последнего человека» и, уступая многократному превосходству противника, оставил город, когда он был почти окружен. Лишь благодаря сознанию личной ответственности этого офицера был предотвращен еще один Сталинград. Когда его вызвали в ставку фюрера, его отказ выполнить приказ был ему прощен.

Наша 3-я дивизия СС должна была занять оборону по соседству с дивизиями СС «Лейбштандарте Адольф Гитлер» и «Рейх». В полдень 19 февраля наш эшелон медленно подходил к Полтаве. На аэродроме неподалеку последние самолеты покидали взлетную полосу. Ког-



да город был уже виден, по вспомогательным рампам мы выгрузили технику с поезда. Машина за машиной, танк за танком длинная колонна в полном порядке вошла в Полтаву, важнейший транспортный узел. Наши солдаты совершенно не обращали внимания на явления разложения в бегущих войсках. «Старики» говорили «молодым»:

— Такое уже было. Это быстро проходит.

Мы разместились на квартиры далеко от Полтавы в маленьком городке с чистыми ухоженными деревянными домами. Его жители оказались довольно приветливы и помогали нам чем могли.

Ветер доносил канонаду. Через несколько дней мы покинули район сосредоточения и приступили к повторному захвату Харькова.

Контрудар наших трех дивизий, имевших повышенную огневую мощь, оказался совершенно неожиданным для русских. Вместо ожидавшейся верной победы их войска оказались в многочисленных окружениях, которые последовательно привели к уничтожению наступавших советских войск.

В ходе непрерывных маршей я не мог записывать даты и населенные пункты. На второй или третий день вечером в глубоком снегу сломалась машина. Штурмбаннфюрер Кнёхляйн и другие пассажиры пересели в другой автомобиль, так как при плохой видимости они не могли отстать от колонны главных сил. Я остался один. Вскоре метель замела все следы. Зажав между ног каталитическую печку, я пытался согреться в машине и внезапно уснул от переутомления.

Проснувшись от холода в утреннем тумане, я увидел, что ко мне приближаются три всадника. Я соскользнул из машины в снег и открыл по ним из карабина такой огонь, как если бы стрелял целый экипаж машины. Всадники быстро ретировались.



Вскоре я обнаружил соседей. Рядом со мной стояло саперное подразделение, взявшее своей машиной на буксир тяжелое орудие. Обстановка была неясной. Мы были на холме, слева доносилась канонада. Но куда нам ехать, было совершенно непонятно. На своем пути мы могли встретить не только немцев, но и советских всадников, и автоматчиков на санях, которые в глубоком снегу были гораздо подвижнее нас.

Пока мы заводили машины, канонада усилилась, при этом она постепенно перемещалась. Стало ясно, что бой ведут подвижные войска.

— Внимание! Танки противника! — крикнул молодой гренадер и прыгнул в укрытие.

— Дело, парень, занимайся, делом, — успокоил его «старик».

Поставили на позицию орудие, зарядили 150-мм снаряд. Из тумана лязг гусениц приближался прямо к нам. Противник или наши? Командир расчета поднял руку. Танк навел пушку на нас.

— Наши танки! — донесся крик, и мы поднялись из укрытия. После недоверчивой заминки люки танка открылись, стальная машина поехала к нам. Там и здесь — лица с улыбками облегчения. Стоило отказать нервам, отсутствие дисциплины в расчете или в экипаже, и дело не обошлось бы без жертв.

Командир экипажа рассказал о происходящем за пеленой тумана. Наша дивизия ночью прорвала фронт наступающего противника и окружила его.

Когда туман рассеялся, позднее мы увидели весь размах произошедшей в долине трагедии. Огромные колонны мчались, мешая друг другу, на запад и на восток. Танки, сани, грузовики наезжали друг на друга, в то время как с высот вокруг немецкая артиллерия вела по ним убийственный огонь. Напрасно Т-34 пытались вступить в бой. С более высоких укрытых позиций они сразу



же уничтожались. Это было уничтожение противника, потерявшего управление и впавшего в панику. Мы постоянно выстреливали белые опознавательные ракеты, чтобы не попасть в мясорубку, так как оказались между нашими войсками и противником.

Пока поблизости полыхал ад, среди нас оказался 12-летний парнишка. Может быть, он принял нас за красноармейцев и решил к нам прибиться. Мнения по поводу того, что делать с ним, разошлись. Я вместе с большинством считал, что его просто надо отпустить. Другие хотели его на время задержать и разобраться с ним. Наконец победило большинство, в основном «старики». Мы показали ему, чтобы он исчез как можно быстрее. Из моего энергичного «Давай, Давай!», он, конечно же, понял, что должен побыстрее уматывать. Когда он отбежал уже метров на сто и оглянулся, выстрел бросил его на землю. У меня было такое чувство, будто попали в меня. Стоя немного в стороне, я почувствовал, что взгляд этого парнишки устремлен прямо на меня. Второй выстрел добил его, уже сидевшего на снегу.

Один из резервистов, наверняка сам отец семейства, крикнул на стрелявшего:

— Это что, действительно было необходимо, унтер-шарфюрер?

— Маленький иван наверняка был разведчиком красноармейцев. Если бы он убежал к своим, они бы быстро сделали из нас жаркое.

Был ли это беспощадный закон войны или хладнокровное убийство? Для меня — это было ненужное беспощадное убийство мальчишки. Можно было просто махнуть ему, чтобы он вернулся назад. Как ни суди, мальчику уже ничем нельзя было помочь. Он лежал в снегу в своей бедной одежонке, лицом к солнцу. Зачем я крикнул ему, чтобы он убегал? Разве я не думал, что может так получиться? И почему я, здесь самый старо-



служащий, еще не унтершарфюрер, и должен принимать к сведению то, что решают другие?

Тем временем удалось завести и трехосный тягач. Я поехал по его колее. Кругом — канонада. На кого мы наткнемся? На своих или врагов? Во второй половине дня мы отыскиали нашу часть, которая вела бой. Бой, или, вернее, исход побоища, был предрешен. При наших минимальных потерях противник потерял убитыми и ранеными многие тысячи.

Сначала мы наносили удар в юго-восточном направлении. Погода становилась лучше, дело шло к русской весне. Мы двигались по замерзшей болотистой местности. Новый офицер для поручений, как и доктор Грютте, с высшим образованием, офицер-резервист старшего возраста (ему было лет 35), как обычно, получал рискованные задания по разведке дорог и просто разведке. Как я быстро понял, унтерштурмфюрер Герр со своим молодым водителем были совершенно не способны их выполнять.

Когда наша дивизия наступала по двум расходящимся направлениям, крупные силы противника отходили на восток рядом с нами, позади нас и перед нами. Унтерштурмфюрер Герр получил задачу установить связь с танковым авангардом дивизии СС «Рейх», наступавшей южнее нас в северо-восточном направлении. Расстояние между нами было приблизительно 30 километров. Район между нашими соединениями был не разведан. Я не завидовал ни офицеру для поручений, ни его водителю.

— Поедете с Крафтом! — услышал я разговор Кнёхляйна с офицером для поручений. Да, значит, он снова решил подставить меня. Переставляя на другую машину знак командира батальона и перекладывая его вещи, я подумал, что так все и должно быть. От адъютанта док-



тора Грютте мне удалось добиться, чтобы с нами отправили переводчика — фольксдойче Мельдера.

Мы выехали около полудня. День был пасмурный и туманный. Дорога — хорошо укатанной. Тент с машины я снял, чтобы офицер для поручений мог время от времени вставать и осматривать окрестности.

Мы давно уже проехали тридцать километров, но не видели ни противника, ни наших. Несколько раз над нами пролетал У-2. Следов боев тоже не было. Через два часа пути мы наконец встретили в небольшой деревне авангард 2-й мотопехотной дивизии СС «Рейх». С момента полученной нами информации дивизия ушла далеко вперед, поэтому так долго мы не могли ее встретить.

После того как на карты были нанесены населенные пункты и ориентиры и выяснено последующее направление наступления, к вечеру мы отправились назад. Усилился гололед, и я вынужден был снизить скорость, чтобы не вылететь в придорожную канаву, из которой мы бы без посторонней помощи не выбрались. Через час совсем стемнело. Офицер для поручений не слишком разбирался в карте и полагался на только что нанесенные ориентиры. Я предпочитал ориентироваться по компасу, солнцу, опросам жителей и, на обратном пути — по особенностям дороги. Чтобы ездить по этой стране, нужно обладать фантазией и выраженным чувством ориентирования.

В свете закрытых щитками фар в тумане я едва различал дорогу. Над нами снова пролетел У-2. Его повторяющиеся пролеты могли означать, что этой дорогой могли воспользоваться русские или что они находятся неподалеку. Мы проехали несколько перекрестков, по поводу проезда которых у нас возникли расхождения во мнениях.

Вдруг темноту разорвали вспышки выстрелов и трассы пуль. Я выключил свет. По обе стороны дороги я за-



метил стоящие на позициях противотанковые пушки. У обочины дороги я увидел стрелка с противотанковым ружьем. После его выстрела за мной раздался крик раненого Мельдера.

В свете трассирующих пуль я заметил сани, спешащие мне наперерез. У обочины стояла немецкая санитарная машина с распахнутыми дверями. Ее пассажиры лежали на дороге в разорванной форме. Увидев это, я еще прибавил газу, несмотря на то что машину заносило. Сидящий рядом со мной офицер даже пистолета не достал. Вот экипаж попался! Один позади меня непрерывно кричал, второй, мой начальник, оказался неспособен к какому-либо сопротивлению. В последний момент все решилось в нашу пользу. Мне удалось проскочить по дороге, прежде чем ее успели перекрыть сани. Стрельба позади нас постепенно затихла. Теперь мой сосед был готов к бою. Вопреки уставу я крикнул ему, чтобы он не вздумал стрелять, так как нас сразу накроют по вспышке выстрела. Проехав некоторое время, я остановил машину, чтобы помочь раненому. Ходить он не мог, правая нога была словно парализована. Осторожно я размотал одеяло, в которое Мельдер завернулся во время езды. При свете карманного фонарика разрезал штанину, чтобы добраться до раны. Я ожидал увидеть нечто ужасное от попадания пули противотанкового ружья. Но на его бедре не оказалось ничего, кроме небольшого синяка. Пуля прошла по касательной. «Раненый» сразу перестал орать. Но когда он снова начал ныть, я потерял самообладание и дал ему затрещину. Помощь ему была не нужна, и он свободно мог ходить.

Без происшествий к концу ночи мы разыскали наш батальон. Пока офицер докладывал командиру, я занял свое место в колонне. Мы снова двигались в направлении Харькова. Наше наступление поддерживали пики-



рующие бомбардировщики-истребители. 26 февраля мы находились в районе Орелки. Пока дивизия остановилась вдоль дороги, ее командир и его адъютант вылетели на «Физелер-шторхе» на разведку местности. Легкая советская зенитка сбила самолет у нас на глазах. Моментально выдвинувшийся ударный отряд с территории противника доставил три трупа. Обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Теодор Айке, тяжело раненный на северном участке фронта во время рекогносцировки, последовал за своим погибшим сыном-лейтенантом, супругой и дочерью, погибшими во время налета авиации.

Образовывая один из захватов огромных клещей, наша дивизия наступала в северном направлении западнее Харькова, к 8 марта заняла Ольшаны, а через два дня — Дергачи. Насколько я сам могу судить, жесточенность боев после Орелки и Лозовой значительно усилилась, и наши потери в борьбе с численно превосходящим противником тоже были высоки. Постоянно уничтожаемые и возобновляющиеся танковые армады противника требовали своих жертв. За то, что вообще мы одержали успех, надо благодарить гениального командира нашего танкового корпуса СС «папу» Хауссера. Он, как настоящий отец, полностью сознавая, что рискует собственной жизнью, отказался выполнять приказ Гитлера и спас «своих парней» от уготованной им участи «Сталинградских бойцов», а затем добился огромных успехов.

В последующие дни мы заняли оборону по дуге от Ольшан, через Дергачи и далее к востоку от Харькова, отражая ожесточенные попытки прорыва советских войск из окружения и обеспечивая дивизиям СС «Лейбштандарте» и «Рейх» возможность прорыва в Харьков и его повторное взятие. Между Ольховом и Чугуевом мы вели тяжелые бои с массами советских танков.



Картина танкового сражения неизгладимо запечатлелась в памяти. Это было в середине марта. Растянувшись на километры, сравнительно далеко один от другого, напротив друг друга стояли гиганты технической войны, колоссы из десятков тонн стали и вели убийственную дуэль.

Мы наблюдали в бинокли за противоположной стороной лощины, где показались танки противника с десантом пехоты. Его намерения были очевидны — прорвать нашу оборону и прорваться в окруженный Харьков. Мы находились на нашем открытом левом фланге. Левее нас, стараясь занять наиболее пригодные для обороны позиции, выехали наши танки. За ними, изготовившись для контратаки, заняли место бронетранспортеры.

Первыми с расстояния 1500 метров открыли огонь наши «тигры». Несмотря на защитное маневрирование, вскоре первые Т-34 загорелись. Но что значат некоторые потери для массы наступающих стальных колоссов? Противник подошел на 1000 метров и снова встретил огонь. Теперь его открыли наши Pz IV. Выстрелы и разрывы слились в сплошной грохот. В самом начале боя два наших танка Pz IV разлетелись на куски в огромных всполохах огня. С обеих сторон росло количество облаков черного дыма, поднимающихся в солнечное весеннее небо. Один из наших горящих «гробов» стоял настолько удачно, что дым от него тянулся перед нашим фронтом и затруднял прицеливание противнику по нашим постоянно меняющим позиции танкам.

Пехотный десант противника, приготовившийся к быстрой атаке, давно уже спешил и ушел в укрытие. Я сам спрятался в овражке и с напряжением наблюдал в бинокль за ходом танкового боя. Справа от меня остановился «тигр», с огромной частотой стрелявший по подходившим Т-34. Вдруг раздался взрыв, сорвавший



его 16-тонную башню, которая тут же снова упала на корпус. Из всех щелей машины повалил дым. Подойти к «тигру» мы не могли, потому что он находился под огнем танков противника.

Когда русские офицеры и комиссары все-таки подняли свою пехоту, чтобы сопровождать в наступлении танки, огонь наших боевых машин и бронетранспортеров начал косить ее ряды. Пулеметные очереди, огонь из 20 и 37-мм скорострельных зенитных пушек нанес противнику большие потери. Не прошло и часа, как они оказались раза в три больше, чем у нас, и русские прекратили бой.

Теперь мы смогли подойти к нашему 60-тонному колоссу. Мы вытащили из него экипаж и положили на траву. Никто из танкистов не был мертв, как это немыслимо ни звучит, но и долго никто не прожил. Ударной волной взрыва им повредило внутренние органы. Причина взрыва заключалась в том, что во время ведения беглого огня произошла осечка. По инструкции было необходимо выждать определенное время, и только после этого открывать затвор. Но в горячке боя заряжающий, очевидно, открыл его слишком рано, и снаряд «выстрелил» в башне танка.

После окончательного поражения русского наступления в районе Харькова, четвертого города в Советском Союзе по численности населения, направление нашего марша изменилось на 180 градусов: мы пошли на север. Позади остались недели боев на окружение, когда в молниеносном темпе, когда окруженные советские объединения были буквально размолоты между тремя мотопехотными дивизиями СС. Кульминация этих сражений произошла 5 марта 1943 г. под Еремеевкой, где части двух советских танковых и одного кавалерийского корпусов и трех стрелковых дивизий истекли кровью в окру-



жении дивизии «Мертвая голова» и нами были захвачены большие количества техники и вооружения.

Затем мы переживали период весенней распутицы. Харьков был снова захвачен теми же дивизиями СС, которые его недавно оставили, — это был крупный стратегический успех. Затем 1-я мотопехотная дивизия «Лейбштандарте Адольф Гитлер» быстрым ударом из Харькова захватила Белгород, куда выдвинулась и наша дивизия, чтобы в нем разместиться. В конце марта колонна нашей дивизии стояла на южной окраине Белгорода. Невзрачные низкие дома из кирпича тянулись вдоль некрасивой улицы.

Мне понадобилась вода для радиатора «Шкоды». С брезентовым ведром в руке я зашел в ближайший дом. В скромном, но чистом помещении я встретил старушку и молодую симпатичную женщину, которая сразу же заговорила со мной по-немецки. Пока она наливала из колодезного насоса воду в мое ведро, я коротко с ней поговорил. Она жила в Москве. В неразберихе войны она решила навестить свою мать и осталась здесь. Меня удивило, что такая симпатичная женщина, свободно говорящая по-немецки, просто так была оставлена здесь советскими властями. Это совсем не соответствовало их обычным действиям.

Наш батальон разместился в западной части Белгорода и выставил свои роты в охранение на берегу Северского Донца. Командный пункт разместился почти с комфортом в солидном здании. Быстро отступая перед «Лейбштандарте», русские не успели заминировать дома, как это они часто делали.

При узле связи штурмбаннфюрер Кнёхляйн хотел иметь хорошего переводчика, но из-за потерь найти такого было негде. Я рассказал о моей встрече с молодой русской (о чем сразу же пожалел), и мне тут же приказали «немедленно ее доставить».



Мне было нетрудно снова найти ее дом. Хотя я посоветовал ей при первой встрече сменить квартиру, чтобы ее больше нельзя было найти, к моему удивлению, она сразу же согласилась поехать со мной и постоянно работать переводчицей. Ей выделили отдельную комнату рядом с комнатой командира. Потом она переводила допросы пленных, прослушивала перехваченные русские телефонные и радиопереговоры. Командир отдал приказ не беспокоить ночью ни его, ни переводчицу, независимо от того, насколько важно сообщение. Естественно, другие офицеры батальона были покорены шармом молодой русской и названивали ей по телефону, мешая командиру. Поэтому телефонистам было приказано ночью ни с кем не соединять.

Война на нашем участке в некоторой мере успокоилась. Так что можно сказать, мы могли отдохнуть. Однако действия мелких разведывательных и ударных групп, а также пролеты разведывательной авиации были призваны время от времени напоминать нам, что война еще не кончилась. Противник и мы истощили друг друга.

Из тыла прибыло пополнение, плохо подготовленное и не всегда добровольно поступившее в войска СС. Жесткая дисциплина и применение дивизий СС в качестве «пожарной команды» пугали и воодушевляли одновременно.

Особенно сильно проявляла себя нехватка младших командиров, опытных «старых обер-ефрейторов», наших роттенфюреров, образывавших «корсет» войск. Этим «стариков», на которых можно было положиться, не хватало ни в одном подразделении, какую бы должность они ни занимали.

Вышел приказ по дивизии, что добровольно изъявившие желание роттенфюреры могут получить подготовку



младших командиров и офицеров. В надежде убежать от Кнёхляйна я подал рапорт на эти курсы.

В то время как пополнение проходило доподготовку позади позиций и познавало военную действительность, чтобы просто научиться выживать, меня произвели в унтершарфюреры (унтер-офицеры).

Город жил прифронтовой жизнью. В пустом зале разместился фронтовой театр и заботился о досуге, в то время как в Донбассе русские и немцы продолжали атаковать друг друга, чтобы улучшить свои позиции или захватить пленных. Когда вечером при аншлаге доносились залпы артиллерии противника, ни актеры, ни зрители даже не поворачивали головы.

С родины я получил стопку писем. Это была почта, скопившаяся за все время наших подвижных боевых действий. Естественно, письма от Элизабет были для меня самыми важными. Я наслаждался каждой их строчкой и буквой. Один товарищ как-то пошутил:

— Гляньте-ка, Крафт опять учит свои письма наизусть.

И это было именно так.

В середине весны курсантов отправили в небольшую чистую деревню западнее Белгорода. С другими я стоял на квартире в крестьянском доме у приветливых хозяев. Мы жили в одной из комнат, спали на куче соломы. Между нами и местными жителями не было ни злобы, ни ненависти. Из квартировавших десяти человек половина находилась на службе, занятиях или выполняла письменные работы, в то время как остальные были заняты на полевых и строевых занятиях. Поэтому крестьянской семье от квартирантов не было тесно.

По воскресеньям у нас был выходной. Когда у меня скапливалось достаточно зачитанных писем от Элиза-



бет, я их перевязывал шнуром и отправлял на родину. Когда состаримся, достанем их, перечитаем, вспомним молодость с ее красотой и огорчениями.

Случайно Мик оказался в соседней деревне. Он рассказал мне о гибели нашего друга Цигенфуса, попавшего к русским в плен и убитого ими.

Из «стариков» набора 1938 года почти никого не осталось. Куда ни глянь — всюду новые лица. На некоторых война не успела наложить свой отпечаток. У других — серьезность в глазах, как знак тяжелых переживаний. Скольким молодым снова удастся увидеть свой дом? Ведь в России так много места для наших могил.

Подготовка младших командиров была жесткой и полностью основанной на опыте предыдущих кампаний. Прежних шаблонов уже не было. Руководитель курса унтерштурмфюрер Пац во время подготовки уделял исключительное внимание тому, чтобы из заданной обстановки каждый мог сделать свои собственные правильные выводы и самостоятельно принять решение. Времена расписанного обстоятельного командного языка для него прошли. Дослужившись до командира роты, он продолжал говорить «по-староавстрийски». Стало обычным, что командир роты обращался к своим людям на «ты», чтобы формально подчеркнуть общность интересов в боевой обстановке. Однако такого поведения младших по отношению к старшим еще никто не допускал. Дисциплина от этого ни в коей мере не страдала.

После четырехнедельной подготовки я перед проверяющими офицерами из штаба полка командовал отделением в составе взвода, выполнявшего задачу штурмовой группы. Потом я руководил моторизованным разведывательным дозором, выполнявшим задачу разведки дорог и моста (я мог бы его еще и взорвать!). Все



это я умел. На третий день я должен был проводить занятия с ротой: подготовленное занятие по устройству вооружения и неподготовленный десятиминутный доклад «о перчатке». Последний мне не удался. В конце концов я закончил курс с отличием и мне обещали дать трехдневный отпуск.

Всеобщее одобрение я снискал, когда во время учебного штурма полевых укреплений вместо команды: «Первый номер, прямо сто, дзот противника. Огонь по амбразуре все время штурма!» крикнул: «Ханнес, иди сторонкой туда вперед, выбери позицию для твоего «шприца»! Когда пойдем в атаку, сыпь хорошенько вон по той амбразуре! Но не стреляй по нашим задницам! Будь внимателен. Эй, Густ! Сцепи три ленты вместе, чтобы стрелять без перерыва. И прикрой нас сбоку! Пойдете за нами по моему знаку!» Такая была команда моим первому и второму пулеметчикам.

Штурмбаннфюрер Кнёхляйн не был доволен моим решением, так как оно позволяло мне на некоторое время уйти из его подчинения. Я надеялся, что где-нибудь в полку удастся получить должность погибшего командира отделения. А остаться с ним значило, что однажды придется погореть. Даже железные кочережки перегорают, если их постоянно суют в жар.

В день моего возвращения в батальон наиболее отличившиеся товарищи получали награды. Унтерштурмфюрер Герр за обеспечение связи с авангардом дивизии «Рейх» получил Железный крест 2-го класса. Мне дали «Знак заслуженного водителя в бронзе». После всех рискованных дел я мог ждать и чего-нибудь лучшего. Значит, здесь «что-то было»?

Один из трех дней отпуска «при части» я провел в гостях у Мика, с которым поделился мыслями о моем будущем.



— Жаль! — сказал он сухо. — Есть ли какое-нибудь звание получше, чем роттенфюрер? — Это прозвучало почти как прощание, как отдаление от меня с моим новым положением.

— Мик! Я служу уже пять лет под Кнёхляйном и все еще роттенфюрер! Я что, еще семь лет должен им оставаться?

Прежде чем проститься с ним, я его спросил:

— Почему ты не подал рапорт на курсы унтер-офицеров? Ты же тоже служишь с 1 мая 1938 года?

— Без меня, старый друг. Я подписался только на четыре года службы, а они давно прошли. Кроме того, тебе сильно повезло, что ты смотришь на картошку сверху, а не снизу, как Бфифф, Буви, Циги и все остальные. Или ты думаешь, что еще сможешь выбраться живым из всего этого дерьма?

Через несколько дней Мик перешел в расчет легкого пехотного орудия и одновременно со мной покинул гильдию «бродячих шоферов». Он пошел в расчет к своим землякам из Зальцкаммергута. Это была компания «старых роттенфюреров».

Я же шел своим путем.

В САМОЙ КРУПНОЙ ДО СИХ ПОР БИТВЕ ТЕХНИКИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Спокойные дни отдыха и пополнения прошли. Потери в людях и боевой технике были возмещены. При этом постоянно фюреров (офицеров), унтерфюреров (унтер-офицеров) и рядовых откомандировывали для формирования новых дивизий войск СС. Это ослабляло боевую мощь дивизии. Время боевой подготовки и сколачивания этих дивизий становилось все короче, вооружение недостаточным. Народ для них набирали вовсе не из добровольцев, и даже не из немецких земель. Мы стонали, когда узнавали, что рейхсфюрер СС делает из наших войск, объединенных под добрым именем «войска СС»: отправляет туда даже уголовников, чтобы формировать из них новые дивизии. Почему они должны служить под этим именем, мы не понимали. Но это было только начало.

Меня назначили в 1-ю роту нашего батальона, где я принял отделение. Уйти от Кнёхляйна мне так и не удалось. Из стариков 1-й роты, в которой я числился во время кампании на западе, не осталось никого: убиты, ранены, переведены в другие дивизии СС в качестве «костяка».

В начале июня мы вышли на позиции. Меня сразу же отправили для оборудования передового дозора. Реко-



мендации: «поедет Крафт» или «взорвет Крафт», приобрели теперь форму: «Отправьте для этого Крафта!»

Позиции передового дозора находились в 1000 метрах впереди главной линии обороны и господствовали над хорошо просматриваемой и простреливаемой местностью в 800 метрах от русских позиций, за исключением леска, вплотную подходившего на 200 метров к нашим окопам. Перед нами находились рубежи заградительного огня нашей артиллерии. Опасаться приходилось ночей, и они доставляли мне немало забот. Пулеметчика из дозора слева от лесочка пару ночей назад утащили русские.

— Непонятно, как это могло случиться с опытным и безупречным роттенфюрером! — как сказал сдававший позиции обершарфюрер из 1-й мотопехотной дивизии СС.

Ухо приходилось держать остро.

Позиции противника проходили по деревне, почти полностью сровненной с землей. Они были искусно замаскированы и практически незаметны. Только ранним утром, пока воздух еще холодный, в разных местах, словно из-под земли, поднимались маленькие облачка махорочного дыма. На основе своих утренних наблюдений я составил точную схему позиций противника. Подчиненных я заставлял целыми днями работать над улучшением позиций. Я распорядился поставить минные заграждения позади наших позиций, оставив узкий проход.

Кроме того, своему отделению — молодым парням из разных земель Рейха, я предоставлял достаточно времени для отдыха. Оставив одного наблюдателя, мы уходили в ближайший сад, где грелись на солнышке и лежали в тени деревьев. Через некоторое время я получил еще двух пулеметчиков для моей передовой позиции.



Через пару дней к нам на позицию прибыл унтер-офицер из люфтваффе. Он проводил разведку переднего края и выбирал место для своего офицера наведения. Жаль, что он у нас надолго не задержался. Он рассказывал о том, как был в Сталинграде, и это было совсем не то, что нам приходилось слышать до этого.

Ничего особенного не происходило, ночи и дни проходили как в ближайшем тылу. Нас не беспокоили штурмовики, и никто не взрывался на наших минах.

Когда стемнело, я, как обычно, приказал занять все пулеметные точки, расположенные полукругом вокруг нашего глубоко засыпанного землей блиндажа. До полуночи личный состав постоянно проверял мой заместитель. Когда он разбудил меня на смену, он не мог доложить ничего особенного, однако я заметил его нервозность. Объяснить он это не мог. Кроме того, он не лег спать на нары в блиндаже, как обычно, а прикорнул, обняв руками автомат, в нише хода сообщения рядом с ним. В блиндаже остался только телефонист.

После проверки первого поста нервозность передалась и мне. Такое настроение было и у солдат, хотя никаких причин для этого не было. То ли я всех заразил своим предчувствием? Правда, все часовые докладывали: «Происшествий не случилось».

Я не мог освободиться от беспокойства, хотя эта ночь не отличалась от любой другой: шум боя вдали, одиночные выстрелы часовых — лишь для того, чтобы успокоиться или не задремать, — очереди трассирующих пуль из пулемета на главной линии обороны позади нас — пулеметчику показалось что-то подозрительным. Я провел много времени на левом фланге у крайней пулеметной точки рядом с леском, так как считал ее наиболее уязвимой для внезапного нападения. Оба пулеметчика, не смыкая глаз, всматривались в темноту. Общались друг с другом лишь прикосновениями и тихим шепотом.



И вдруг я понял, что привело меня в напряжение: небывалая полная тишина на нашем участке. Чтобы, наконец, успокоиться самому, разбудил остальных солдат отделения и вывел их из блиндажа на позицию. На востоке небо начало светлеть. Пришло время наибольшей опасности для солдат, находящихся на позиции. Я предупредил свое отделение, что в это время необходимо быть особенно бдительными, так как наступающее утро притупляет внимание и у нападающих появляется шанс подкрасться незамеченными. Услышав приближающиеся громкие шаги по ходу сообщения, я недовольно обернулся. На фоне посветлевшего неба я угадал контуры немецких стальных шлемов. Несмотря на это, я окликнул приближающихся и потребовал пароль. Вместо пароля я услышал только протяжное: «Я-я...». «Эти приятели за легкомыслие могут получить пару дырок в своей шкуре», — подумал я. Я выкрикнул последнее энергичное:

— Стой! Пароль?!

А потом произошло нечто неожиданное. Мне явно вдруг ударил в нос типичный резкий запах махорки. Это враг!

— Тревога! Иваны на позиции! — успел прокричать я. В тот же миг грохнули разрывы ручных гранат. Свистнули трассирующие пули, взлетели сигнальные ракеты и осветили все холодным белым светом. Пулеметные очереди ударили вдоль хода сообщения. Крики команд, предупреждения. Я слышал стрельбу MG 42. На случай такого нападения я дал приказ, чтобы каждый пулеметный расчет оставался на месте и оборонял прежде всего свою позицию. Покидать ее в темноте было смертельно опасно, и это могло привести к бою друг с другом.

Первые из нападавших повалились под очередь моего автомата на собственные, уже снятые с предохранителя гранаты. Я выстрелил красную и зеленую ра-



кеты, вызвав заградительный огонь по лесочку, так как я думал, что атакующие сосредоточились там, чтобы сразу после снятия часовых захватить позицию и удерживать ее.

Пока 105-мм снаряды рвались в лесу, этот небольшой эпизод из будней окопной войны уже завершился. Мы собрали в окопах восемь советских солдат, некоторые из них были раненые. Еще восемь были убиты, ближайšie ко мне — сильно изуродованы. Когда рассвело, мы отвели пленных в блиндаж, где рядом со своим разбитым взрывом телефоном лежал убитый связист. С главной линией обороны связи не было. Но оттуда должны были вскоре прийти, чтобы посмотреть, что случилось.

Через переводчика-фольксдойче я допросил старшего по званию пленного. Мне было интересно, каким путем разведчики беспрепятственно пробрались в окопы. Решение оказалось простым и своеобразным: унтер-офицер люфтваффе оказался пленным в Сталинграде немецким солдатом. Теперь он работал на русских и разведывал нашу позицию, осматривал ее и получал информацию во время беседы с солдатами. В довершение он пометил ветками проход в минном поле, что позволило разведгруппе без труда пройти по единственному проходу.

Откровенность пленных — хорошо выглядевших молодых солдат — была для меня неожиданной, и я должен был ее сразу же использовать.

Еще не рассвело, когда на разведку прибыло отделение из нашей роты. С ним был и телефонист с телефоном. И связиста и телефон я на некоторое время задержал у себя, так как мне нужен был постоянно человек на телефоне. Солдат протестовал, увидев разорванный труп своего коллеги. Но мне нужна была замена. Позднее позвонил адъютант и сказал, что командир батальо-



на раздраженно заявил: «Крафт сам подготовленный связист, насколько я помню, и поэтому не нуждается в телефонистах». На что я спокойно ответил, что я — командир отделения, мое место в окопах, а не в блиндаже у телефона. Доктор Грютте, хорошо знавший меня, уладил все сам, не обращаясь больше к командиру.

Теперь я позвонил в роту с вопросом по поводу унтер-офицера люфтваффе. Потом мне позвонили из штаба батальона. Ни Грютте, ни Герр ничего не знали о «летчике», подыскивавшем выгодную позицию для своего офицера наведения. Тот коллега «с другого факультета», по видимому, раньше действительно служил в авиационном штабе, прекрасно знал организацию службы и использовал это в своей предательской деятельности.

Через несколько дней такой же «летчик», но уже в чине фельдфебеля появился в обозе. Предупрежденные приказом по части, солдаты задержали его, передали полевой жандармерии. Было признано, что он состоит на службе вражеской разведки, после соответствующих допросов он был предан военному суду и расстрелян.

После той неудачной попытки нас захватить мы лишились покоя. Теперь нас постоянно обстреливала тяжелая артиллерия противника, а по ночам иваны предпринимали новые рейды. Когда их отражали, то русские собирались в воронках и до наступления дня уходили в лесок. Я потребовал от саперов заминировать воронки. И нападавшие в следующий раз понесли большие потери.

Один раз стоны раненого раздавались несколько часов подряд. Очевидно, товарищи оставили его лежать в воронке. Наш санитар захотел ему помочь. Постоянно доносившиеся крики: «Германский камрад!» звучали словно обвинение. Я разрешил санитару покинуть позицию. Крики прекратились, но санитар не вернулся: я разрешил ему отправиться в ловушку.



20 июня, в день солнцеворота, на командном пункте батальона из рук оберштурмфюрера Грютте наряду с другими я получил патент унтершарфюрера СС. Тот был в небольшом смущении, как мне показалось. Ведь он знал, как долго я ждал этой звездочки в петлице. Я был уверен, что он был доволен тем, что Кнёхляйн ничего не смог сделать против приказа по полку.

На обратном пути у меня было время подумать о том, что произошло с 20 июня 1941 года до сегодняшнего дня. Я потерял столько друзей, но приобрел любимую девушку. И у меня есть враг, обладающий властью постоянно ставить мне задачи, связанные с большой опасностью, что в конце концов приведет к каким-то последствиям.

До недавнего времени я думал, что Кнёхляйн не помнит того человека, который вопреки дисциплине сделал ему замечание, что он стреляет в женщин. Но его слова, сказанные Грютте, о том, что «Крафт — сам подготовленный связист», стали для меня доказательством, что он хорошо помнит того молодого штурманна с катушками полевого телефонного кабеля, которого постоянно стремится иметь под рукой. Даже в 12-й роте при другом командире батальона меня откомандировали в 1-ю роту, чтобы выполнять приказы, цель которых была вполне определенной. И командование передовым дозором должно было быть поручено «старому» унтерфюреру или даже офицеру, а не только что испеченному унтершарфюреру.

До сих пор благодаря непонятному везению мне удавалось все это выносить, но уже бывали и совершенно безвыходные ситуации, когда, по-видимому, спасала только молитва.

Что будет дальше? Когда кончится «жизненное пространство на Востоке», которое якобы так нужно Германии? До сих пор у нас здесь было пространство только для смерти.



Когда кончатся смерти? Будет ли тогда достаточно молодых парней, чтобы населить эту землю и сохранять ее в качестве настоящих крестьян? Элизабет уже ясно написала: если быть крестьянкой, то только на родине в Баварии. Чтобы на ней жениться, мне нужно было специальное разрешение Главного управления расы и населения. А по его инструкции мне, супергерманцу, эта девушка в качестве жены не подходит, так как ей не хватает целого сантиметра роста. По мнению Генриха Гимmlера, минимальный рост арийской девушки должен быть не менее 160 сантиметров.

Возвращавшиеся назад отпусники рассказывали об огромном количестве боеприпасов и вооружения, направляющихся на наш участок фронта. За нами на позиции в массовых количествах прибывали артиллерийские орудия, реактивные минометы и ракетные пусковые установки, танки, в том числе «пантеры». Ходили слухи о новом ужасном оружии, которое будет применяться впервые. Аэродромы позади нас готовились к приему большого количества боевых самолетов. Никаких следов материальных недостатков, словно никогда не было Сталинграда. Ожидалось крупномасштабное наступление.

Тем временем мы продолжали совершенствовать свои окопы. Ясным днем к нам из лесочка, размахивая белым платком, пришли два перебежчика. Остановившись у нас, они сразу же получили еду, припасенную для таких случаев: банку тушенки, хлеб, шоколад, сигареты и чай. Перебежчики рассказали то, чего мы еще не знали: размах и точное время начала нашего наступления!

Только 4 июля по телефону мне сказали, что на следующий день начнется наступление. Необходимо было подготовить вооружение и материальные запасы таким образом, чтобы по первой команде их можно было мгновенно погрузить.



Через полчаса наша позиция кишела артиллерийскими авиационными наблюдателями. Всем нравилось, что от нас открывался широкий и дальний вид на территорию противника.

К сожалению, оживленное движение не укрылось от противника. Прилетели тяжелые «чемоданы» и за пару минут разнесли в щепы заботливо оборудованный и замаскированный передовой наблюдательный пункт. Наступление еще не началось, а убитых и раненых было уже много.

Вечером того же дня нам объявили: в 3.00 тяжелая артиллерия и авиация нанесут сокрушительный удар по русским оборонительным позициям и коммуникациям. Нам необходимо занимать позицию передового охранения до тех пор, пока не получим приказ отойти на главную линию обороны. То есть с нашей позиции мы не должны были идти в атаку. После того как мы знали, что противнику уже известно время и цель наступления, мне было непонятно, почему, по крайней мере, оно не было отложено.

5 июля 1943 года: к огню русской артиллерии прибавилась гроза с проливным дождем. Мы не спали всю ночь. Мы отвечали за охрану всех тех, от действий которых в последующие часы многое зависело. Если бы иваны провели удачное нападение, последствия были бы тяжелыми. Выпадение поста наведения авиации, передовых артиллерийских наблюдателей, поста артиллерийской инструментальной разведки и многих других было бы неплохим подспорьем штабу противостоявшего нам русского гвардейского корпуса. С ними нам было нелегко. Всю ночь движение и громкие шаги, как будто мы были не на передовой, а в глубоком тылу.

3.00. С часами перед глазами мы замерли на позиции, ожидая объявленного применения тяжелого вооружения.



С точностью до минуты загредел весь немецкий фронт, нанося ужасный огневой удар. Высоко над нашими головами засвистели тучи снарядов. Цели для этой артподготовки определялись с помощью приборов артиллерийской инструментальной разведки и пристреливались одиночными, как бы случайными снарядами в течение многих дней.

Пушки работали с бешеной скоростью — это была тяжелая работа для расчетов, это я знал по Демянску. Из-за главной линии обороны по небу потянулись словно нити, трассы реактивных снарядов. Простым глазом было видно, как вверх в тучи уходят неуклюжие ракеты, чтобы потом, когда у них сгорал маршевый заряд, обрушиться вниз на позиции противника и их защитников. Может быть, нам еще придется увидеть солдат с разорванными легкими и без каких-либо внешних повреждений погибших от разрывов этих ракет, прозванных нами «разрывателями легких». Обороняющиеся также могли сгореть во всепожирающем пламени зажигательной жидкости, которой начинялись увесистые ракеты.

На артподготовку ответила русская тяжелая артиллерия, но на нее, на уцелевшие позиции, на скопления танков и другой техники противника уже заходили эскадрильи пикирующих бомбардировщиков.

Тяжелые истребители Me-110 элегантно пролетали между «хейнкелями» и «штуками», усиливая впечатление от потрясающей картины. Сотни самолетов только в поле моего зрения! Но после выполнения своей жестокой работы они вернутся на аэродромы, заправятся, загрузятся боеприпасами и снова полетят на врага! Всего в начале этой битвы техники действовала тысяча самолетов на узком участке фронта. Вид этой чудовищной разрушительной силы был прекрасный и ужасный одновременно. Немыслимо, чтобы на позициях противника уцелел хотя бы один человек. Крупнейшая в военной



истории битва техники началась. Во время этой огневой подготовки было затрачено больше боеприпасов, чем за Польскую и Французскую кампании, вместе взятые.

Словно из ложи мы наблюдали, как наша дивизия перешла в наступление. Непрерывно стреляя, наши «тигры» двинулись через заграждения противника. Несмотря на огромное количество истраченных нами боеприпасов, противник оказывал ожесточенное сопротивление. Он знал точное время наступления, и это позволило ему отвести передовые части в укрытие и сохранить их для обороны. От одного артиллерийского офицера я узнал, что из-за предательства сроки наступления уже переносились два раза. Кажется, во всем этом были замешаны силы, о существовании которых в 1941 году мы и не догадывались.

В полдень я получил приказ оставить позиции передового охранения и отойти на главную линию обороны. Ожидавший транспортер доставил нас в распоряжение нашей роты, находившейся на направлении главного удара, и, прибыв, мы сразу же пошли в атаку в пешем строю. Сопротивление здесь было слабым. Противник уже отвел свои силы и ожидал нас на второй и третьей линиях обороны.

Мы использовали обстановку и быстрым шагом отмеряли выигранное пространство. Минометы противника усилили огонь — это значило, что мы наступаем ему на пятки. С наступлением темноты мы выполнили поставленную задачу и окопались. До сих пор в моем отделении потерь не было. Подъехавшие саперы сразу же отгородили нас минами от внезапных нападений и обеспечили охранение на ночь. Посреди позиции своего отделения над своей ячейкой я развернул плащ-палатку от начинавшегося дождя, завернулся в одеяло и мечтал уже прикорнуть, как услышал свою фамилию. Черт возьми! Вызывает командир роты.



Командир роты оберштурмфюрер Шмоль сообщил мне, что командир батальона отдал приказ направить ночью два боевых разведывательных дозора до предполагаемой линии обороны противника у железной дороги Белгород — Курск. Один из них приказано вести мне. Это меня нисколько не удивило.

Второй дозор вел унтершарфюрер Шульц. В синем свете карманного фонарика мы тянули спички — кому какой маршрут разведывать. Я вытянул «короткую» — предстояло идти по более дальнему маршруту. Для выполнения этой задачи у меня было только половина отделения. Вооружение — автоматы, лимонки. Оставили каски, противогазы, лопаты, штыки — все, что шумит и мешает бежать.

Я взял направление и определил расстояние по карте и компасу. Ориентиром было огромное зарево, идти до которого можно было несколько часов, а потом нужно было снова брать ориентир по компасу.

Мы пошли вперед, но вскоре были остановлены громким окриком:

— Стойте, стойте! Вы на минном поле!

Черт! Это круто! Каждый шаг может оказаться последним. Я приказал группе присесть, не опираясь руками. После этого Шлусман вышел первым с минного поля по указанному саперами направлению. Один за другим мы без потерь покинули минное поле. Продолжавшим работать саперам не было сказано, что в направлении противника пойдут разведгруппы.

Мы шли дальше, растянувшись в колонне на расстоянии видимости, то есть всего на два метра друг от друга. Ночь была такая темная, что не было видно, куда ставить ногу. Стояла полная тишина, было слышно только шуршание травы под ногами и дыхание идущих за мной людей. Позади шел стрелок Карп, молодой кандидат в офицеры. Он проходил фронтовую службу, прежде чем



быть зачисленным на офицерские курсы. Если меня убьют, он возглавит группу.

Легкий встречный ветер донес резкий запах махорки. Мы замерли. Иваны были прямо перед нами, но до шоссе, которое нам предстояло разведать, было еще далеко. При движении вперед запах махорки усиливался. И вдруг я чуть не споткнулся о человека. Приглядевшись, я увидел двух советских пулеметчиков, спавших у ручного пулемета. Карп хотел взять пулемет, но я отвел его руку. Я забрал его после того, как прошла вся группа.

Через некоторое время мы подошли к дороге, Ясно слышался шум моторов и ляг танковых гусениц. Чтобы не вызывать подозрения, мы шли почти открыто. По дороге шли танки, судя по контурам, угадывавшимся в темноте, — Т-34, танкист приветливо помахал нам фонариком. Танки здесь были совершенно беззащитны, их можно было легко забросать гранатами, а потом быстро скрыться в наступившей суматохе. Но реальность быстро возвратила мои мысли на место. Восток быстро светлел. Сейчас было необходимо быстро возвращаться назад.

На компас рассчитывать не приходилось. Он показывал совершенно не те направления. Мы быстрым шагом покинули обочину шоссе и пошли в западном направлении. Ориентироваться нам помогал светлеющий восток. С помощью армейских часов со светящимся циферблатом я засек, в каком месте появилось солнце в 6.00, и оно должно было быть у нас постоянно за спиной. С большой точностью мы вышли к исходному пункту, где нас уже с нетерпением ждали. Слова «Стой! Пароль!» сразу сняли с нас всякое напряжение. В штабе батальона я доложил об увиденном. Все совпадало с докладом другой разведгруппы. Ее командир унтершарфюрер Шульц на обратном пути поблизости от шоссе наступил на мину, и ему оторвало ногу. Его люди принесли его с



собой, но с перевязочного пункта через некоторое время сообщили, что он истек кровью. А если бы я не вытянул короткую спичку? «Жизнь наша — игра в кости, и мы бросаем их каждый день».

В восемь часов мы пошли в атаку без артиллерийской подготовки и, почти не встречая сопротивления противника, к полудню вышли к шоссе. Неожиданно на склоне я встретил товарища по рекрутским временам, того самого Хубера Франца, который дал затрещину пруссаку за «народ придурков». Я наступал со своим отделением, а он с расчетом своей 22-мм противотанковой пушки безнадежно застрял у подножия крутого холма. Мы взялись все вместе и закатали длинноствольную «пушчонку» на высоту.

— Столько пота из-за такой игрушки! — сказал кто-то недооценивающе.

— Ты еще удивишься, когда увидишь, на что эта штука способна! — защищал свое оружие Франц, проводивший испытания новинки.

На другой стороне шоссе мы окопались, получив задачу удерживать захваченные позиции. Пушка Франца осталась с нами. Сразу за шоссе шло резкое снижение местности, и мы далеко вперед просматривали местность, занятую противником. Я приказал окапываться как можно лучше, потому что обстрела и атак русских было не миновать: они не позволят нам оставаться на этой «смотровой площадке». Справа внизу две наших роты вели бой за траншеи противника. Бой шел до полудня, но к вечеру все равно пришлось после минирования эти позиции оставить, так как ночью удержать их было невозможно.

Начинался дождь. Непонятно почему, но атак на наши позиции не последовало. По высказываниям пленных, за оборонительными сооружениями, находящимися перед нами, находилось огромное количество танков, из-



готовившихся для нанесения контрудара. Огромные материальные затраты с нашей стороны оказались ударом по воде. Они были способны уничтожить только первую линию обороны, а на второй мы снова застряли, так и не добравшись до главных сил противника, изготовившихся для наступления.

Начался дождь, я, упершись головой в каске в стенку окопа, на пару минут уснул стоя. Мы научились уже в любой обстановке собирать силы.

Но тут по нам ударила артиллерия. Несмотря на огромные воронки вокруг, никто из нас не пострадал. Зубы у нас стучали от утреннего холода. Плащ-палатки и одежда промокли насквозь, так, что их можно было выжимать. Я окликнул Франца и предложил ему это сделать. В ответ услышал:

— У тебя еще есть нервы. Кто умирает смертью героя в одних кальсонах?

Нас снова накрыла русская артиллерия. Благодаря глубоким окопам огневой вал прокатился по нам, не причинив вреда, если не считать, что взрывы забрасывали нас жидкой грязью, стекавшей по спинам в сапоги. Но это не беда — лучше мокрая задница, чем холодная.

Во время паузы я осмотрел свои позиции. Стрелок Хартвиг лежал рядом со своей ячейкой, лицо уже посерело — убит. Я окликнул санитаря, но он только констатировал смерть. Я недостаточно хорошо знал этого парнишку, потому что он мало рассказывал о себе. Таких мы называли «пианистами», они отличались от нас, грубых «серийных моделей», рафинированной интеллигентностью и большими знаниями. Он был третьим номером пулеметного расчета, таскал ящики с пулеметными лентами и запасные стволы. Хотя был самым слабым в расчете. Запомнилось его трогательное прощание с родителями на станции, через которую мы проезжали. Тогда ему разрешили отлучиться на пару часов, и они пришли



его провожать. Он умер мгновенно — взрывом его просто выбросило из окопа.

Наблюдая через стереотрубу, мы обнаружили два закопанных и замаскированных танка противника. Пришел час Франца. Два резких коротких хлопка, и оба танка задымили. Выпрыгивающие экипажи попали под огонь наших пулеметов. Из пушки Франца специальные закаленные вылетали со скоростью в два раза большей, чем из 88-мм зенитки и пробивали любую броню.

Начался артиллерийский обстрел, одновременно Ил-2 полетели над дорогой, ведя огонь по замеченным машинам и танкам. По ним начали стрелять скорострельные зенитки, сами находящиеся под обстрелом. Приходилось только удивляться отчаянной храбрости экипажей штурмовиков и зенитчиков. У меня в отделении потерь не было.

К вечеру мы получили приказ смениться с позиций и отправиться в район сосредоточения. Шли, просыхая в закатных лучах солнца, потом сели на транспортеры, которые быстро доставили нас в район.

В большой лощине, насколько хватало глаз, стояли танки и бронетранспортеры, готовые рвануться в атаку. И вот мы под крышей, на соломе, раздеваемся, быстро умываемся. Шерстяной ниткой штопаю дырку на носке и снова надеваю сырое белье. За ночь оно высохнет на теле, а завтра от пота или дождя опять прилипнет к телу. Но хоть одну ночь можно поспать лежа!

9 июля: день пасмурный и дождливый. Сегодня мы садимся на танки и идем в атаку. Не успели мы еще выехать из маскирующих кустов, как на нас налетели штурмовики. Ударила зенитная автоматическая пушка, которой удалось сбить одну из бронированных птиц, рухнувшую посреди района сосредоточения.

«Танки, вперед!» Половина моего отделения сидит на броне Pz IV позади башни, стараясь уцепиться за что-



нибудь рукой, чтобы не слететь. Мы миновали возвышенность и оказались на равнине, словно на блюдечке. Проезжаем ложный советский аэродром — ни одной воронки и ни одного поврежденного картонного и бумажного самолета: люфтваффе так просто не проведешь.

Вдруг показались Т-34. Наши танки повернули башни на 10 часов и открыли огонь. Сразу же в воздух взметнулись клубы черного дыма, полетели стальные обломки. Я насчитал 30 Т-34, 15 из них вскоре были повреждены. Остальные быстро исчезли в балке. Командир танка махнул рукой: едем дальше. И тут на нас обрушился град снарядов заградительного огня. Танки дали полный газ. Лихорадочно пытаюсь зацепиться за что-нибудь рукой, чтобы не упасть, в другой руке — оружие. Проскочить рубеж заградительного огня не удастся. Разрыв рядом сметает нас с брони, как листву с дерева. По правому бедру ударило словно плетью — осколочное ранение. С другого танка прыгнула другая половина моего отделения. Я собираю их. Почти каждому досталось, но все еще могут бежать. Я веду всех к балке, в которой можно укрыться от осколков, и по ней мы бежим за танками. Танки остановились и ждут нас. Наша артиллерия бьет по огневым точкам и орудиям противника, но из-за перемены позиций ее точность огня снижается. Нам надо подобраться ближе к противнику, чтобы уйти из-под огня его минометов. Их мины не оставляют залегшему солдату никаких шансов: осколки летят вплотную к земле. Бежим бегом вперед и оставляем позади и этот заградительный огонь. Минометы противника замолкают — меняют позиции. Под прикрытием огня остановившихся танков штурмуем деревню, вернее, ее руины. Сразу окапываемся, ожидая «града» русских снарядов.

Только теперь чувствую, как болит рана. Санитар делает мне прививку от столбняка и хочет отправить меня



на перевязочный пункт. Разозленный моим отказом, он делает перевязку, «потому что так надо *по инструкции*».

Подходит командир роты оберштурмфюрер Шмёл, чтобы посмотреть на меня. Я могу остаться дальше в строю. Наш командир роты — замечательный офицер. И я бы с большой неохотой расстался с 1-й ротой. Кто знает, куда меня потом занесет?

Ко мне в окоп прыгнул связист. Начался огневой налет противника. Он рассказывает мне о чудо-оружии, развернутом позади нас: ракетные пусковые установки по 90 стволов в каждой, выстреливают все ракеты за минуту, накрывают все сплошным ковром, каждая — на площади 4 квадратных метра! Я не доверяю чудо-оружию и притаскиваю двери, перекрываю ими окоп и насыпаю сверху земли: так, по крайней мере, можно спастись от осколков. Мои солдаты зарылись в землю, словно лисы в норы. У них все в порядке.

Вдруг позади загрохотало и завывало — в небо понеслись десятки ракет. Я осторожно посмотрел, как они градом обрушились левее нас, почти у самой нашей позиции. Земля дрожала, со стен моего окопчика сыпались комки глины. Я посмотрел на двери у меня над головой и подумал о рассеивании в 4 квадратных метра. Через минуту все стихло. В мой окоп потекли вонючие пороховые газы.

Теперь быстренько наружу и белую ракету вверх: «Мы здесь!» Чтобы не накрыли нас вторым залпом.

— Эти проклятые идиоты так и не научились пользоваться своими игрушками! — доносилось со всех сторон.

Меня вызвал посыльный на КП роты. Я взял с собой раненого. У него после нервного шока начались боли: когда разрывами снарядов нас смело с танков, он получил осколок под почку.



В картофельном подвале с бетонным потолком проходило обсуждение завтрашних действий. Наступаем на северо-восток до реки, название которой размазано на карте. За рекой стоит иван с большими массами танков. Мы должны еще до его готовности к контратаке напасть на него и разгромить. Получаю пополнение, боеприпасы и продовольствие. Пара глотков «трехзвездочного» помогает нести промокшую одежду под начинающимся дождем. Под прикрытием руин развели костер, вертелись перед ним то одним боком, то другим, пока от нас не пошел пар, а жар не стал непереносимым.

На следующий день снова пошли в атаку. Несмотря на сильный огонь, продвигались сравнительно быстро. В десяти метрах от меня взорвался снаряд, и я получил второе ранение, на этот раз — в левую ступню. К обеду выполнили поставленную задачу и окопались. Пришел санитар и очень недружелюбно тщательно меня перевязал во второй раз. Позади нас в укрытии расположились танки, в 200 метрах перед нами в долине — река 25 метров шириной с топкими берегами, ее противоположный берег — крутой, на его гребне — вражеские наблюдатели.

Во второй половине дня иваны попытались нас атаковать 30 танками. Мой друг Франц снова занял позицию рядом с моим отделением. У него была полная «свобода»: в боевых порядках батальона он мог проводить испытания своей пушки где угодно.

Русские танки выехали к обрыву, вели по нам огонь, но безрезультатно. Они попали под снаряды наших 75-мм пушек и вынуждены были повернуть обратно и уйти по склону, не причинив нашим саперам на берегу реки никакого вреда. Один из Т-34 был подбит из пушки Франца. Франц чертыхался, так как неудобный прицел



постоянно засорялся. После боя он сразу же приступил к «кабинетной работе», описывая бой и замеченные им недостатки пушки.

Я посмотрел карту командира взвода — перед нами река Псел, рядом два населенных пункта с одним и тем же названием — Прохоровка. Правее нас в долине реки — Андреевка. Сегодня или завтра мы должны эту реку перейти.

Мне приказали с моим отделением занять оборону перед командным пунктом батальона. Место было негодное: наши головы прекрасно были видны над линией горизонта. К своему удивлению, я узнал, что штурмбаннфюрер Кнёхляйн лично определил размещение этой позиции и назначил отделение, которое ее должно занять.

Ночью пошел сильный дождь. Я стоял по щиколотки в воде в дырявом сапоге. Обе раны сильно болели. Левая ступня с раной в подъеме распухла, и я почти не мог на нее наступать. Поднялась температура, и я не мог унять клацанье зубов. Продержаться до утра помогла пара таблеток, взятых у санитаря. Он дал мне их со словами: «Наверное, ты еще та задница!»

К утру начался ливень, как при потопе. Я наблюдал через стереотрубу бой наших танков за деревню ниже нас. Наши танки были привязаны к дороге и не могли свернуть ни влево, ни вправо — и там и там была топь. Танки не могли преодолеть определенный рубеж. Как только они подходили к нему — получали попадание из хорошо замаскированной противотанковой пушки. Я так и не смог понять, где она пряталась.

Позже я наблюдал, как атаку повторили штурмовые орудия. Им удалось миновать опасный рубеж. Но вскоре они снова были остановлены на другом рубеже. Действующая здесь часть противника понимала в маскировке! Я так и не смог определить, откуда велся огонь и где находились позиции пехоты противника.



Дождь прекратился, солнце припекало во всю силу лета. От наших курток со спины поднимался пар. Левый сапог на подъеме я вынужден был разрезать карманным ножом, так как ногу из него я уже вынуть не мог. Края небольшой раны были иссиня-черными, а опухоль вокруг — багрово-красной. Я подумал: сколько еще можно будет это терпеть...

В полдень опять собрались дождевые тучи. Посыльный от Кнѣхляйна передал нам приказ приготовиться к атаке. То, что не удалось танкам, должна сделать мотопехота. Мне не нравился длинный склон, по которому мы в открытую должны были приближаться к противнику.

Меня смутило то, что приказ пришел от командира батальона, а не от командира моей роты с точной постановкой задачи, а просто: «Приготовиться к атаке!»

По деревне внизу ударили наши минометы, затем — пехотные орудия. Сейчас последует приказ атаковать. Что я вижу? К нам спокойно, не пригибаясь, идет командир батальона. Ведь достаточно было отправить посыльного! Не заходя в укрытие, говорит:

— Вперед, ребята! Чем быстрее окажетесь внизу, тем меньше потерь.

Теперь, по крайней мере, я знаю направление атаки.

— Весь батальон атакует!

Я не вижу никакого батальона, но ведь кто-то должен быть первым. Проклятый длинный склон! Огонь нашей артиллерии бьет по деревне, а не по лесочку перед ней. По карте я не помню, расположена ли деревня по обе стороны реки или только на одном берегу. А отсюда не видно.

— Давай! Вперед! За мной свиным галопом! Внизу прячемся в лесок! — (Если еще добежим!)

Отделение побежало, но не за мной, а впереди меня. Из-за ран я еле двигался. Санитар-унтершарфюрер был прав: я — «еще та задница!». Я «штурмовал» последним



позади моего отделения. Под огнем противника я все-таки обогнал одного стрелка, на мгновение оглянулся: на высоте в полный рост стоял штурмбаннфюрер Кнёхляйн, засунув руку за борт прорезиненного плаща, — ну, просто Наполеон!

Перед лесочком — ровный лужок. На полном бегу один из солдат моего отделения подпрыгнул и свалился. Я оглянулся на склон — там лежал мальчишка, которого я обогнал. Несколько часов назад его дали мне в пополнение вместо убитого Хартвига.

Отделение ждало меня. Оно залегло по ямам, заполненным водой, и приготовилось вести огонь. Я оглянулся на склон, ожидая атакующие роты. Кнёхляйна не было видно. Одни, без всякой связи, мы лежали в густом подтопленном кустарнике. Что дальше? Мы что, предназначены для того, чтобы привлечь внимание противника и его огонь, чтобы позволить определить его силы и позиции? Чепуха!

Бросить на противника просто так отделение, не поставив задачи, не определив рубежи. Где «весь батальон», мой взвод, моя рота?

Справа послышался шум боя. Это было как раз там, где пытались прорваться в деревню танки.

Здесь нам оставаться было нельзя. При продвижении наступления мы окажемся изолированными. Пойдем в атаку — изолированными «повиснем в воздухе». Попытаемся выйти из леска в направлении шума боя — противник перестреляет нас так, что мы его даже не увидим.

Я решил лесочком пробираться в направлении деревни. По соседству войска атакуют деревню, и мы там где-нибудь с ними встретимся.

Я поставил задачи солдатам отделения, и мы двинулись по кустарнику. Он был почти затоплен дождями, местами приходилось идти по пояс в болотной жиже.



Противник или отступил, или не замечал нас. Так мы подошли к опушке леса. На возвышенности виднелась церковная колокольня. Если бы я был противником, я бы надежно прикрыл пристрельным огнем опушку леса, а на колокольне посадил хотя бы снайпера. Я отдал приказ отделению залечь, а сам высунулся из леса, чтобы осмотреться. Шум боя стал сильнее и приблизился к деревне.

Когда я решил вернуться опять в лес и обойти открытое место стороной, я снова взглянул на колокольню и вдруг увидел направленное на меня оружие. Ложись! Очередь прошла надо мной, но зацепила ягодицу. Снова мне удивительно повезло! Ни в кого из залегшего отделения тоже не попало. Из густого кустарника я осторожно посмотрел на колокольню. Горячая кровь текла в брюки. В окне снова никого не было. Я понял, что наблюдатели прячутся в глубине, и их просто так незаметно. Вернулся в лес.

Уронил бинокль, но успел подхватить мой пистолет-пулемет и, почти не целясь, дал очередь в бегущего прямо на меня огромного ивана. Но он бежал, направив штык прямо на меня. Он упал только в нескольких шагах передо мной, а четырехгранный штык его винтовки воткнулся в землю у меня перед самым лицом. Взгляд бегавшего был направлен куда-то выше меня, наверное, он не заметил меня в камуфлированной куртке и зачехленном шлеме.

Значит, эта длинная опушка находится под двойным контролем. Нас заметили, и противник направил оружие на нас и ждет, когда мы выйдем. Я подозревал Карпа с пулеметом:

— Из окна колокольни бьет пулемет противника. Прицел 200, дай туда пару очередей. Но прицелься и немедленно стреляй!

Очереди прошли окно колокольни и немного испортили настроение сидящим там русским пулеметчикам.



— Смена позиции вправо!

Расчет моего второго пулемета потерялся где-то в сплетении кустов и болотных ямах. С тремя солдатами, без огневой поддержки я пошел бы на ивана как на рожон. Мы посидели некоторое время на опушке, наблюдая за противником.

Из моей раны кровь лила как из зарезанной свиньи. Мне нужна была перевязка. И осколочные ранения болели все сильнее.

Что делать? Есть ли в лесу противник? Где остальное отделение? Они могли бы услышать стрельбу нашего пулемета и пойти к нам? Какой смысл вообще имеет вся эта акция? «Весь батальон атакует!» Где он? Нет ни его, ни санитаров, которые бы могли помочь тем, кто остался лежать на склоне. Мне самому нужен доктор, чтобы залечить осколочные ранения и остановить кровь. Я решил оставить мою группу у опушки, чтобы она перехватила вторую половину отделения и не дала ей выйти на открытый участок, простреливаемый противником. Карп принимает командование, и через полчаса установит связь с атакующими деревню подразделениями. Иначе мы не соединимся ни с нашим полуотделением, ни с нашими войсками вообще.

Со снятым с предохранителя автоматом в руках, готовый в любой момент открыть огонь, я поковылял по лесу назад, желая встретиться со второй группой. Может быть, они все целы. При попытке перебраться через яму с водой я поскользнулся на глинистом дне, резко поднял автомат вверх, чтобы он не запачкался, он зацепился за ветки и выстрелил. Пуля задела край левой ступни. Снова везение! Могло быть и хуже. Новое ранение мешало мне не больше, чем те, что уже были.

Выбравшись из леса, в лощине я наткнулся на готовые к маршу пехотные орудия, ожидавшие, когда гренадеры продвинутся дальше вперед. На одном из тягачей я вдруг увидел Мика.



— Ну, ты выбрался?

— Да, кое-как. Где ближайший санаторий?

Подошедший офицер сказал мне, где ближайший перевязочный пункт. У Мика еще были сухие сигареты. Он дал мне свой домашний адрес, а я накорябал ему свой на листочке. Я получу отпуск по ранению и навещу его семью. Мы еще не докурили, как гусеницы его тягача со скрежетом дернулись. Ни рукопожатия, ни слова прощания, только многозначительно махнули друг другу руками. Всё!

Наши дороги разошлись на жизнь и смерть.

12 июля 1943 года, дивизионный полевой лазарет: Сводка вермахта: « С начала наступления 28000 русских пленных. 1640 танков и 1400 орудий уничтожено...»

14 июля вместе с другими грязными и завшивленными ранеными я оказался в киевском тыловом госпитале. После того как меня вымыли, очистили от вшей, одели в чистое белье и уложили в застеленную белыми простынями кровать, я подумал, что оказался на небе. Заботливые сестры, знающие врачи, никаких артналетов и штурмовиков. Солнце, сон, спокойные ночи с тихими шагами сестер.

Утром меня разбудил укол. Санитар вколол мне противостолбнячную сыворотку — вторую за несколько дней. (Первая не была указана в моей сопроводительной записке.) Отчасти это моя вина, так как я должен был доложить о первом уколе батальонному врачу. На следующую ночь у меня был такой жар, что я снял рубаху и улегся голым на кафельный пол бывшего отеля, пытаюсь охладиться. Я уже не мог говорить, когда спрашивали, что произошло. Сосед по койке сказал о повторном уколе от столбняка. С помощью врачей мне удалось прийти в себя.

Поток раненых был огромный. Всех транспортабельных отправляли в тыловые госпитали. Я пока к таким не относился.



У меня было много времени для размышлений. Они были посвящены моим отношениям с Кнёхляйном. Ведь он совершенно сознательно отправил мое отделение в атаку в полной изоляции от остального батальона, чтобы его потом прикончили в лесочке. Это стоило отделению жизни двух молодых парней. После Ле-Парадиза появилось много новых вопросов, и не для меня одного.

Я лежал в Львовском госпитале, затем в тыловом госпитале в Наумбурге и, получив новую форму, 17 августа 1943 года отправился в трехнедельный отпуск.

По приглашению Элизабет днем позже я приехал в дом ее родителей и благодаря судьбе смог заключить свою девушку в объятия. На пару недель я смог забыть ужасы войны и наслаждаться тихой семейной идиллией.

В тот же день Мик, отражая атаку танков противника, был тяжело ранен у своего орудия и умер по дороге в полевой лазарет. Был вырван последний из моих друзей, мой товарищ, мой брат.

На его родине седой чиновник в бюро записи актов гражданского состояния записал в книгу общины: «Роттенфюрер СС Михаэль Друккентанер, 06.05.1922, погиб 18 августа 1943 г., час смерти неизвестен, в Полтаве, Россия».

ВООРУЖЁННАЯ МИЛИЦИЯ

Я успел навестить мать в Штайре, где она в дневную и ночную смену работала на шарикоподшипниковом заводе. Еще не закончился отпуск, как я получил письменное предписание немедленно прибыть в 3-й запасный батальон в Варшаву. Родителей Мика навестить так и не удалось. Упаковал вещи, туманной ночью после краткого прощания я расстался с матерью и сестрой и поспешил на вокзал. В Линце я сел на поезд для отпускников и через Вену приехал на нем в Варшаву. Пока я ехал пассажирским поездом в Линц, я с удивлением заметил, что, несмотря на то что в вагоне много пассажиров, в купе я сидел один. Теперь уже боятся солдат?

По сравнению с мрачным Восточным вокзалом Вены сегодня Варшавский вокзал встретил меня гораздо приветливей — я ожидал худшего. Получил в комендатуре справку о том, где находится 3-й запасный батальон СС.

По дороге туда я стал свидетелем стрельбы и преследования молодых парней, пытавшихся избежать проверки документов. Столица Польши походила на закрытый кратер с кипящей лавой.

Разместившись в казарме, я узнал, что всякие происшествия здесь — обычное дело. Ходить одному или вдвоем запрещено, оружие иметь при себе обязательно. Посещать можно только указанные заведения,



остальные — избегать. Немецкие солдаты исчезают бесследно. Их форма, оружие и документы появляются у польских подпольщиков.

Награжденный Железным крестом 1-го класса — унтершарфюрер был внезапно арестован, после того как службе безопасности стало известно, что он завел запрещенную связь с красавицей полькой, участницей польской подпольной организации. Он пытался бежать, выпрыгнул из окна второго этажа, но был скошен автоматной очередью часового, стоящего у входа в здание. До этого — храбрый и раненный в России солдат, а теперь застрелен как предатель. Вчера — камрад, а сегодня — враг. Что способствовало тому, чтобы он перешел на другую сторону?

К нам поступало все больше выздоровевших ветеранов, получивших ранения в битве техники под Курском. Я встретил знакомого, служившего вместе с Миком в одном расчете. Он рассказал мне о гибели Мика. Они были ранены с Миком одновременно. Он погиб, когда штурмовик обстрелял дивизионный полевой лазарет в Полтаве. Городе, откуда мы двинулись для повторного захвата Харькова.

В тот вечер вопреки приказу я вышел в город один. Я не хотел, чтобы кто-нибудь был вместе со мной и заменял Мика, Бфиффа, Буви и других, чье беззаботное веселье, приветливость и участие притягивали даже сдержанных и безучастных французов.

Варшавские улицы были пустынно. Грохот моих подкованных сапог далеко разносился в ночной тиши. Что меня заставляло испытывать судьбу?

Как я ни старался, на сборном пункте дивизии, в 3-м запасном батальоне, я так почти и не встретил добровольцев 1938 года, добровольцев времен формирования



ния дивизии «Мертвая голова» в 1939 году. Где они, те, которым накануне Восточной кампании зачитывали приказ фюрера «К солдатам Восточного фронта»? Например, Хюне Мёллер предчувствовал свою смерть. Он погиб при прорыве линии Сталина. А вместе с ним и его товарищ, обещавший ему «место наверху в братской могиле», если тот не заткнется. Убиты, убиты, убиты. Дивизии первого часа больше не существует.

Поэтому места наших убитых в 3-м батальоне занимают инородцы в нашей униформе. Против добровольцев из других западноевропейских стран, собранных в дисциплинированные и заслуженные соединения, нет возражений, мы признавали их товарищами.

Но тех, что поступали к нам на формирование с оккупированной территории Советского Союза, с их особой манерой воевать и расправляться с безоружным населением, мы просто не могли считать «своими». Их действия бросали тяжелую тень на нас. За свои преступления они расплачивались немедленной смертью или отправкой в штрафной батальон СС.

Такой, например, была «русская бригада» под командованием Бронислава Каминского, численностью 1700 человек. Из нее планировалось сформировать «русскую дивизию СС». Она отличалась особой жестокостью. Как мне рассказывал один свидетель, во время боев в Варшаве в августе 1944 года ее солдаты согнали в тупик жителей целого городского района, в том числе женщин и детей, и сожгли их огнеметами. За это Каминский был 26.08.1944 г. приговорен полевым судом СС к смерти, его бригада была расформирована, а ее солдаты отправлены в дивизию находившегося на немецкой службе русского генерала Власова.

По прибытии в Варшаву мне сразу поручили отделение молодых фольксдойче для проведения с ними боевой подготовки. Это были безупречные мальчишки и к



тому же настоящие добровольцы, а не вынужденные «полудобровольцы», как погибший Хуго Шрок.

В середине сентября я среди других был перед строем роты награжден Железным крестом 2-го класса. Мой командир роты переслал мое наградное свидетельство через госпиталь. «ЖК II» — орден «за второклассную храбрость», как мы его саркастически называли. Раньше эта награда меня бы очень обрадовала. Теперь, когда я знал, как и за что даются кресты, она была мне безразлична.

Вскоре после этого в канцелярии я получил занесенные в мою солдатскую книжку знак «За танковый бой» и знак «За ранение».

По этому случаю старшина роты спросил меня, не имею ли я право на получение знака «За ближний бой». Для этого я достаточно часто должен был видеть «белки глаз врага».

— Сожалею, — ответил я, — один раз была сильная метель, и я не мог их различить, другой раз была темная и облачная ночь, и у меня не было времени их разглядывать, в третий раз я, может быть, мог бы увидеть их в свете ракеты, если бы всматривался, вместо того чтобы орать: «Иваны прорвались!», и в последний раз, когда меня русский солдат хотел наколоть на штык, я вспомнил, что надо увидеть белки его глаз. Но ведь этого, конечно же, недостаточно!

В тот же вечер в кинотеатре вермахта взорвалась бомба, после того как оттуда вышел последний солдат. Через несколько дней на моих глазах взорвался трамвай, из которого я только что вышел.

Для формирования итальянских бригад СС был создан штаб. Вместе с другими австрийцами и южными тирольцами меня откомандировали туда. Я поехал на полигон в Мюнзингене. Штурмбаннфюрер Кнёхляйн больше никогда не получит меня в подчинение.



В Мюнзингене я встретил смешанные войска: немецких фюреров, итальянских офицеров и итальянских солдат в итальянской форме. Напряжения между итальянцами и южными тирольцами заметно не было, хотя фюрер пообещал итальянцам Южный Тироль. Могли ли мы объяснить южным тирольцам, что это ничего не значит? С Советским Союзом у нас тоже был пакт о ненападении, однако мы дошли почти до Москвы.

Если на утреннем построении мы вышли перед нашей темпераментно жестикулирующей и суетящейся униформированной публикой, пытаясь призвать ее к дисциплине и порядку, то к концу дня у нас не осталось никакой надежды, что мы когда-нибудь снова вернемся в войска СС. И мы стали питать надежду, что никогда с этим сбродом не пойдём в бой.

В конце октября по железной дороге нас отправили в Верону. Там мы разместились в казарме в центре города. Снова удалось сравнить староавстрийские, французские, польские, русские, и итальянские казармы с немецкими. Известные до сих пор чужие казармы даже для невзыскательного солдата оставляли желать много лучшего. На своей родине итальянцы снова оказались в своей стихии. Бары и пивные сотрясали улицы громом боевых песен. Под бравурные ритмы некоторые действительно геройски гибли в массовых оргиях.

Отсюда нас перевели в Пинероло, западнее Турина. Штаб бригады находился в Кальдиеро, в 20 километрах восточнее Вероны.

С другими офицерами я жил на квартире в пустовавшей вилле. Постепенно складывалась необходимая организация в штабе. Мне поручили управление складами вооружения и боеприпасов, я получил право реквизировать необходимые складские помещения, закупать стройматериалы и иметь необходимый штат помощников. Я лично подчинялся «высшему фюреру СС и



полиции Италии» обергруппенфюреру СС Вольфу, ставка которого находилась в замке Сан-Мартино недалеко от Вероны. Мне были предоставлены широкие полномочия. Из Сан-Мартино я получал требования войск, собирал их, отправлял заказы на фирмы-производители, а потом получал вооружение и боеприпасы, отправлял их на склады или в войска автомобильным транспортом или по железной дороге. Так, я получал с заводов в Милане и Турине автоматическое оружие, пехотные лопатки в Кремоне, оптические приборы в Комоссе, пистолеты «Беретта» в Гардассе, боеприпасы — в Пьяченце.

У меня появилось честолюбие, и я стремился как можно лучше выполнять поставленные передо мной задачи. В свободное от службы время я занимался изучением военно-технических дисциплин, чтобы соответствовать своей должности, и когда меня снова отправят в боевые части, то получу должность на ступень выше, чем при откомандировании. Однако некоторое время я с большим воодушевлением расписывался под названием моей должности: «начальник складов вооружения и боеприпасов командующего войсками СС в Италии».

В связи с беспокойной обстановкой в Северной Италии мне было поручено построить укрепления в непосредственной близости моих складов в Кальдиеро.

После того как я выполнил это задание, в 20-х числах июня 1944 года меня произвели в обершарфюреры СС. Мне было объявлено об этом перед строем штабной роты, одновременно мне вручили удостоверение к «Демянскому щиту», который я уже два года носил на рукаве, как самую ценную для меня награду.

Сразу после этого я сформировал охранное подразделение и возглавил его.



Лето 1944 года в Италии было очень жарким. В ставке фюрера 20 июля произошло покушение. Какие высокие круги уже в течение длительного времени были в нем замешаны? Известие о саботаже и предательстве во главе руководящих структур было для всех нас тяжелым ударом.

Тогда я лично тоже получил тяжелый удар. Когда как-то воскресным утром я свесился со своей кровати на втором ярусе, то увидел лежащего внизу соседа, играющего с мелкими украшениями.

— Откуда это у тебя? — спросил я с любопытством.

— А, это? От евреек из гетто. В Варшаве.

— Ты что, их отобрал?

— Ну, нет. За эти штучки я им немножко помог. Сразу после восстания.

У меня не было повода не верить унтершарфюреру из Судетской области. Однако я понял, что в наших сначала безупречно воспитанных войсках тоже появились зримые признаки разложения. Был ли это единичный случай? Может быть. Было еще много единичных случаев, о которых не было известно.

Неужели немецкий солдат уже не стыдится таких поступков? Он носит такую же форму, как и я, он не иностранец в нашей форме, на которую ему наплевать и который не соблюдает ее честь.

Давно уже американцы и англичане высадились в Италии. Почти ежедневно налетают их бомбардировщики и обрушивают град бомб на стратегические цели. Истребители-бомбардировщики атакуют поезда и отдельные автомобили. Мне часто приходилось бывать во многих городах Северной Италии для заказа и получения боеприпасов и вооружения. Чтобы не попасть под бомбовый ковер или не быть подстреленным истребителем-бомбардировщиком, я разработал целую концепцию. На правом крыле моей машины сидел наблюдатель, по-



стоянно наблюдавший за воздухом. Как только появляются самолеты — сразу направо, в кусты или под деревья, пока они не пролетят. Перед большими городами: обязательно остановиться на окраине, выключить мотор, посмотреть на небо и прислушаться: если самолетов не слышно и не видно, быстро въезжаем в город, грузимся и немедленно выезжаем.

Во время одного из налетов американской авиации был подожжен стоявший на станции санитарный поезд. Сотни раненых, выбравшихся из ада под Монте-Кассино, сгорели заживо, так как приблизиться к поезду, тушить его и помочь им выбраться было невозможно из-за продолжавшегося налета и обстрела с воздуха. Когда мы вечером проезжали это место, на много километров тянулся запах горелого мяса.

Через пару дней зенитная пушка сбила американский истребитель-бомбардировщик. В нем оказалось два члена экипажа, одному из них — негру — оторвало голову, а второго — белого — подоспевший немецкий патруль едва спас от линчевания. На допросе американский летчик сказал, что у них было специальное задание, бомбить и обстреливать санитарные поезда, потому что в них к фронту подвозятся боеприпасы.

Как-то при отъезде с «моей» виллы ко мне подошел мальчик, который передал мне письмо, в котором содержалось предложение во время одной из поездок в определенном месте «потерять» пару ящиков с пистолетами. Я передал письмо соответствующей службе. Теперь перевозки осуществлялись в сопровождении конвоя, потому что, если партизанам отказали что-то отдать за деньги, они попытаются отобрать это силой.

Я повысил бдительность, и даже по отношению к товарищам более высокого звания не имел никакого снисхождения, если, будучи начальником патруля, заставал



их вне расположения позднее предписанных 22 часов. С этих пор я стал для Кальдиеро «бешеным унтером».

Однажды утром на месте не оказалось машины начальника штаба «Милиция армата» штандартенфюрера фон Эльфенау. Его шофер, очень симпатичный австриалец с фальшивой путевкой бежал к партизанам, якобы в район Бергамо. Он часто общался со мной и знал о распределении вооружения и боеприпасов, поэтому место расположения центральных складов стало известно партизанам. А похитить портативные радиации благодаря принятым мною мерам ему не удалось.

Из-за усилившейся деятельности партизан я чаще стал по ночам устраивать внезапные проверки караулов. Из окна моей комнаты я как-то утром увидел не только известную по Первой мировой войне гору Монте Пасубио, но и дымок над ближайшим винокурным заводом. Из окна я дал сигнал тревоги — две очереди из автомата и поднял свою команду на тушение пожара. До полудня пожар удалось потушить. Благодаря этому до конца нашего пребывания в Кальдиере мы бесплатно в любое время для моей команды могли получать бочонок великолепного красного вина.

Налеты авиации противника усилились. В связи с этим было принято решение переместить склады в Южный Тироль, в городок Лана бай Меран. Тут я попал в бюрократическую мельницу «вермахт — НСДАП — войска СС». Вопреки воле местного гауляйтера и населения я разместил склады вооружения и боеприпасов в подвалах фруктового товарищества. Как только оружие и боеприпасы были выгружены из машин, началась бомбардировка.

Мы снова комфортабельно разместились на вилле одной из фирм. Наши южные тирольтцы оказались у себя дома, и у меня не было отбоя от приглашения на «тёргельн» — пробы вина с копченым салом и лепешками.



В Лане я ежедневно обедал в ресторанчике недавно погибшего товарища. В Меране жила семья подчиненного мне унтерфюрера. Его симпатичная дочь служила телефонисткой в комендатуре и часто вопреки запрету через массу соединений предоставляла мне возможность поговорить по телефону с Элизабет.

Такой чудесной была тыловая жизнь. Естественно, что «тыловые бойцы» расставались с ней с большим нежеланием.

От Элизабет я получил письмо, в котором она писала, что продолжит учебу в женской сельскохозяйственной школе в Каринтии. Я вместе с моими книгами по технике и вооружению обзавелся учебниками по сельскому хозяйству. И хотя никогда не хлопал по холке коня и не видел телящейся коровы, теперь теоретически я уже знал, что надо делать с телящейся коровой и как принимать теленка. В своих представлениях я уже откармливал свиней тщательно подобранным кормом. Я уже шесть лет не носил гражданской одежды и совершенно от нее отвык.

В декабре я получил задание отправиться в Мюнхен для получения большого транспорта с вооружением и боеприпасами и доставить его по железной дороге в Италию. В команду сопровождения я отобрал только настоящих тирольцев. По пути в женской сельскохозяйственной школе я навестил Элизабет. Со своим «обозом» я нашел там сердечный прием.

Элизабет повела меня по всей школе, показала образцовый хлев, в котором стояли и жевали жвачку огромные рогатые животные в рыжих пятнах. Увидев их массивные головы, я усомнился в своих теоретических познаниях и спросил:

— Это что, настоящие быки?

— Ну что ты, это же настоящие коровы!



Элизабет рассказала, что альпийские пастбища школы контролируют партизаны, которыми командует бывший обер-ефрейтор вермахта, держащий их в строжайшей дисциплине. До сих пор они очень корректно относились к девушкам из школы. Такое действительно можно было редко встретить.

У меня была еще малая надежда на изменение хода войны. Я понимал, если бомбардировки не прекратятся, войну можно считать проигранной.

— И что, если война, несмотря на все принесенные жертвы, закончится так? Я не представляю, что мне делать.

— Тогда пробивайся ко мне домой, спрячешься в альпийском домике!

К моему удивлению, отгрузка вооружения и боеприпасов в связи с наступающими праздниками сильно затянулась. И здесь явно вставляют палки в колеса!

Через местную комендатуру я ходатайствовал о предоставлении отпуска моим тирольцам. Они ответили мне рукопожатием и обещанием немедленно прибыть по моему телеграфному вызову.

Элизабет отпустили домой на каникулы, таким образом, возникла единственная возможность встретить Рождество в кругу ее семьи.

На душе у меня было беспокойно. Я отправился в этот неожиданный отпуск с тяжелыми чувствами. Мою должность мог бы исполнять инвалид. У нас в войсках солдатами на фронте командуют одноногие, есть однорукие командиры танков. В Будапеште окруженные дивизии войск СС истекают кровью, сдерживая натиск Красной Армии. Словом, этот отпуск не был таким безоблачным, как в 1942 году. Было чувство, что наслаждаешься тем, чего ты недостоин.



Из мюнхенской конторы на мой телефонный запрос твердили одно и то же: «Транспорт не готов!», обещали после Рождества, потом — после Нового года. И вдруг неожиданно перед Новым годом — все подготовили. Пока я принимал все по отгрузочной ведомости, подъехали мои тирольцы. Через пару часов сформировали эшелон и через пустынные вокзалы и станции он повез нас на Куфштайн, а потом через Бреннер и Боцен на Лану бай Меран. Еще до наступления Нового года боеприпасы были разгружены и помещены в глубокие подвалы. Вскоре после этого из окна туалета в «своей» вилле я наблюдал, как американские бомбардировщики бомбят оставшиеся на путях вагоны с вооружением.

Январь 1945 года. Впервые услышанное мной обращение фюрера к немецкому народу навсегда осталось у меня в памяти: «Если немецкий народ проиграет эту войну, то он недостоин вообще что-то выигрывать!» Или что-то в том же духе. Как эти слова могли подействовать на инвалидов, на тех, кто на войне потерял родных и близких, на тех, кто сидел на пепелище своего дома и не имел средств к существованию, тех, кто с глубокой верой в справедливость вступил в борьбу?

Положение на фронтах становилось все серьезнее. Появились «Зольдатенклау» — комиссии по изысканию «пригодного к фронтовой службе человеческого материала» для восполнения потерь в войсках, «постоянно борющихся за выравнивание фронта».

Прежде чем меня «вычесала» такая комиссия Кальдьеро, я сам добровольно подал рапорт с просьбой отправить меня на фронт. Не велик подвиг. Не было никаких причин меня заметить. Или все же не так? Тогда это был поступок сумасшедшего. Один я не спасу Германию от гибели, и я уже, по-видимому, решился на самоубийственные действия на фронте.



«Никогда ни за что не записывайся добровольцем!»
Как я мог забыть старую солдатскую мудрость?

Все пошло очень быстро: сдача хранилищ и должности, прощальный ужин с товарищами в Меране. Предписание и билеты до Гамбург-Лангенхорна, в 18-й запасный батальон войск СС. В тот же прощальный вечер я пришел в морозящий дождь на вокзал. В Гамбург я должен был прибыть 6 февраля. И я подделал командировочное предписание подписал отклонение от прямого маршрута в пути — решил заехать домой к Элизабет на ее день рождения и чтобы проститься с ней. Мне самому исполнилось только что 22 года.

На вокзале в Зальцбурге проверявший документы патруль полевой жандармерии снял меня с поезда. По пути в комендатуру, располагавшуюся у вокзального ресторана, мне удалось замешаться в толпе солдат и незаметно прыгнуть в отходящий поезд. Только теперь я понял, как глупо поступил, подделав командировочное предписание. Одного моего слова было достаточно, чтобы оберштурмфюрер Тиман официально выдал мне нужное предписание. Мне очень повезло, что я сбежал. Ведь по законам того времени меня просто могли повесить на месте как дезертира. Вечером я приехал в родное местечко Элизабет и оказался неожиданным гостем за праздничным столом по случаю ее дня рождения. Если бы была возможность, я бы предупредил Элизабет и избавил ее от такого сюрприза. Вечер прошел в подавленном настроении. Так угождают приговоренному, исполняя его последнее желание, прежде чем отправиться в никуда.

От службы и долга я похитил даже не день, а несколько часов. Элизабет проводила меня до Мюнхена. Мюнхен седьмого года войны был одной сплошной руиной. Я прошел к своему поезду — предназначенному только



для перевозки военнослужащих. Остальные поезда — тоже для серо-полевых. Много солдат, женщин, девушек, детей, прощания, неутешные слезы и ободряющие улыбки, и улыбки сквозь слезы.

Прежде чем я приехал в Гамбург, от одного из товарищей я узнал, что штурмбаннфюрер Кнёхляйн получил повышение, стал командиром полка и награжден Рыцарским крестом, а мой «профессор ботаники» оберштурмфюрер Грютте погиб в районе Харькова.

К ПОСЛЕДНЕМУ АКТУ

В Гамбург-Лангенхорне мне дали только восемь недель, чтобы подготовить взвод. Больших надежд на него возлагать не приходилось. Слишком малый срок подготовки и неважный «человеческий материал» — мальчишки в форме и «вычесанные» из рурских шахт шахтеры. Совсем не элита: 62 солдата и унтерфюрера теоретически представляли собой половину вновь формирувавшейся роты сопровождения танков. Со своим вооружением, на полугусеничных бронетранспортерах это было мелкое отдельное боевое подразделение.

Во время обучения я пытался научить своих солдат действительно необходимому, совсем не тому, чему учат на казарменном плацу. И все же осталось еще так много объяснить того, что совершенно необходимо для выживания в предстоящем бою.

Я говорил об окапывании и маскировке дополнительного вооружения, но до сих пор полугусеничного бронетранспортера мы так и не видели. Я снова нарушил приказы. Во время одной из частых ночных воздушных тревог я, будучи дежурным офицером, приказал роте не спускаться в подвал, а залечь в окопах на пустыре за казармой. Казарменные подвалы казались мне негодным убежищем. В Мюнхене я был свидетелем того, как из та-



кого же подвала вытаскивали целую компанию свадебных гостей, засыпанную и задохнувшуюся.

Командиром запасного батальона был штандартенфюрер, которого мы никогда не видели в лицо. К нему я должен был идти на рапорт за допущенное мной нарушение.

— Обершарфюрер Крафт! Прибыл по Вашему приказанию на рапорт!

Командир в банном халате (!) сидел за своим столом и долго смотрел на меня.

— У Вас такой вид, как будто вы замерзли. Вам холодно?

— Так точно, штандартенфюрер! Нам не разрешается топить!

— Тогда посмотрите на меня. Я же не мерзну! Вы не выполнили подписанных мною инструкций и отправитесь с первым же транспортом на фронт! Идите!

Когда я перед выходом отдал приветствие, мой взгляд упал на электрообогреватель под письменным столом.

Это ничего не меняло. Так и так в начале апреля я во главе своего взвода должен был отправиться на Восточный фронт. Постоянный состав запасного батальона от старшин до командира здесь прочно насидели кресла, если не сказать грубее, и хотели сохранить свои места и сейчас, до последнего часа.

В Лангенхорне был голод, дров и угля для отопления не выдавали. После учений вещи просушить было невозможно. В результате пошли заболевания, в первую очередь среди пожилых шахтеров.

Начало апреля 1945 года. Постоянные атаки самолетов с бреющего полета. Пять дней по железной дороге я ехал до Мюнхеберга, в 30 километрах восточнее Берлина. Выйдя из поезда на товарной станции, мы сначала



похоронили погибших при бомбардировке. Типичная картина прифронтового города: поспешно идут колонны гитлерюгенда с фаустпатронами и фольксштурмовиков с длинными винтовками времен Первой мировой войны. Им навстречу — повозки беженцев с женщинами, детьми и стариками. На стене вокзала лозунги: «Колеса должны крутиться для победы!», «Фюрер приказал, мы — выполняем!» и «Победа или хаос!».

Лица моих 17-летних пацанов и мужиков-угольщиков серьезные и напряженные. Намного увереннее держатся те, кто уже пережил тяжелые и тяжелейшие часы боев. Именно на них я смогу положиться. Мы пришли в Хайнесдорф — невзрачную деревеньку, где нас ждут еще два взвода. Теперь рота сопровождения танков в полном составе. Однако для полного ее комплекта не хватает техники, которая в неразберихе формирований или переформирований или не поступила, или была отправлена в другое место, или захвачена другими. Командир роты — молодой унтерштурмфюрер, родом из Пресбурга. Еще одно удивление для меня. Я думал, что командовать такой крупной ротой будет опытный гауптштурмфюрер. Проблем прибавилось, когда не имеющий фронтового опыта унтерштурмфюрер Вайс попросил меня быть его заместителем. Отправлять не полностью подготовленную, не «сколоченную» роту, возглавляемую только что выпущенным из юнкерской школы офицером, на фронт было уже само по себе почти преступлением. С неохотой я сдал командование взводом и стал при унтерштурмфюрере Вайсе практически командиром роты сопровождения танков.

Я настоял на том, чтобы командиры взводов и отделений как можно быстрее познакомились друг с другом, оценили опыт и возможности каждого и подружились. Мы еще были вне досягаемости вражеской артиллерии и после налетов авиации могли собираться вместе и



рассказывать друг другу о боях, в которых участвовали или не участвовали. Так удалось сразу же установить контакт. Тут нашли друг друга служившие в одной дивизии, которым довелось «лежать в одном дерьме». Тут были и из «Лейбштандарте», и из «Викинга», и из «Мертвой головы», и из других дивизий. Сейчас мы должны были служить в дивизии «30 января», формирующейся во фронтовой полосе. О названии позаботился наш лучший «друг» Гиммлер в своей политической игре. Рота получала все больше личного состава из стоявших поблизости штандартов войск СС и «подарки рейхсгендфюрера» — 14—15-летних мальчишек из «гитлерюгенда». Этих я приписывал в качестве посыльных при управлении роты, полагаясь на быстроту молодости. Как позднее оказалось, это решение было ошибочным. С абсцессом миндалина я попал в лазарет. Операцию мне делали как раз тогда, когда над Хайнерсдорфом появились русские бомбардировщики. Не обращая внимания на разрывы бомб, врачи продолжали работать. После операции я снова занял свое место в роте.

Мы готовили Хайнерсдорф к обороне, копали траншеи и ходы сообщения, хотя воевать должны были где-то в другом месте.

Все прояснилось: через три дня мы пойдем в наступление. Танки и бронетранспортеры подойдут. Ночь на 16 апреля холодная и сырая. У меня высокая температура. Уколы после операции и таблетки не помогают. За мной присматривает санитар, снабжающий меня пойлом из своей фляги, которое состоит из 92-процентного спирта с соседней фабрики и свекольного отвара. Предоставив унтерштурмфюреру поработать одному, на два дня я завалился на свой куль соломы.

Мне приснился ужасный сон: будто дрожит земля и едут русские танки, один из них вот-вот накрутит меня на гусеницы. С криком я вскочил: земля действительно



дрожала. Я откинул полог палатки и увидел выскочивших из палаток солдат, смотревших на восток, в направлении Кюстрина в пойме Одера. Ночное небо на востоке было светлым от всполохов пламени. Там, по видимому, на узком участке фронта вели огонь тысячи орудий.

Я сходил по нужде и снова завалился в палатку спать.

Утром населенные пункты западнее Одера начали превращаться в пепел и руины. Хайнерсдорфу тоже досталось. Снова и снова удары бомб будили меня, после чего я снова проваливался в тяжкий сон.

К полудню потерь от бомбардировки у нас не было — сказалось то, что мы поставили палатки в высоком кустарнике. По дороге пошли транспорты с ранеными. Мы получили возможность узнать, что творится «на передке». Русские несущественно продвинулись вперед. Удар их огневой подготовки пришелся в основном на оставленные позиции. А прожекторы, которые они выставили вдоль фронта, чтобы осветить поле боя и ослепить обороняющихся, очень помогли немцам. В то время как советские танки постоянно ехали по своей тени и, не разбирая дороги, вязли в болотах поймы, немецкая артиллерия с новых позиций с господствующих Зееловских высот имела перед собой освещенные цели и наносила противнику тяжелые потери.

17 апреля: все небо в штурмовиках и бомбардировщиках. Они атакуют позиции нашей артиллерии и все, что видят. Под их прикрытием русские наступают дальше.

Новые слухи: «фельдмаршала» Гимmlера за то, что он позволил расширить плацдарм на Одере, сместили и назначили способного армейского генерала. Гимmlер — полководец! Он и как рейхсфюрер СС был нам неприятен.



Температура не проходит. Выполняю служебные обязанности. Хожу днем и ночью в мокрой одежде.

18 апреля. Санитар передал мне плоскую бутылку со своим «лекарственным пойлом». Если инъекции и таблетки не помогали, другого средства он уже не знал.

Попали под сильный артиллерийский обстрел. Ну, вот и началось. Изрядно захмелевший, в прекрасном настроении, как только закончилась артподготовка, я вышел вперед к двум окопавшимся взводам. Противника пока я не видел и вышел далеко за позицию, чтобы осмотреть местность с возвышенности. Там я увидел оставленную позицию и присел за бруствером. Вдалеке я увидел отходящие немецкие войска, никакой паники и бегства. Наверное, займут новую позицию. Из-за облаков появилось солнце. Оно припекало так приятно, что я задремал. Разбудил меня лязг гусениц. Три Т-34, без пехоты, проезжали мимо, не обращая внимания на меня, ничтожного червя, хотя я, находясь в прекрасном настроении, приветливо махал им рукой. Они немного задержались на моей высоте, повернули правее и исчезли в направлении Мюнхберга. «Разведка», — подумал я. Мне было известно, что Т-34 из-за того, что командир совмещает обязанности наводчика, почти слеп. А ведь эти экипажи разведки могли бы посмотреть, что делается по сторонам.

Русские не заставили себя долго ждать. Немного придя в себя от случившегося, я вернулся назад к роте и принял необходимые меры. Когда иваны после полудня, ничего не подозревая, массами пошли по открытой местности, со среднего расстояния по ним внезапно открыли огонь двадцать пулеметов. Те, в кого не попали, прижались к земле. Я знал, что за этим последует, и приказал незаметно перейти на второй оборонительный рубеж на окраине Хайнерсдорфа. Между домами у нас будет больше возможности обороняться от танков фа-



устпатронами. Здесь мы будем незаметны, в то время как в поле придется стрелять из окопов, прежде чем сможем применить средства ближнего боя.

Самое плохое, что у меня совершенно не было средств связи: ни радио, ни телефона, чтобы связаться с кем-нибудь. Ни танков, ни противотанковых орудий, ни артиллерийской поддержки для нас не предусматривалось. Я так до сих пор и не знал, в какой батальон мы входим. Наверное, мы предназначались для охраны штаба или были его резервом на случай контратаки. Но все это было непонятно. Где тогда этот штаб?

Как только мы заняли новые позиции, по старым, только что покинутым, ударила артиллерия. Но второй атаки не последовало. Поздно вечером противник снова обрушил сильный минометный огонь по нашим покинутым позициям.

С наступлением темноты я отправил двух мальчишек-посыльных на машине за боеприпасами и продовольствием на командный пункт роты. Их должен был обеспечить командир роты, как мы с ним об этом договорились. Они должны были прихватить с собой и санитаря. Они вернулись назад с пустыми руками и доложили, что ни командира, ни командного пункта, ни других войск нет, а на другом конце деревни со стороны Мюнхеберга доносится шум боя.

Черт возьми! Остатки роты с унтерштурмфюрером отошли, не поставив меня в известность. Это явно не бегство, а выполнение чьего-то приказа. Это доказывает полностью снятый палаточный городок. Неужели посыльный меня не нашел? Не было никакого смысла здесь больше оставаться без всякой связи и соседей.

Ночью мы покинули Хайнерсдорф. Местные жители сказали, что видели наши отходящие войска в направлении Аренсдорфа. Русские уже в Мюнхеберге. Поэтому мы повернули на юг. Мы с большим трудом пробира-



лись по незнакомой местности. Небо освещали зарева пожаров. Грохот артиллерии и шум дождя были звуковым оформлением нашего марша в неизвестность.

Слева в ночное небо стреляли «сталинские оргбны». Впереди горел лес. Русским удалось уже уйти далеко вперед. До сих пор, несмотря на успешную оборону, у нас нет раненых, и мы избавлены от необходимости нести их на себе.

19 апреля. Ранним утром мы осторожно приблизились к Аренсдорфу. Два «тигра» и тяжелая рота СС находились в этом населенном пункте и ждали атаки противника. Нас радостно приветствовали экипажи танков. Войсковая рота, прикрывавшая «тигры», была отозвана. А командиры танков получили приказ по радио удерживать Аренсдорф до приказа.

Только с наступлением ночи мы продолжили отход на запад из окруженного Аренсдорфа, надеясь соединиться со своими. Хаос казался полным. Частей больше не было. Остались только боевые группы, собранные из отставших: солдат люфтваффе, моряков, мальчишек из «гитлерюгенда» и фольксштурма. Все, как и мы, искали свои части.

Я сам не знал, в каком я батальоне, полку, дивизии, существуют ли вообще они и их командиры. Только экипажи «тигров» благодаря их радиостанциям придали мне чувство, что где-то еще кто-то нами управляет.

Я получил приказ «собраться в Хагельсбергском лесу». Это юго-западнее от нас. Проходя по возвышенности, мы видели отходящие немецкие войска, преследуемые или окруженные русскими. Я избегал идти по открытым пространствам. Когда нам тем не менее пришлось переходить широкое поле, нас внезапно обогнали шесть танков Т-34. Три танка мы подбили фаустпатронами. И тут вдруг откуда ни возьмись появились три «Штуки», уничтожившие три остальных танка. Проходя



близко мимо них, я удивился еще раз, как может гореть столько стали?

С тыла и флангов нас теснил невидимый враг. «Тигры» получили приказ по радио собраться в Хальме и вынуждены были нас покинуть. На ходу я попытался найти это место на карте и нашел его далеко на западе от нас. Теперь мне стало ясно, что противник далеко обошел нас с флангов. «Тигры» образовывали авангард, а мы — тыловое охранение движущегося на запад «котла».

Когда танки ушли, пока не наступила ночь, мы снова зашли в спасительный лес. Если сохраним темп, то к утру выйдем к Хангельсбергскому лесу. Командир «тигров» доложил по радио, что вместе с ними движется присоединившаяся к ним в Аренсдорфе рота из Хайнерсдорфа, остающаяся после их отзыва в качестве тылового прикрытия. У меня была надежда, что этот доклад дойдет до соответствующей инстанции, и она обеспечит связь, командование, эвакуацию раненых и транспорт. Боеприпасов нам не требовалось, их набрали мы по пути. Каждый нес дополнительно по фаустпатрону. Было минометное вооружение, боеприпасы к нему мы везли на тележке, брошенной беженцами.

Я не ошибся, к утру мы вышли к Хангельсбергскому лесу, в котором располагался отряд, в который входил исчезнувший третий взвод нашей роты. Командира не было, очевидно, он остался в вышестоящем штабе. Теперь не было ни передовой, ни тыла, со всех сторон мы были окружены противником. Я принял командование над всей ротой в отсутствие унтерштурмфюрера Вайса.

Как оказалось, вечером 18 апреля ко мне отправили посыльного с сообщением, что танки противника прорвались в Мюнхеберг, возникла опасность окружения. Мне предлагалось в темноте уйти от противника и со-



браться в Аренсдорфе. Посыльный так и не пришел. Но я и без приказа принял правильное решение.

От одного оберштурмбаннфюрера я наконец узнал, кто мы такие: охранная рота штаба 11-го танкового корпуса СС, действовавшая в качестве тылового прикрытия движущейся в «котле» 9-й армии.

20 апреля 1945 года. Лесничество Кляйнхайде. После 50-часового марша по лесу мы находимся на пределе сил.

В то время как все располагавшиеся здесь части готовились к дальнейшему отходу, мы должны были сразу же перейти к обороне дороги и оборонять ее до 9 часов. Со времен демянского «котла» я хорошо знал, как действует лес во время обстрела. На мое предложение разрешить обороняться на открытой местности, позволяющей отход, в ответ мне сказали, что противник уже готовит прорыв силами двух полков. Огорченно я дал приказ двум взводам окопаться. Третий взвод залег на открытой местности позади высоты, как только оберштурмбаннфюрер уехал на своем вездеходе. Позади я разместил минометный расчет. Он должен был прикрывать наш отход.

— Окапывайтесь! Копайте глубже! Осколки полетят сверху! — кричал я на своих солдат, указывая на кроны деревьев. Дождь кончился. Земля была легкой и песчаной. Как только мы оказались в земле, около 20 танков противника, не приближаясь, открыли огонь по опушке леса. Они стояли широким фронтом на поле и были бы прекрасной целью для пикирующих бомбардировщиков и «Фокке-Вульфов». Но люфтваффе уже не существовало.

Кроны сосен и расщепленные стволы падали сверху на окопы. Русской пехоты я пока не замечал. Достаточно было массированного огня из танковых пушек. В перерывах между разрывами я слышал крики раненых,



пронзенных щепой и осколками, прибитых бревнами к земле. Танки прекратили стрельбу и двинулись вперед, потом повернули на юг и ушли. Затем по песчаной дороге к нам подъехал разведывательный броневедомо-мобиль американского производства и стал жертвой фау-устпатрона.

Теперь мы приступили к помощи раненым и завален-ным. Потери оказались меньше, чем я предполагал. Это просто от страха кричали мальчишки, проходившие бо-евое крещение, из-за этого мне показалось, что я поте-рял полроты. Убитых мы собрали и похоронили на про-секе. Со всех по моему приказу собрали половинки же-тонов, и я положил их в свою сумку. Сверху — пара лопат земли, воткнули крест из сосновых веток, перевязанных шнурком от ботинка, и все. Их рано или поздно найдет охотник или лесник, по половинкам жетонов определят, кому принадлежат останки. Перенесут на настоящее кладбище и похоронят как полагается. Раненых мы за-брали с собой, чтобы в них не признали эсэсовцев и не прикончили.

В лесу мы встретили позицию фольксштурма. Муж-чины преклонного возраста сидели в окопах с длинны-ми винтовками времен Первой мировой войны, с тупым отчаянием дожидаясь конца. Я потребовал, чтобы они присоединились к нам. Мы — последние. Остаться здесь им нет никакого смысла. Но они отказывались по-кидать свои ячейки, ссылаясь на приказ.

Потом мы пришли на большую поляну, где стояли красивые домики. У дверей — симпатичные девушки в спортивных костюмах. Я предупредил, что за нами идут русские, и, хотя в лесу уже началась перестрелка, они отказались покидать свои дома.

Дождь прекратился, парило. На высоте, в 200 метрах от деревушки, мы встретили мотоциклиста, который передал нам приказ, здесь занять оборону и перекрыть



дорогу. На мой вопрос, будет ли куда передать раненых, я услышал положительный ответ. Я должен был приказать нести раненых еще два километра и там погрузить их в санитарные автомобили. У мотоциклиста я настоятельно потребовал обеспечить меня боеприпасами к миномету. У нас был 81-мм миномет в полном комплекте с дальномером, два полевых телефона, телефонист, достаточно кабеля. Я обеспечил связь передового наблюдательного пункта с минометом. Чего у нас не было, так это транспорта. Мои солдаты окапывались теперь с большим задором, чем несколько часов назад. Мы разобрали большие поленницы дров на перекрытия окопов. На большом участке дорога была перегорожена заграждениями. Один взвод остался на передовой, два других заняли оборону в глубине. Я выбрал наилучшие позиции для пулеметов и фаустпатронов. Командирам взводов я приказал поделить взводы на смены и дать людям возможность спать. На ночную атаку русских я не рассчитывал.

Когда стемнело, мы заметили, что советские танки вошли в деревню. Экипажи вылезли и разошлись по домам. Из печных труб пошел дым. Снова пошел дождь. Рота отдыхала.

Ночь на 21 апреля прошла спокойно. На севере, на юге и на западе громыхал фронт и было видно зарево. На западе 9-я армия пыталась прорваться через превосходящие силы противника и соединиться со стоящими на Эльбе нашими войсками.

Мои посыльные спали. Я менялся на дежурстве со своим заместителем, опытным унтершарфюрером из дивизии «Викинг». Пулеметчик, молодой парень, служивший раньше, как и я, в дивизии «Мертвая голова», оказался здесь после госпиталя, куда попал из Венгрии. Он рассказал мне историю, которая меня потрясла. После неудачного наступления обескровленных дивизий



СС на Балатоне, фюрер приказал в наказание за бесчестье снять всем нарукавные ленты. Кроме того, в каждой дивизии были созданы расстрельные команды, которые должны вешать на месте любого, кто окажется в тылу без оправдательных документов. Я еще чувствовал принадлежность к своей дивизии. В этих дивизиях личный состав сменился уже по много раз. Опытных бойцов остались единицы. И им было устроено такое бесчестье! Об этом я долго думал той ночью.

За ночь в деревню подошли еще танки и пехота. Всю ночь из деревни доносились пьяные крики и песни. Утром пулеметы взяли башни танков на прицел. Под огонь попадали все, кто пытался в них залезть. Они спокойно выходили из дома, вспоминая проведенную ночь, и попадали под пулеметные очереди.

Рано утром к нам прибыли два вездехода с минами для миномета, санитарями и медикаментами. Кроме того, мы получили горячий гуляш из термосов и сухие пайки. Это меня приятно удивило. Сопровождавший транспорт офицер передал мне новые карты и указание: получив приказ, двигаться в направлении лесничества Бухте. Мне дали также радиста с рацией. Я просил оставить автомобиль для перевозки раненых, но мне отказали: «Сообщите по радио, мы их заберем».

Мы начали обстреливать танки из миномета. Некоторые танки загорелись, так как оказались уязвимыми для падающих сверху мин.

Русские почему-то нас не атаковали. Я выставил, как мог далеко, фланговые дозоры. Вечером мне доложили, что в лесу в нашем тылу кавалерия противника. Я доложил это по рации, получил ответ следовать в Шпреенхаген для его обороны.

22 апреля. Мы идем по дороге, ведущей к каналу Шпрее и указанному населенному пункту. На перекрестке мне преграждает путь офицер полиции и, направляя



на меня автомат, требует, чтобы мы заняли оборону здесь же. Его разоружили, и хотя я сомневался в его подлинности, предложили ему идти дальше с нами. Деревня по пути была занята противником. Я не захотел через нее пробиваться, и мы ее обошли.

К каналу мы вышли раньше срока. Переправочных средств не было. Русские шли по пятам и посылали нам вдогонку тяжелые «чемоданы». Из окрестного леса по нам уже били из пулеметов. Из связанных ремнями футляров для противогазов сделали плот для пулеметов. Я снял форму и, как было уже не раз, завернул ее вместе с планшетом в плащ-палатку, положил этот узел на воду и, толкая его, поплыл через канал, ширина которого была метров тридцать. Остальная рота последовала за мной. Я слишком сильно опирался на свой узел, он начал тонуть, и я не успел его подхватить, как у берега он ушел на дно.

Выскочив на берег, я тут же схватил с плота пулемет и, как был в нижнем белье, не одевшись, побежал вверх по склону, чтобы поставить пулемет на позицию и прикрыть огнем переправляющуюся роту. Не умевшие плавать резервисты под огнем противника впали в панику, бросились в воду, хватаясь за уходящих товарищей. Из-за этого потеря у нас было больше, чем от огня противника.

Роттенфюрер Хубих добыл мне где-то шинель, чтобы я мог прикрыть свою воинственную наготу. Командир роты — босой, в белье, без каски, без знаков различия, — не виданная до сих пор ни на каких маневрах ситуация! Мне повезло. В ближайшем населенном пункте оказался вещевой склад СС, и я оделся с иголки. Только не было знаков различия. Все равно что стрелок «Задница»: ни орденов, ни значков — чувствовал себя как рекрут.



Доложил в штаб. Рота сразу поручила задание оборонять населенный пункт. Получив боеприпасы, рота отправилась в поле на восточной окраине города. Радиостанция была потеряна. Связь теперь предстояло поддерживать посыльными.

Я организовал оборону. Два взвода заняли передовые позиции, выставили дозоры, третий взвод остался в резерве. Ночью из-за нервозности молодых солдат произошла перестрелка друг с другом. Стрельбу прекратили только тогда, когда я вышел вперед и громко приказал прекратить огонь. Были легко раненые, которые своим ходом отправились на перевязочный пункт.

23 апреля по нам с утра открыла огонь артиллерия противника. Потом из леса нас атаковала пехота и три самоходных орудия противника. Нам сразу удалось их подбить, а пехоту отсечь пулеметным огнем. Всего в тот день мы отразили четыре атаки, последовательно отходя на запасные позиции. Все повторялось: артиллерийская подготовка противника по оставленным нами окопам, потом атака пехоты, захлебывающаяся под нашим пулеметным огнем. Лишь один раз артиллерии противника удалось отработать по моей роте, в результате чего мы понесли серьезные потери. Боеприпасы кончились, и мои посыльные не могли добиться их получения.

Осмотрев местность, я заметил на высоте башенку. Возле нее — движение, наверное, какой-то наш штаб. Оставив роту на позициях, я отправился туда. Представился молодому унтерштурмфюреру в отутюженной новой форме. Хорош же я был — покрытый многими слоями грязи, с многодневной щетиной на лице, без знаков различия. Он недоверчиво посмотрел на меня и исчез в башне. Появился посыльный, который провел меня на командный пункт к широкоплечему офицеру, знаки различия которого были скрыты под маскировочной курткой. Он выслушал мой подробный доклад до того мо-



мента, когда два взвода под огненным валом противника, расстреляв все боеприпасы, отошли почти в паническом состоянии. По-видимому, здесь, в башне, был передовой наблюдательный пункт, и офицер лучше меня знал, что здесь происходит в поле его зрения. Меня отправили к моей роте. Я уже пошел, когда окликнули меня по фамилии. Ну что еще? Передо мной тот же наглаженный офицер. Я замер, узнав в нем Карпа, пулеметчика первого номера в боях под Курском! Он был офицером для поручений, наблюдал вместе с начальником (штаба) за боем, но не знал, что главным актером этого спектакля был его прежний командир отделения! На прощание я попросил его, чтобы подходящие штурмовые орудия накрыли своим огнем опушку леса, из которого атаковали русские, и прислали санитаров, чтобы унести раненых.

В Шпреенхагене было полно войск: легкие и тяжелые пехотные орудия, противотанковые пушки, бронетранспортеры, армейская пехота, войска СС, все моторизованные! И между ними — противотанковые команды с фаустпатронами на велосипедах!

Внезапно была моторизована и моя рота. Я, как командир, получил мотоцикл с коляской и водителя, личный состав разместился на транспортерах. Вечером я получил приказ направиться с ротой в Кёнигсвустерхаузен в штаб корпуса. На выезде из Шпреенхагена я заметил нашего пропавшего командира роты Вайса, шедшего, опираясь на двух гренадеров, по-видимому, на перевязочный пункт.

Дороги были забиты беженцами и войсками, из-за отсутствия средств связи приказы запаздывали. Так случилось и с нами. Штаб корпуса, который должен быть в Кёнигсвустерхаузене, сидел еще в полуокружении в Шторкове. Об этом я узнал слишком поздно, когда мы прибыли почти на место. Русские тоже были уже здесь.



Повсюду шла перестрелка. На обратном пути противник оттеснил нас от дороги, по которой мы только что проехали, и мы стали пробираться лесными дорогами. Когда стемнело, подъехали к мосту, который был взорван прямо перед нашим носом.

Мы свернули в лес, выставили дозоры и уснули. Я разделил дежурства, зашел в какой-то сарай, повалился на пол и тут же уснул. Мне снились события дня, потом — русские танки, ехавшие прямо на меня. Я в ужасе проснулся, вышел из сарая. Было тихо. Хорошо, что это только сон. Я решил посмотреть на роту, вышел на дорогу и увидел русский танк, направивший пушку прямо на меня! Так это был не сон! Их танки, наверное, всю ночь ехали мимо нас. Я пробрался в лес. Часовые от переутомления уснули на постах. Стуча дубиной по их каскам, я разбудил их. Дождавшись, когда русские танки проехали, мы продолжили свой путь на восток, объезжая наступающего противника. Больше не встречали ни танков, ни русской пехоты. После полудня мы выехали на берег озера у Саарова. Таким образом, мы оказались в 20 километрах восточнее, чем были вчера, когда оборонялись на северном фланге «котла».

Сегодняшний день, 24 апреля, обошелся без потерь. Я подумал, что уже три месяца, как я не получал писем от Элизабет. Гамбург был закрыт для писем. И теперь она даже не догадывается, где я воюю.

Тут раздался окрик:

— Хозяева рот, ко мне!

Мы подошли к майору, державшему под мышкой большой планшет с картой для доклада. Когда я доложил о своей роте, свое звание и фамилию, он внимательно посмотрел на меня. Потом скрылся в своей замаскированной палатке и вышел через пару минут:



— Хорошо, продолжайте командовать ротой. Хотя против вас необходимо провести расследование по поводу утраты обмундирования и оружия. — Он, по видимому, общался с Карпом, который про меня ему что-то сообщил. — Впрочем, если война еще продлится, то на шею вам еще что-нибудь повесят. По приказу сверху вы награждены Железным крестом 1-го класса, грамоту получите потом, и на плечах у вас будет потяжелее, сейчас уже посыльный бежит с вашим представлением в ставку фюрера, — добавил он саркастически.

Машины у нас отобрали. Остался только мотоцикл у меня. Мы должны были снова действовать в качестве тылового прикрытия. Машину для раненых пришлось «организовать».

Коротко опишу обстановку: наши танковые части растягивают «котел» на запад, чтобы прорваться к 12-й армии Венка. Наша задача заключалась в прикрытии «котла» с тыла, чтобы предотвратить прорыв противника в его центр, где находились тысячи беженцев и раненых.

Мы отправились пешком к перекрестку дорог. Мы пока были вдалеке от границы «котла». Нас пока прикрывали другие, и мы могли позаботиться о себе. Я приказал разобрать богато выданное продовольствие. У каждого была «шоко-кола» в круглых упаковках, сколько мог унести, сигареты и «трехзвездочный» для подъема морального духа. Сухарные сумки были набиты печеньем, консервами и сыром в тубиках. Ремень оттягивали ручные гранаты. Я снял с убитого подсумок с магазинами, теперь на мне их было нацеплено уже три. Я ужасно боялся, что в критической ситуации у меня кончатся патроны!

25 апреля. Вышли к ручью. Грязная и усталая молодежь затеяла купание, думая, что находится в безопасности. Из повозок, брошенных на дороге, удалось до-



быть целые горы чистого белья. Когда купание было почти закончено, появилось звено Ил-10. Эти глупцы бросились врассыпную. И только мой крик остановил их:

— Всем стоять! Махать и улыбаться!

Они поняли. Замахали, заулыбались и даже засмеялись. Русские самолеты прошли над нами, не сделав ни единого выстрела, и больше не появлялись.

26 апреля. Мы в резерве, но тихие часы заканчиваются. Ночь на 27 апреля тоже прошла спокойно. Последние немецкие транспортные средства проходят мимо нас на запад. Теперь мы — последние. Утром по новой радиостанции приходит приказ: «Отходить!» Мы покинули позицию и сразу же попали под сильный огонь со всех сторон. Казалось, что на нас устроена охота. Но мы быстро привыкли к такому сопровождению. Противника не видно. Вечером получили приказ занять оборону у следующего перекрестка. Ночью мы пошли дальше, к утру дошли до Меркиш-Буххольца и заняли оборону на его окраине. Вечером мы снова пошли на запад.

В ночь на 28 апреля русские попытались нас захватить. Оказалось, что шум, который мы слышали днем, издавали не наши танки, а советские. Мы подожгли несколько из них фаустпатронами, которые потом использовали в качестве «артиллерии». Они сбивали могучие сосны, которые создавали заграждение на дороге. Пехоту отсекали огнем. Начался лесной пожар, мы скрылись в темноте. У нас были убитые и раненые. Мы вызвали машину, и, к удивлению, она тут же пришла. Мы погрузили на нее тяжело раненных. Не успели мы отойти, как по месту, которое мы занимали, ударила русская артиллерия. Стало тихо.

В Хальбе после прорыва наших танковых частей русские вновь замкнули кольцо окружения. Со станции постоянно слышался шум боя. Здесь было «бутылочное



горло», через которое под губительным артиллерийским огнем противника прорывались немецкие части. Остаткам моей роты удалось миновать его почти без потерь. В деревне, к которой мы подошли, уже шел бой. Лесной дорогой мы пробирались на Барут. Все шоссе уже были в руках противника.

Под Хюгельвальдом мы попали под минометный обстрел. Были потери. Прямым попаданием был убит радист и разбита радиостанция. Теперь, как и в начале марша, нами никто не командовал. Пришлось снова положитьсь на мое чутье.

У дороги мы нашли неповрежденный грузовик, на котором миновали заслон противника. Барут остался слева. Неподалеку от него вечером мы подъехали к штабу. Мне поручили десять пленных с приказом: «Позаботьтесь, чтобы они не представляли никакой опасности». Я приказал обыскать их. Это были мужчины среднего возраста, того самого «добродушного старорусского крестьянского типа». Потом мы погнали их в лес. Они недоверчиво оглядывались, ожидая от нас пулю в спину. Пришлось крикнуть: «Давай, давай!» и ободряюще махнуть рукой. Они поняли, и исчезли в лесу.

Если бы кто-то написал на меня донос, за мою собственную жизнь никто не дал бы и пфеннига. Это дошло до меня позже. Но я не герой-человеколюб. Я не мог с остатками моей роты сторожить пленных и обеспечивать боевое охранение. Практичнее было бы приказать прикончить безоружных иванов «при попытке к бегству», но мне это претило.

29 апреля я записал в дневнике: «После ночного марша прорыв через позиции противника. Небольшие потери. Полигон Кумерсдорф, или Кунерсдорф».

30 апреля: «После четырехчасовых атак взят Хенникендорф. Пара часов отдыха после тяжелого боя. Вечером — прорыв на Белиц».



2 мая: «В четыре часа утра прорвали артиллерийскую позицию русских».

Мы закидали гранатами и вывели из строя тяжелые орудия русских, повернутые в сторону Берлина. Захватили автомобили. Когда мы отходили, я получил пулевое ранение в колено. Мне чертовски повезло: ни кости, ни основные сосуды не были перебиты. Но быстро идти я уже не мог. До прорыва оставалось каких-нибудь 15 километров. Я предоставил остаткам роты свободу действий: «Я идти самостоятельно дальше не могу. Прорывайтесь группами или поодиночке! Мы последние. Там вас ждет армия Венка и американский плен».

Надежды у меня не осталось. С момента предсказания «политического поворота в стане союзников» прошло восемь дней, в течение которых мы были размолоты и сожжены, отброшены почти на сто километров.

Война проиграна. Германия предоставлена своим врагам.

«ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД»

«Котел» мне напоминал гигантскую мышеловку, в которой метались, пытаясь вырваться, более десятка тысяч человек. Отходящие колонны накрывал огонь «сталинских оргбнов», тяжелой артиллерии, танковых пушек и пулеметов.

Хубих и его молодой товарищ помогали мне идти по дороге в толпе отступающих, пока по нам не ударил огненный смерч. Я и Хубих остались живы, его молодой товарищ погиб. Мы спрятались в кустах.

Послышался голос из громкоговорителя: «Немецкий товарищ, иди к нам. В советском плену тебя ждет хорошее обращение!»

«Это мы знаем! — подумал я. — Если ты из вермахта и не тяжело раненный — еще поживешь. Если из СС — в лучшем случае — сразу пуля в затылок».

Попробовали идти через болото. Чуть не утонули. Выбрались в сосновый лес, бросили стальные шлемы и наши куртки со знаками СС, накинули на себя плащ-палатки вермахта, которые валялись повсюду. Планшет с картой и блокнотом со списками погибших я повесил на молодое дерево: найдет лесник и передаст в Красный Крест. Солдатскую книжку утопил в болоте.

Потом мы углубились в лес. Хотели дожждаться ночи, чтобы в темноте переправиться через озеро, а потом



добратся до американцев. Из чащи к нам вышел безоружный немецкий солдат:

— Что с вами, почему не сдаетесь?

— Хотим не в плен, а домой!

— Чепуха. Через пару дней война закончится. Тогда всех отпустят. Кто подпишет бумагу, что больше не будет воевать против Красной Армии, того отпустят сразу. Как меня, например.

Понятно, товарищ из АНТИФА. Поздно мы догадались.

— Ты не выдашь нас иванам?

— Зачем? Вы сами виноваты в том, что идете не той дорогой, — с этими словами он исчез. Через пять минут на нас были направлены пять автоматов. Бывший товарищ нас все-таки предал. Хубих помог мне подняться. Под конвоем красноармейцев мы вылезли из чащи. Они обращались с нами корректно и передали нас офицеру, стоявшему у замаскированного танка. Он показал нам, что мы можем лечь, и оставил нас в покое.

Вечером нас забрали грозного вида пехотинцы и повели в Белиц. В Белице нас заперли в подвале одного из домов. Случайно рядом со мной оказался товарищ из вермахта, у которого были таблетки пронтозила. Они помогли как-то уменьшить воспаление моих распухших ран.

Белиц — цель нашего прорыва, ради которого мы принесли столько жертв. Перешеек, который через день был перерезан русскими. Мы, оставшиеся только со стрелковым оружием, уже были не в силах противостоять такому сильному противнику.

Только 3 мая нас выгнали из подвала, построили и обыскали. Все мало-мальски ценные вещи у нас отобрали. Медальончик с портретом Элизабет я спрятал под рубашкой, и с ужасом понял, что жетон у меня на шее. Хубих это тоже заметил и побледнел. Его надо сбросить,



пока никто не заметил. Товарищ, давший мне таблетки, рассказал, что перед нами выявили около 40 солдат из ваффен СС, отвели в сторону и расстреляли.

Через пару часов нас повели на восток. Мы вышли к автобану, по которому непрерывной колонной шли советские войска и боевая техника. В небе висели эскадрильи советских самолетов.

Всего в нашей колонне было собрано около 6000 солдат бывшей 9-й армии. Теперь нам предстояло идти обратным путем через те населенные пункты, сквозь которые мы прорывались с такими жертвами. Пройдя сорок километров, мы вышли к Треббину. Нас разместили в импровизированном лагере. Обещанной еды не было.

На следующее утро нас накормили ржаным супом. Ели не из котелков, которые у нас отобрали русские, а из консервных банок. У кого их не было, не получил ничего.

Моя рана распухла и посинела, колено больше не сгибалось.

Дальнейший марш был сплошным мучением. Я не показывал, что я ранен, так как боялся быть отчисленным из моей «сотни».

5 мая: 30-километровый марш на Лукенвальде. Я едва ковыляю. Стоит страшная жара. Пьем из ручьев и ведер, которые выставляет на дорогу местное население. Выбившихся из сил и неспособных идти пристреливают позади колонны. В Лукенвальде остановились на ночевку под открытым небом. На ужин — ржаной суп. Воды нет. Нас мучит жажда.

Потом нас повели к реке, где позволили напиться, умыться. Напоили чаем, дали кусок хлеба и ржаной суп. Потом нас повели в Барут.

9 мая. Русские празднуют капитуляцию. Все пьяные и непредсказуемые. Ничего не работает.



10 мая. С 3 мая, по грубым подсчетам, мы прошли почти 300 километров, получая в день кусок хлеба и банку ржаного супа, или вообще ничего. К колонне пленных подходят группы советских солдат, они веселы, прыгают в колонну, выхватывают пленных:

— Давай кольца! Давай часы!

У одного заметили на шее обручальное кольцо, схватили, вытащили из строя, пытались отобрать, пленный не отдавал. Вдруг толпа русских почтительно расступилась, пропуская офицера. Тот подошел к мародеру и с размаху ударил его кулаком в лицо. Потом отправил пленного в строй. Толпившиеся у обочины русские солдаты быстро разошлись.

Но даже увиденное не производило на меня впечатления. Я понимал, что больше идти не могу, отставал все сильнее и сильнее. Хубих, сам измотанный до нельзя, помогал мне как мог. Пройдя несколько километров, я лег на горячую дорогу. Мимо топали сапоги. Позади меня уже ждали.

Хубих опять хотел помочь мне. Он уже нес мой рюкзак. В таких условиях любая ноша — огромная тяжесть.

— Все. Оставь меня.

У него давно уже где-то в кармане мои адреса. Когда-нибудь сообщит матери и Элизабет, как все было.

— Вставай, приятель. Ты должен это пройти. Ты выберешься! — Стоя надо мной, он сам попадает в опасную зону и уходит только тогда, когда проходит последняя шеренга.

Потом тридцать метров — никого. Затем идут двое иностранцев в немецкой форме. У одного дубинка, у другого — петля. Один бьет меня дубинкой, другой накидывает петлю мне на шею. Короткое время они избивают меня на дороге. Потом оттаскивают на обочину и исчезают. Подходит расстрельная команда. На лошади подъезжает офицер, улыбаясь, достает из кобуры пи-



столет. Я смотрю в землю. Кругом сплошное дерьмо. По-видимому, предыдущей колонне пленных разрешили здесь «облегчиться». Не самое лучшее место для того, чтобы умереть. Я обернулся, уже ничего не думая. У лошади стоит солдат и о чем-то зло и энергично разговаривает с всадником. Тот смущенно прячет пистолет в кобуру. Оттесненный лошадьёю офицера в кусты, солдат поднимает меня и подтаскивает к дороге, сажает на ее край. Я вдалеке вижу колонну. Подъезжают повозки с полевой кухней, продовольствием и снаряжением. Солдат останавливает одну из них и помогает мне на нее сесть. Нахожу место, чтобы положить мою негнущуюся ногу, и тут же засыпаю под грохот железных колесных шин.

СОЛНЦЕВОРОТ 1945 г.

Наверное, прошли часы, прежде чем колеса перестали грохотать, и я от этого очнулся. К моему удивлению, повозка стояла у больницы, теперь переоборудованной под госпиталь. Солдат, чье вмешательство спасло меня от расстрела, дал мне знак, чтобы я слезал. Только сейчас я заметил ряд орденов на его груди.

Пока сестры оформляли меня в приемном, иван, ни слова не говоря и не дожидаясь благодарности, исчез вместе с повозкой, кучером и лошадкой. Второй этаж больницы в Зенфтенберге был предназначен для военнопленных. Из одной палаты вынесли тело старого фольксштурмиста, и я занял его место.

В последующие дни молодые выздоравливающие пленные покидали лазарет и отправлялись в лагерь для военнопленных. Их сюда отправили еще во время боевых действий, и над ними не издевались.

По новым слухам, военнопленные из войск СС должны будут работать на угольных разработках в Зенфтенберге. Как утверждалось — пожизненно.

С самого начала я соблюдал, словно высший завет, тайну о том, к какому роду войск я принадлежал. Вопреки всем правилам, для солдат из СС война продолжа-



лась дальше. Принадлежность к ним означала смерть или длительное заключение, что было одно и то же.

Больница и весь ее персонал относительно хорошо перенесли вторжение Красной Армии. Советские солдаты относились человечно, если не были пьяными. Но с самого начала они кинулись уничтожать все запасы алкоголя. Сестры, как могли, портили свою внешность и утверждали, что все они больны туберкулезом или сифилисом. Одного названия этих болезней было достаточно, чтобы избавиться от назойливых приставаний.

А так, вообще русские по своему обычаю подвергли Зенфтенберг трехдневному разграблению, а его жителей — насилию. Потом была создана военная комендатура и установлен образцовый порядок.

Теперь я был Гербертом Крафтом, до 1944 года оберфрейтором вермахта, в последнее время — рабочий спасательной команды и разборки завалов. Так было записано в журнале приемного отделения и в истории болезни. С помощью медсестры из Рурской области предметы моего обмундирования были спрятаны. Я получил взамен из подвала вещи жертв бомбардировок. Сестра Матильда отстирала их от пятен крови и привела в надлежащий вид. Под нами было женское отделение. На веревке я спустил туда записку с просьбой передать рубашку, подтяжки, ботинки 43-го размера и носки. Когда я ночью поднял шнур, к нему был привязан пакет со всем необходимым.

Тем временем два молодых лейтенанта бывшего вермахта решили что-то сделать для Красной Армии. Никто не может сказать, кто им поручил следить в госпитале за ранеными пленными. Они очень удивились, войдя в мою палату и увидев гражданскую одежду. Я тоже сильно удивился, что меня считают военным.



С тех пор как я оказался беззащитным перед произволом победителей, мне стало ясно, что честно я своей цели не добьюсь. Борьба вооруженных сторон позади. Теперь меч только у победителя, и он по своему усмотрению решает, кто прав. Побезденному отведена роль виновного во всем. Товарищества больше нет. Товарищи мертвы. Они гниют в северных болотах, а на юге на их костях строят улицы и города.

Новое оружие называется наглость, предательство, обман, риск, и неременная воля вернуться домой. Лейтенанты меняли друг друга, неустанно следя, чтобы я не сбежал, когда у меня заживет нога.

Тем временем мазевые повязки помогли, опухоль спала, мышцы стали мягкими, сустав стал сгибаться. Требовался покой и постепенная тренировка в сгибании ноги.

Однажды утром, когда мой почетный караул, продежурив надо мной ночь, удалился спать, я быстро надел непривычную мне гражданскую одежду. Такой я не носил семь лет. С папкой сестры Матильды под мышкой, быстрыми шагами я проскочил через двойной пост на воротах больницы так, что часовые даже не посмотрели в мою сторону. Когда я уже достаточно далеко прошел по улице, я встретил молодого человека, он прошел мимо, остановился и окликнул меня:

— Эй, приятель! Если ты дальше так пойдешь, то тебе не пройти и тысячи шагов. Сейчас не маршируют: «Раз! Два!левой!» Сегодня ходят неторопливо и держат руки в карманах.

Он с лету меня признал. Он мне сказал, что в Зенфтенберге стоял батальон войск СС. Он показал мне русскую комендатуру и добавил:

— Не перегибай палку и будь на связи! Один унтер-офицер тоже хотел смотаться. Ему удалось дойти толь-



ко до Эльбы, и был убит для устрашения других. Американцы тебя не примут и выдадут русским!

Хорошо знать заранее, что будет в случае ошибки.

Мне стало не по себе, когда я переступил порог русской комендатуры. Молодая женщина в красноармейской форме выслушала мою просьбу о выдаче мне документов для поездки в Австрийский Инсбрук. И коротко спросила:

— Бумаги?

— Никс папире! Бомбен! Папире капут!

Со снисходительной улыбкой она на чистом немецком языке мне ответила, что господин майор без документов обычно не выдает разрешения на проезд, но она запишет мою фамилию, и я должен буду прийти снова 8 июня в 8 часов утра. Тогда будут выдаваться разрешения на проезд.

С пустой, но так необходимой папкой под мышкой, я беспрепятственно прошел мимо часовых у ворот больницы, незаметно пробрался в палату, разделся и лег в постель.

До 8 июня оставалось еще несколько дней. Надо еще всесторонне подготовиться. Надо раздобыть веревку, по которой можно будет спуститься в сад. Надо еды, чтобы наесться досыта, чтобы потом пару дней можно было ничего не есть. Карту мне достала сестра Матильда.

Еду попробовал достать с помощью бечевки. Шестого июня снова спустил к окну женского отделения записку: «Прошу, если есть возможность, вечером 7 июня привязать к бечевке что-нибудь съестное. Очень нужно». Когда стемнело, я опустил бечевку и поднял наверх кастрюльку, полную отличного картофельного салата. Огромное спасибо помощнице или помощницам, взявшим на себя риск, два раза помочь мне!



В ту же ночь я опустошил кастрюльку, дождался рассвета, привязал веревку, принесенную сестрой Матильдой, к батарее отопления и беззвучно соскользнул по ней в сад. Пробежал через садик и перемахнул через больничный забор. Пробежал по улице (в одних носках, чтобы не было слышно топота) и скрылся за забором противоположного квартала вилл. Там я обулся, спрятался и стал дожидаться дня. Сестра Матильда должна сейчас поднять веревку и спрятать ее в бельевой.

Ровно в восемь я пришел в комендатуру. Там было много народа. Переводчица разложила перед ними целую стопку разрешений и выдавала их. На одном листке я увидел свою фамилию.

— Это моя!

Как мне показалось, с понимающей улыбкой она отдала мне, не требуя удостоверения, такой важный для меня листок бумаги.

Через несколько минут я уже был в сосновом лесу под Зенфтенбергом. Песчаная тропа приглушала шаги. Я избегал больших дорог и обходил населенные пункты по большой дуге.

Вечером первого дня я осмелел и вышел из леса на дорогу, чтобы было быстрее идти. За крутым поворотом я вдруг оказался перед огромной колонной людей, двигавшейся ко мне. Убегать было поздно. Я пошел спокойно дальше, прошел мимо колонны людей, а в конце меня остановил сопровождавший ее офицер. Недолго думая, он хотел меня тоже поставить в этот строй. Чтобы убедить его отпустить меня, я предъявил разрешение и махнул рукой, показывая на запад. Он сказал: «Хорошо» и отдал мне назад бумажку с печатью, на которой был изображен серп и молот.

Переведя дыхание, я продолжил свой путь. Теперь я снова предпочитал идти лесными дорогами. Теперь я шел и ночью. Все равно спать без одеяла было холодно.



Вечером следующего дня я вышел к Эльбе в районе Редерау. Я встретил беглых немецких солдат, которые рассказали о безуспешных попытках пересечь Эльбу: и русские и американцы стреляют по всему, что плышет по Эльбе. Ночью тоже мало шансов. Реку освещают прожектора, по этому и другому берегу регулярно ездят дозоры.

Я задумался. Что делать дальше? Мое разрешение в этой зоне больше не работает. Я должен быть откуда угодно, только не из Зенфтенберга. Если попадусь, то меня просто убьют. На всякий случай я спрятал разрешение под приметный камень. С высокого места я наблюдал за происходящим. Внизу на реке рабочие ремонтировали мост из стальных конструкций. Это были рабочие в гражданской одежде. На этой стороне моста была русская охрана, на той — американский пост. Русские часовые несли службу невнимательно. Рядом с ними бегали мальчишки, с которыми они играли. Мальчишки, судя по всему, им полностью доверяли и их совершенно не боялись.

Теперь или никогда! Я быстро подошел к ближайшему ящику с инструментами, накинул его ремень на плечо и пошел по мосту, постукивая молотком по железным балкам, как это делают железнодорожники. Рабочие, может быть, только что бывшие солдатами, с удивлением посмотрели на меня, но не предали. Так, постукивая по балкам и прислушиваясь к звучанию, возвращаясь немного назад, а потом проходя снова вперед, я медленно перешел через мост и миновал скучающе глядевших вдаль американских солдат. Я прошел!

На следующее утро солнце осветило широкие ворота сеновала, в его лучах весело заиграли пылинки. Не вылезая из сена, я любовался картиной спокойствия. Только теперь я почувствовал, что для меня наступил



мир. Местные крестьяне перед моим дальнейшим путешествием меня плотно накормили. Недалеко от крестьянского двора я спустился к железной дороге, ведущей на юго-запад, и пошел по шпалам. Меня догнал локомотив. Ни на что не рассчитывая, я махнул машинисту рукой. Он остановил локомотив, я забрался на площадку над передними буферами, поезд тронулся, и я заснул: напряжение спало, я ехал на родину.

Шипение локомотивов и металлические удары разбудили меня. Я увидел себя на вокзале, везде сновали пассажиры — женщины, старики, дети и... красноармейцы! Я оказался в Хемнице — в то время советском анклавом среди американской оккупационной зоны. Я стал расспрашивать встречных женщин, что и как. Они пригласили меня к себе домой, чтобы я смог основательно помыться, а на следующий день выбраться с их помощью из Хемница. Они угостили меня скромным ужином. Оказалось, что муж одной из них — летчик, остался где-то на юго-востоке бывшего развалившегося Рейха. То есть там, куда я пробираюсь.

— Может быть, там, у вас, тоже кто-нибудь даст нашему Вернеру чашку супа, — сказала она.

На следующее утро они провели меня через город к автобану и простились со мной. По автобану проходила демаркационная линия между русскими и американцами. Она охранялась с той и с другой стороны. Я незаметно пролез в дренажную трубу в насыпи автобана и, с трудом протиснувшись в ней, вылез с другой стороны. Так я «прошел» во второй раз!

Оказалось, что мое желание остаться в американской оккупационной зоне зависит от скорости моей ходьбы. К своему удивлению, от женщин я узнал, что русские включают в свою оккупационную зону всю Саксонию и Тюрингию. Если бы я со своим побегом опоздал на сутки, то шел бы вместе с русскими войсками.



Уже в первых населенных пунктах было заметно волнение населения. Какая-то молодежь с красными флагами в руках готовилась встретить новых хозяев, жители настороженно стояли у дверей домов. Во мне признавали беглеца и приглашали на чашку супа. Вечером я добрался до Глаухау. На переполненном поезде, с «пересадками» через разбитые бомбами станции, пути и мосты, на подножках и в телячьих вагонах я добрался до Плауэна. Опасаясь оставаться в Саксонии, куда должны были вот-вот прийти русские, я решил как можно скорее добраться до Баварии, целиком остававшейся в руках американцев. Пришлось идти ночью в сильнейшую грозу. Утром 14 июня я, весь мокрый, перешел баварскую границу и свалился в стог соломы у ближайшего крестьянского двора.

Я был страшно голоден. Попросил у хозяев хлеба и молока, но мне ничего не дали. Встретившиеся местные жители сказали, что американцы всюду ищут беглых солдат, хватают их и отправляют в Хоф, в лагерь для военнопленных. Стреляют без предупреждения в каждого, кто попытается бежать. Поэтому мне предложили идти восвояси в леса и поля. В другом доме я тоже попросил хлеба, сгорая от стыда. Мне было сказано, что самим есть нечего и чтобы я проваливал.

«Неужели в Бранденбурге и Саксонии другие люди? — подумал я. — Отдавали последнее, рисковали собой, помогали мне как могли. Без их помощи я бы не выжил!» Встретившийся мне солдат в форме горных стрелков, узнав, куда я иду, дал мне адрес родных своего товарища:

— Если доберешься, зайдешь к ним и скажешь, что он в плену, в Северной Италии. Скоро его должны отпустить. — Так передавались новости в стране, где не было почты.

На прощание из своего более чем скромного запаса он угостил меня парой сухарей.



Постоянно останавливаясь, я тащился дальше. Не оставалось ничего иного, как явиться в Хоф, в лагерь для военнопленных.

Где располагается лагерь, я узнал от прохожих. Пришел и доложил о себе охране у входа. Как вновь прибывшего, меня отправили на специально отгороженную территорию, под навес, сделанный из парашютных куполов. Шел дождь, старый шелк протекал, и глинистая почва под ногами превратилась в кашу. Нечего было и думать о том, чтобы лечь и спать. Два приятеля тихо разговаривали между собой, что завтра всех вновь прибывших построят и будут выявлять среди них эсэсовцев. Я вдруг встревожился и осторожно поинтересовался:

— А как это они делают?

— Ты что, не знаешь? У СС же под левой рукой татуировка с группой крови!

Меня как громом ударило. В шестнадцать лет по своей наивности я думал, что всем солдатам делают такую татуировку, чтобы им легче было оказывать медицинскую помощь. А оказывается, ее делали только в СС! Значит, завтра нас осмотрят, и меня, как солдата дивизии СС, воевавшей на востоке, передадут русским! Значит, бегство из Зенфтенберга и все мои мучения были напрасны!

На следующее утро нас построили: военных и гражданских отдельно, в тридцати шагах напротив друг друга. Приказали раскрыть и положить перед собой личные вещи для проверки, снять рубашки. Справа стояла палатка допрашивающего офицера, который лежал на полевой кушетке и лениво наблюдал за происходящим. К нам, гражданским, подошли двое. Один проверял личные вещи, другой записывал фамилии и собирал имеющиеся солдатские книжки.

Напротив меня уже началась проверка: «Руки вверх!» Действительно, осматривают, ищут татуировку. Одного (напротив меня!) вывели из строя и сказали встать в



стороне. В стороне от меня проверяющий вещи американец ударил ладонью в лицо пожилого человека, пытавшегося спрятать фотографии семьи. В создавшейся заминке я решительно взял свои вещи и быстро прошел тридцать шагов, отделявших меня от шеренги уже проверенных военных, и встал на освободившееся место. Я уже прошел проверку! Этого никто не заметил, кроме офицера-следователя в палатке. Но он ничего не сказал и оставался в прежнем положении.

Соседи по строю зашептали:

— Ты что делаешь? Если тебя заметят, то отделают так, что мало не покажется!

Но американцы продолжали спокойно заниматься своим делом, все замолчали, и никто на меня не донес.

Во время санобработки я держал руки так, как птица держит поломанные крылья. От наметанного взгляда немецкого санитаря это не скрылось:

— Группа «А», выходи строиться для получения гробов! — тихо пробормотал он. — Парень, подумай и выучи все твои личные данные назубок! Завтра — допрос, а следователь такая собака, что на 80 процентов раскусит тебя сразу! Если тебя расколют, милости просим в наш специальный лагерь. У нас отличная компашка! Настоящие «старики»! Наверное, переедем в Сибирь, учить русских прусским парадным маршам. Я сам из «Викинга». Ну, давай, ни пуха...

Всю ночь я заучивал свою семилетнюю службу, фамилии и имена офицеров и унтер-офицеров, участие в боях и походах, ранениях и, наконец, увольнение после тяжелого ранения в автокатастрофе в Италии.

На следующий день меня перекрестно допрашивали два американских офицера, в которых можно было угадать немцев-эмигрантов. Они досконально знали все особенности службы в вермахте. Нескольких человек отсеяли как «подозрительных» и отправили в специальное



отделение лагеря. Но обер-ефрейтор Крафт «выдержал» и был помечен, как «кандидат на освобождение»!

После долгих голодных дней я наконец получил справку об освобождении из плена и 18 июня 1945 года вместе с другими бывшими военнопленными поехал через лежащий в руинах Нюрнберг в разбомбленный в пух и прах Мюнхен. В центре города нас выпустили. Потерянным я шел по пустынным улицам мимо гор обломков и руин, напоминавших гигантские могилы.

Фельдхернхалле!

«Я клянусь Тебе, Адольф Гитлер...» — звучало здесь светлой от факелов ночью 9 ноября 1938 года.

«... как фюреру и канцлеру Рейха в верности и храбрости!»

Не счесть наших могил на всех фронтах!

«Я даю клятву Тебе и назначенным Тобой начальникам...»

От мелкого садиста Пандрика, Кнёхляйна до Гиммлера!

«... в послушании до смерти!»

«...Смерти!» — эхом отзывалось от окружающих домов.

«Да поможет мне Бог!»

«...Поможет Бог!»

20 июня в том году было необыкновенно солнечно. Я шел уже два дня, остались последние километры до цели, смысла и движущей силы моего бегства. Слева давно уже сопровождает серая скала, у подножия которой стоит дом Элизабет.

Моя одежда одеревенела от грязи и воняет, подметки начали отрываться, лицо покрывала недельная щетина, глаза красные от пыли и усталости.



Вот уже показались первые дома, церковная колокольня. Свернул в знакомую аллею. И тут меня охватил страх, ноги отказывались идти, я понимал, что стою перед чем-то решающим.

Вот и ухоженный большим трудом и заботой дом родителей Элизабет, куда я стремился в своих мечтах. Быстрым шагом прохожу через садик.

Из-за двери появляется мать Элизабет. Огромное удивление в ее словах:

— Да... Мы думали... По радио говорили, что вы все... — подавленное молчание, мучительное смущение.

Мне разрешили отдохнуть в доме. Элизабет не было. В светлом углу, как и полагается, висело распятие. Входя, я сказал:

— Господи, благослови! — впервые с момента, как вдруг закончилось мое детство. Семь лет я не употреблял такого приветствия, так же, как «доброе утро!» и «привет!», но оно совершенно непринужденно слетело с моих губ.

Молча я сидел и ждал. Чего? Неужели решение еще не принято? Мне нельзя сидеть на скамейке у двери. Меня кто-нибудь может узнать! Да, я же под надзором. И с моими пропавшими документами и справкой об освобождении из плена я могу жить только там, где меня никто не знает!

И я должен помнить, что подвергаю опасности свое окружение, которое меня знает. Я больше не признанный защитник фатерланда, рисковавший жизнью, теперь я отношусь к разряду людей, на которых свалена вся вина и которые не имеют права ни слова сказать в свою защиту. Я еще не знаю всего размера вины, которую должен взять на себя. Из кухонной плиты я достал горящую головешку и навсегда выжег с руки медицинский знак, ставший «каиновой печатью».



День прошел, а я так и не увидел свою девушку. Я мог спать в ее комнате, на стенах которой висели грамоты, на шкафах стояли кубки. Одетым я сидел, прислушиваясь к шорохам и шагам, ожидая рук, которые обнимут меня как тогда, в первый раз, ждал знакомого аромата светлых волос.

Я не доверял этой ночи и от тревожного чувства не мог заснуть. Я чувствовал такую же опасность, как и на войне.

Вдруг в ночной тишине раздались грохот прикладов в дверь и крик на английском, требующий открыть. Недолго думая, я спрыгнул с балкона в сад и спрятался в кустах, ожидая, что меня будут искать. Вместо этого я увидел, как американцы выводят из дома высокого мужчину с поднятыми руками. Это был офицер СС, пробившийся сюда к своей эвакуированной жене. Она уже работала у «освободителей» и донесла на него.

На следующее утро я поднимался к альпийскому пастбищу, где работала Элизабет. Четыре года назад в этот же день мы в составе Восточного фронта выступили из Восточной Пруссии. Пели песню «...прежде чем на полях созреет урожай». Урожай был беспрецедентный. Чтобы я один вернулся домой, там должны были остаться лежать девять товарищей.

Проходя по лугу, я пытался осмыслить события последних суток. После разрушения прежней системы реакция родителей Элизабет была понятной. Они — крестьяне, твердо стоящие на ногах, их крестьянское мышление трезво и основано на вековом укладе. Муж их дочери должен жить крестьянской жизнью, быть религиозным, знать обычаи, и на этой основе воспитывать внуков. Такие условия я удовлетворить не могу. В любом случае мне придется снова начинать жизнь с нуля.

Придется мне быть «свободным, как птица»!



Двери хлева были открыты. Элизабет чистила хлев. Она, слабая девушка, работала так ловко, что я бы никогда не смог так же управиться с этой работой.

Легкое смущение во взгляде. Сдержанное выражение радости на лице. Никаких объятий. Молчание, ничего не значащие слова. Нетерпеливое мычание коров, ждущих, когда их выпустят на луг.

И вдруг:

— Герберт, ты никогда не будешь крестьянином.

На мой вопрос, могу ли я остаться, последовал уклончивый ответ.

Пока я безучастно стоял, вся моя жизнь прошла перед глазами: наши встречи, эшелоны на железной дороге, арналеты, штурмовики, грязь, кровь, бои в окружении, русские, американцы, долгая дорога сюда.

Дорога, по которой мы вместе возвращались, показалась мне бесконечно тяжелой. Я чувствовал полное разочарование и огорчение. И моя поднятая до уровня богини возлюбленная, сопровождавшая меня в мечтах в трудные годы, снова превратилась в человека. И между ним и мной образовалась пропасть. Вся чудесная вера в любовь и верность, вера в людей рухнула в моем сознании. Когда пришли в дом, я забрал свои скромные пожитки и на прощание пожал ей руку. Ее родители, прощаясь со мной, облегченно вздохнули:

— Ступай с Богом! Ступай.

Снова стою на дороге. Куда теперь? Вырванный из круга друзей, свободный от уз несчастной любви, я не видел цели. Любовь умирает каждый день, и доверие к ближним так же исчезает, ложь расцветает новыми красками.

Это день солнцеворота. Год клонится к концу. И моя дорога пуста.

СОДЕРЖАНИЕ

В 15 лет самый молодой солдат нового Рейха	5
Наши знамена не на той площади	43
Первый бой	51
«...да поможет мне Бог!»	64
Постоянно в карауле	66
В начале жертвенного пути	85
Кампания на Западе	96
Позор в Ле-Парадиз	107
Оккупационные войска во Франции	123
Солнцеворот 1941 г.	137
В болотах и льдах Валдайской возвышенности	147
Котел под Демянском	214
Солнце в ноябре	248
Зимнее сражение за Харьков	253
В самой крупной до сих пор битве техники в военной истории	270
Вооружённая милиция	296
К последнему акту	310
«Заключительный аккорд»	331
Солнцеворот 1945 г.	336

Научно-популярное издание

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Герберт Крафт

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК ЭСЭСОВЦА

«Мертвая голова» в бою

Ответственный редактор *Ю. Морозова*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *Н. Гайдукова*

ООО «Яуза-пресс»
127299, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел. (495) 745-58-23, факс. 411-68-86-2253.

Подписано в печать 02.11.2009. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 4000 экз. Заказ 20891.

Отпечатано по технологии StP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 978-5-9955-0124-4



9 785995 501244 >

Он вступил в войска СС в 15 лет, став самым молодым солдатом нового Рейха. Он охранял концлагеря и участвовал в оккупации Чехословакии, в Польском и Французском походах. Но что такое настоящая война, понял только в России, где сражался в составе танковой дивизии СС «Мертвая голова». Битва за Ленинград и Демянский «котел», контрудар под Харьковом и Курская дуга – Герберт Крафт прошел через самые кровавые побоища Восточного фронта, был стрелком, пулеметчиком, водителем, выполняя смертельно опасные задания, доставляя боеприпасы на передовую и вывозя из-под огня раненых, затем снова пулеметчиком, командиром пехотного отделения, разведчиком. Он воочию видел все ужасы войны – кровь, грязь, гной, смерть – и рассказал об увиденном и пережитом в своем фронтовом дневнике, признанном одним из самых страшных и потрясающих документов Второй Мировой.

ISBN 978-5-9955-0124-4



9 785995 501244 >